

ООО «Наука и образование»

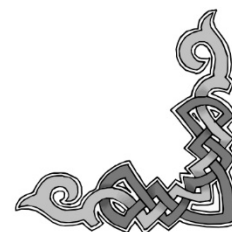
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

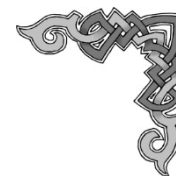

**№ 6
2022**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2022, № 6

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Заместители председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Гугуева Дарья Александровна, (по работе со студентами, магистрантами, аспирантами), кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

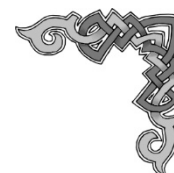
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University;

Darya Gugueva, (for work with students, undergraduates, postgraduates), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Branch and Applied Sociology of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander Viktorovich Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Кареева Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель Отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

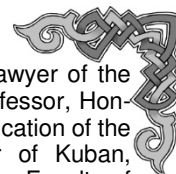
Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета. г.Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник МВД РФ, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Zelensky V. Dmitriyevich, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of Kuban Agrarian University;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konvalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Private Law and Business Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Sergei A. Nevsky, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Scientific Work, Head of the Research Center № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению уголовное право Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;

Narbut N. Petrovich, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia;

Konstantin V. Obrazhiyev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Mr. Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yury E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Irina N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology of Rostov State University of Economics;

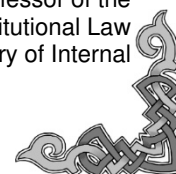
Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimshikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Financial Management of the Kuban State Technological University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Ugra State University doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal»;

Evgeny M. Kharitonov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Director of the All-Russian Rice Research Institute.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андриевская Ж.В., Котлярова В.В., Алексеенко И.Н. Методологические подходы к социальному поведению человека в современном российском обществе	13
Апкаев Д.М. Привилегии как элемент регулирования поведения в социуме	18
Данилова Е.А., Щанина Е.В. Воздействие виртуального пространства на социализацию молодежи	22
Жидяева Е.С., Попов М.Ю., Самыгин П.С. Правовая культура современной российской молодежи в условиях возрастающей социальной неопределенности	26
Коблева З.Х., Каратабан И.А., Губжокова Н.К. Гендерный диссонанс в условиях незарегистрированных брачных отношений в современной молодежной среде	31
Курилов С.Н., Родин А.Б., Рашитова Л.К. Роль высших учебных заведений в патриотическом воспитании студентов	36
Листопадова Е.В., Мерецкая Н.А., Туркулец С.Е. Особенности современного этапа управления в сфере российского высшего образования	39
Людкевич Ю.Н., Гришай Е.В., Люев Т.Х. Формирование ценностных ориентиров молодежи посредством массмедиа	42
Маслов С.Н. Воинский коллектив в предметном поле социологии	46
Рамазанов Р.О. Социально-демографический портрет дагестанского волонтера	51
Родин А.Б., Рашитова Л.К., Курилов С.Н. Патриотическое воспитание студенческой молодежи: практический аспект	55
Старостенко И.Н. Трансформация общественных отношений в условиях повсеместной цифровизации	58
Усенко А.М., Гомцяня О.А., Самыгин С.И. Влияние глобализации на управление человеческими ресурсами	62
Шахбанова М.М. Языковая политика в Республике Дагестан (по результатам социологического опроса)	68

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Барашева Е.В., Степаненко Д.А. Историко-правовые аспекты киберпреступности в банковской сфере	75
Бялт В.С., Чимаров С.Ю., Косолапов А.Д. Правовая парадигма пределов компетенции полиции Китайской Народной Республики: в контексте национального законодательства	78
Вислогубова О.И. Международный опыт государственного управления в сфере контроля за передвижением на электросамокатах	81
Зеленский В.Д., Куемжиева С.А. Об основных положениях организации первоначального этапа расследования	85
Зяблова Т.Е., Комарова Я.Б. Проблема «польских якобинцев» в польской историко-правовой науке	89
Курбатова С.М. О правовом положении лиц с ограниченными возможностями в уголовном судопроизводстве советского государства в период с 1960 по 1990 гг.	92

Лабашева Н.А., Трубчанинова И.И. Теоретико-методологические аспекты цифровизации юрлингвистики	99
Лаптев Д.Б. Альтернативные и дополнительные меры уголовно-правового характера	103
Лисица К.Э., Туркулец В.А. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации	107
Некоз А.С. Мелкое взяточничество: вопросы правоприменительной практики	111
Сагитов А.М. Зарубежная практика реализации прогрессивной системы наказаний	113
Силкин А.М. Современные тенденции законодательных подходов к базовым признакам объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ: актуальные вопросы для правильной квалификации	117
Скачко А.В., Бадалов А.Э. Некоторые аспекты формирования бюджетного учета в России: исторический опыт как способ рационального использования государственных средств	121
Смирнова А.Т., Рябчиков В.В. Правовой статус, иммунитеты свидетелей в уголовном процессе России и зарубежных стран	125
Степенко А.В. Ужесточение наказаний за преступления против общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, мира и безопасности человечества	128
Факов А.М. Финансирование террористической деятельности в системе террористической деятельности	130
Чимаров С.Ю., Марченко Г.В., Игошин Н.А. Анализ проблемы прозрачности полицейской деятельности в контексте практического проявления феномена «синей стены молчания» (на примере США)	135
Шаназарова Е.В., Савельева О.Е. Институт уголовных наказаний: понятие и виды	139
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Антипина Н.В. Минимизация социальных потерь с учетом взаимовлияния инфляции и безработицы	145
Добровольский А.Г., Мирончук В.А., Косников М.С. Моделирование интегрального показателя качества жизни городского населения Краснодарского края	150
Косенков В.И. Регионы и города как центры инновационных сетей	157
Коуров В.Ф., Меньшикова Е.А. Методологические основы совершенствования деятельности государственных организаций высшего образования в Дальневосточном федеральном округе	160
Коуров В.Ф. Новый инвестиционный цикл и институционализация теории	163
Лэй Шуян Исследование развития российской экономической политики с 1990 по 2000 годы	166
Меньшикова Е.А. Совершенствование государственного финансового контроля как фактор обеспечения экономической безопасности России	169
Перькова Е.П. Денежно-кредитная политика и инфляционные ожидания экономических агентов	173
Шевченко Е.П., Мазурчук Т.М. Конкурентоспособность российского природного газа на рынке Европейского союза в современных условиях	176

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Zhanna V. Andrievskaya, Victoria V. Kotlyarova, Ivan N. Alekseenko Methodological approaches to social human behavior in modern russian society	13
Damir M. Apkaev Privileges as an element of regulation of behavior in society	18
Elena A. Danilova, Ekaterina V. Shchanina The impact of virtual space on the socialization of young people	22
Elena S. Zhidyayeva, Mikhail Yu. Popov, Peter S. Samygin Legal culture of modern Russian youth in conditions of increasing social uncertainty	26
Zoret Kh. Kobleva, Irina A. Karataban, Nuret K. Gubzhokova Gender dissonance in the conditions of unregistered marriage relations in the modern youth environment	31
Sergey N. Kurilov, Alexey B. Rodin, Louise K. Rashitova The role of higher educational institutions in patriotic education of students	36
Evgenia V. Listopadova, Natalia A. Meretskaya, Svetlana E. Turkulets Features of the modern stage of management in the field of russian higher education	39
Yury N. Lyudkevich, Elena V. Grishay, Timbot Kh. Lyuev Formation of value orientations of youth through mass media	42
Sergey N. Maslov Military collective in the subject field of sociology	46
Rashid O. Ramazanov Socio-demographic portrait of a dagestani volunteer	51
Alexey B. Rodin, Louise K. Rashitova, Sergey N. Kurilov Patriotic education of students: practical aspect	55
Igor N. Starostenko Transformation of public relations under conditions of everywhere digitalization	58
Anastasia M. Usenko, Ovsep A. Gomtsyan, Sergey I. Samygin The impact of globalization on human resource management	62
Madina M. Shakhbanova Language policy in the Republic of Dagestan (based on the results of a sociological survey)	68

JURISPRUDENCE

Eleva V. Barasheva, Diana A. Stepanenko Historical and legal aspects of cybercrime in the banking sector	75
Viktor S. Byalt, Sergey Yu. Chimarov, Alexey D. Kosolapov The legal paradigm of the limits of the competence of the Chinese police People's Republic: in the context of national legislation	78
Oksana I. Vislogubova International experience of public administration in the field of control of movement on electric scooters	81
Vladimir D. Zelensky, Svetlana A. Kuemzhieva On the main provisions of the organization of the initial stage of the investigation	85
Tatiana E. Zyablova, Yana B. Komarova The problem of the «polish jacobins» in polish historical and legal science	89
Svetlana M. Kurbatova On the legal status of persons with disabilities in the criminal proceedings of the soviet state in the period from 1960 to 1990	92
Natalya A. Labasheva, Irina I. Trubchaninova Theoretical and methodological aspects of digitalization of jurislinguistics	99

Dmitry B. Laptev	
Alternative and additional criminal law measures	103
Kseniya E. Lisitsa, Valentina A. Turkulets	
«Cancel culture» as a form of stigmatization	107
Arkady S. Nekoz	
Small-scale bribery: law enforcement issues	111
Artem M. Sagitov	
Foreign practice of implementing a progressive system of punishments	113
Artem M. Silkin	
Current trends in legislative approaches to the basic features of the objective side of the corpus delicti provided for in Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation: topical issues for proper qualification	117
Anna V. Skachko, Artur E. Badalov	
Some aspects of the formation of budget accounting in Russia: historical experience as a way of rational use of public funds	121
Anastasia T. Smirnova, Vadim A. Ryabchikov	
Legal status and immunities of witnesses in criminal proceedings in Russia and foreign countries	125
Artem V. Stepenko	
Tougher penalties for crimes against public safety and public order, State power, peace and security of mankind	128
Azamat M. Fakov	
Financing of terrorist activities in the system of terrorist activities	130
Sergey Yu. Chimarov, Gennady V. Marchenko, Nikolay A. Igoshin	
Analysis of the problem of transparency in policing in the context of the practical manifestation of the phenomenon «blue wall of silence» (on the example of the USA)	135
Elena V. Shanazarova, Olga E. Savelyeva	
Institute of criminal penalties: concept and types	139
ECONOMIC SCIENCES	
Natalya V. Antipina	
Minimization of social losses, taking into account the mutual influence of inflation and unemployment	145
Alexander G. Dobrovolsky, Vadim A. Mironchuk, Maxim S. Kosnikov	
Modeling of an integral indicator of the quality of life of the urban population of the Krasnodar territory	150
Vsevolod I. Kosenkov	
Regions and cities as centers of innovation networks	157
Vladimir F. Kourov, Elena A. Menshikova	
Methodological foundations for improving the activities of state organizations of higher education in the Far Eastern Federal District	160
Vladimir F. Kourov	
New investment cycle and institutionalization of theory	163
Lei Shuyan	
Research of the development of the Russian economic policy from 1990 to 2000	166
Elena A. Menshikova	
Improvement of state financial control as a factor of economic security of Russia	169
Elena P. Perkova	
Monetary policy and inflation expectations of economic agents	173
Ekaterina P. Shevchenko, Timofey M. Mazurchuk	
Competitiveness of Russian natural gas in the European Union market under modern conditions	176

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Андриевская Жанна Викторовна

кандидат психологических наук,
доцент,
докторант,
Южный федеральный университет
zhandan3@gmail.com

Котлярова Виктория Валентиновна

доктор философских наук,
профессор,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного университета,
г. Шахты
biktoria66@mail.ru

Алексеенко Иван Николаевич

доктор философских наук,
заместитель директора
по учебно-производственной работе,
Донской педагогический колледж
otdel_praktiki_dpk@mail.ru

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЦИАЛЬНОМУ ПОВЕДЕНИЮ
ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. Настоящая статья посвящается методологическому анализу различных подходов и их классификации на примере изучения социального поведения. Рассматривается методологическое понимание подхода как точки зрения, с которой открывается горизонт на какой-либо один «срез» данного исследуемого предмета; ставится вопрос о соотношении различных подходов к одним и тем же объектам научного интереса. Производится два цикла проблематизации вопроса: общий, – в аспекте феномена методологии, порядка и функционального назначения выбора тех или иных подходов к той или иной проблеме, и более частный, – в аспекте подходов в социальном познании; ставится проблема обоснования и утверждения выбора тех или иных подходов в общем, развития культуры методологического мышления. Указывается, что наиболее распространённом случае имеется расхождение в манифестации методологии исследований и характером тех принципов, методов и подходов, используемых в реальной практике научного поиска.

Ключевые слова: социальное познание, социальное поведение, методология, методологические подходы, методологические принципы, методология социальных наук, теоретическое знание.

Zhanna V. Andrievskaya

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Candidate,
Southern Federal University
zhandan3@gmail.com

Victoria V. Kotlyarova

Doctor of Doctor of Philosophy,
Professor,
Institute of Service and Entrepreneurshi
(branch)
Don State Technical University,
Shakhty
biktoria66@mail.ru

Ivan N. Alekseenko

Doctor of Philosophical Science,
Deputy Director for Training
and Productive Work,
Don Pedagogical College
otdel_praktiki_dpk@mail.ru

**METHODOLOGICAL APPROACHES
TO SOCIAL HUMAN BEHAVIOR
IN MODERN RUSSIAN SOCIETY**

Annotation. The article deals with the methodological analysis of various approaches and their classification on the example of the study of social behavior. The methodological understanding of the approach is considered as a point of view giving understanding of any one «side» of a given subject under study; the question is raised about the correlation of different approaches to the same objects of scientific interest. There are two cycles of the problematization of the issue: general, – in the aspect of methodology phenomenon, order and functional purpose of choosing one or another approach to a particular problem, and more specific – in the aspect of social cognition approaches; the problem of substantiating and approving the choice of certain approaches in general, the development of a culture of methodological thinking is posed. It is indicated that in most common case, there is a discrepancy in the manifestation of research methodology and the nature of those principles, methods and approaches used in the real practice of scientific research.

Keywords: social cognition, social behavior, methodology, methodological approaches, methodological principles, methodology of social sciences, theoretical knowledge.

The article is devoted to the classification of approaches to the study of a wide range of social phenomena, the most important of which, to our mind, is the phenomenon of social behavior; in this case one should pay attention to «the general structure of the methodology and its main units – approaches» [1, p. 117], it should be explained that the general structure of the methodology is formed from different, sometimes polar and even diametrically opposite in their intentions, elementary units of methodology – i.e., approaches that take their object every time in different aspects and from different points of view – i.e., «positions» – that in the study of our object – «social behavior» – is the most important methodological prerequisite – and most often – of any consistent philosophical, including socio-philosophical research [2, 3, 4].

A non-trivial methodological remark, according to which any approach supplies the researcher with data on the material under study from any one «side», from any one «slice» of the subject under study, which has been recorded for a long time in the domestic methodological literature, for example, the subject focusing scheme of an object [1, p. 77]: any private and partial knowledge obtained with a particular approach characterizes the object under study only in a very limited number of angles and aspects, and in this regard, questions arise about the relationship of different approaches to the same objects under scientific interest, issues of their interaction or mutual exclusion, compatibility or incompatibility.

As a result, the article is of both a general methodological nature, since it reveals problems of a general scientific plan, and a substantive nature, since it seeks to reflect the relationships and classifications of various approaches in their socio-philosophical section – in relation to social behavior as an object of socio-philosophical analysis, which in fixing way forms an empirical subject of research: rising from a specific objective problem and ascending to the heights of abstractions, the research returns to the starting point.

Few of modern researchers – both theorists and practitioners – can declare the methodological lack of preconditions for their research – complete or even «almost» complete. Nowadays, any introduction to any academic work must contain the clause «methodological foundations of research». In this case, the choice of certain approaches, principles or methods, as a rule, is made arbitrarily, at random and hardly meaningfully.

The requirements according to which the author of a particular scientific work should give preference to one approach, principle or method, and not to others, are «by no means in the power» of even reviewers, opponents or editors of certain scientific journals. Moreover, at present, there is not even a methodological standard for the number and nature of approaches in a particular field of research; the application of those and not other approaches, methods and principles generally remains groundless and is still not subject to methodological substantiation. There is no point in talking about such forms of work with approaches as their classification or systematization – such innovations can only afford a few works in

hundreds. Thus, methodological reflection, which, in the ideal case, should guide the methodological culture of researchers, in the level of its development is now practically at zero level.

Moreover, the methodological grounds supposedly used in certain works are often indicated in an exclusively declarative manner – for example, the use of methods of analysis and synthesis is manifested and declared, but in fact, a purely descriptive method is used in the work without even a banal comparison, not to mention any analytical operations and procedures. At the same time, for example, in the works of the social and humanitarian cycle, the use of the methods of phenomenology and hermeneutics is often indicated, but the actual phenomenological or hermeneutic methods are not used – even at the level of basic fundamental procedures of phenomenological reductions – not to mention more.

The picture turns out to be even more depressing; the selection of approaches, methods and principles is arbitrary and does not correspond any norms: at present there is not a single theoretical work in which correspondence between those typical goals which are declared as the ultimate for research and those typical methodological solutions that are used to achieve the stated goals; at present, almost no one is concerned with the «problem of the method, which is always the problem of the correspondence of funds to the set goals» [5, p. 204].

At the same time, the methodological construct is «preconditioned theoretical knowledge that has the function of cognitive filters that mediate the interaction of the subject and the object of scientific research» [6, p. 15–16]. However, the question of choosing such methodological constructs is currently the lot of a free-floating, groundless, subjective choice, which often «gets stuck» at the stage of empty declarations and manifestations, and has no further effect: systematic work in this specific but generally significant direction is not currently being pursued, and the matter is left to chance and arbitrariness.

The designated problems are by no means the lot of any loners; the problems of method and methodology are organically included and present – explicitly or implicitly – in any and every enterprise of the human spirit – theoretical or practical; scientific research, however, is methodologically «burdened» at the very root – the methodology of scientific research cannot be removed from this – any and every – scientific research; at the same time, there is an obvious deficit of even the very foundations of methodological reflection, which is not surprising – most scientists work within the framework of the so-called «normal science», and are busy with the so-called «solving puzzles» (both terms belong to Thomas Kuhn), and almost never encounter problems and periods of crisis of paradigms, and therefore the level of methodological culture, etc. the level of methodological reflection in the general case remains unsatisfactory.

The matter is significantly aggravated in the case of the social and humanitarian disciplines. The «behavior» of most objects of natural science can be described by an ordinary differential equation; the

behavior of the objects of social and humanitarian disciplines cannot boast of something analogous, thus, the role of methodological prerequisites in them critically increases, as well as the level of general methodological illiteracy increases proportionally.

At the same time, any approach in social cognition gives a kind of «cross-section» of those variables that are included in consideration when using this approach – this is always a certain «optics» through the prism of which we look at our social reality: in the terms of Roman Lubsky, this is «methodological construct», and in terms of Georgy Shchedrovitsky – «subject» (which is always different from «object»). Speaking about specifically social cognition, it should be pointed out that none of the possible approaches will give that completeness of vision – the construction of a voluminous and deep picture of events at any historical moment is always achieved by the methodological synthesis of various approaches that describe what is really happening in a particular society, which is fixed in the methodological principle of complementarity.

Nevertheless, it is in social cognition that the role of such cognitive filters cannot be ignored – any «methodological atomism» built on one or two expressed one-sided approaches always gives a distorted picture of events and processes, one-sidedly refracted in their light. The complete picture in social (and humanitarian) cognition emerges only when the scientist's toolbox contains three or four or more approaches that are mutually linked, moreover, on certain methodological principles, in one or another order of mutual agreement – it is hardly worth relying entirely on only one creative intuition: the more complex the system under study – the more variables should be taken into account in its study – the more critical factor is the choice of methodological constructs, the more critical is the methodological diversity of the researcher.

«Social behavior» is an important category of socio-philosophical research and social cognition in general. Behaviorism as an approach understands social behavior as mental rituals, conditioned reflexes and habits, monotonously sent by subjects in everyday situations during their interaction. The ethological (in fact, zoopsychological) approach understands human social behavior as an evolutionarily established order of interaction of «individuals» in a «group» that has internal stability and a certain supra-individual structure. Thus, Gestalt psychology understands social behavior as cyclically opened and closed behavioral gestalts, realized by subjects in standard or non-standard social situations. Polarly separated from each other, the formational approach and social phenomenology additionally consider human social behavior in the optics of the determinants «society – individual», and can be organically combined in the methodological arsenal of researchers: Marxism and phenomenology are taken for research from the obverse and reverse, but in fact they can be synthesized within a more general structuralism approach. The existential approach reveals the psychology of emotions and the drama of the absurdity of life, but in the same way it is organically included in the general bunch of approaches of social cognition – on the basis of some kind of introspection. The institutional

approach in social cognition interprets various forms of social behavior as small institutional forms that are steadily reproduced in society, thus conditioning the stability of this society itself and the processes taking place in it. The spatial approach to social behavior gives results concerning the direct spatial distribution of various types of social behavior, the culture of this behavior, various models – depending on the spatial arrangement of situations of this social behavior. The symbolic approach reveals, extracts, as the name implies, the symbolic components of these acts of social behavior concerning social relationships. The communicative approach explores the role of communication in acts of social behavior.

The informational approach gives results with respect to the dry residue of communication – in fact, informative relations, taking value and other components out of their brackets. The hermeneutic approach reveals the factor of understanding, and, no less important, misunderstanding – that is, the barriers to interpretation – in the processes of social communication. The cultural-philosophical approach examines social behavior in terms of traditions, beliefs fixed in a particular society – as well as an axiological one, which takes a value aspect in this process; they are generalized by a civilizational approach that seeks to build an extremely holistic vision and gives extremely general and abstract data regarding certain civilizations and standard models of social behavior in these civilizations.

From the other pole, approaches such as synergetic, functional and systemic examine society for its structuredness and relationships that arise between the components of society in its functioning and development. The energy approach is also adjacent to the latter, considering the mutual transformation of individual and social energy, and, thereby, highlighting in its aspect the energetic aspect of social behavior; at the same time, it is specially noted that «the systemic definition of behavior can be used only as an instrumental one in the study of human interaction. It should be borne in mind that the action has a functional meaning, and therefore it is inappropriate to define the elements of the system by their functions, especially when it comes to society» [7, p. 22]. At the same time, the instrumental use of synergetic, functional and systemic methods «breaks teeth» in the case of humanitarian or social cognition: the principle of humanism prohibits the reduction of a person to a certain set of functional entities.

The socio-economic approach examines social behavior through the prism of countable entities – production, goods, money, capital, market relations, etc. The risk-based approach takes social reality from the perspective and aspect of «Russian roulette»: the aspect of the spatial distribution of social risks – their production, acceptance or rejection.

The comparative approach in an extremely broad sense can be applied both to study the social behavior of individuals, and representatives of entire countries, civilizations and much more. In this regard, the anthropological approach explores social processes in the «first person» perspective, in the dimension of human reality. And, finally, the activity approach covers social behavior in the aspect of those

manifestations of human activity that express both technical and ethical, both functional and symbolic dimensions of behavior.

From this brief overview of approaches to the phenomenon of «social behavior» it is quite clear that many of these approaches, applied in relation to the same objects (to specific forms and types of social behavior), provide materials that are sometimes contradictory, but according to the principle complementarity – determine the general final integral vision of the processes taking place in society and the functions sent by its agents, and act as a basis for further theoretical constructions, further theorization – both in the function of natural scientific theorizing and in normative.

It is clear that any such approach takes a rather narrow set of the studied variables, which like a «litmus test», indicate those tendencies – constructive or destructive taking place in a particular society, its system and subsystems (social, political, spiritual, economic), separate parts and components.

As a consequence, the «spectrum» of approaches used by a researcher wishing to achieve some significant research results should encompass at least three or four independent approaches, and not «get stuck» in any one or two approaches. Wherein, the approaches (from this research «spectrum») form a research method, and often even a whole methodology (Georgy Shchedrovitsky pointed out that a methodology becomes a special kind of theoretical knowledge if the principles of its methods are substantiated theoretically), the very methodology, normatively guiding research towards objectivity and empirical adequacy.

The phenomenon of social behavior, the study of which was initiated in the field of ethology (in zoopsychology), starts being applied in a wider complex of social disciplines, and for this study it is legitimate to extend all (or almost all) of those methodological approaches that have already been formed at the time of the inclusion of the phenomenon of social behavior – including in social philosophy with all its characteristic methodological apparatus and corresponding conceptual prerequisites – for example, the categorical distinction between ethical and technical, functional and symbolic, natural and artificial aspects, as well as those discourses that have already been forged in social philosophy.

The phenomenon of social behavior, taken through the prism of all these approaches, turns out to be a multifaceted model, which allows studying this or that society conveniently. Social behavior turns out to be a focal point in which empirical material is concentrated for larger-scale theoretical research. In this sense, Kuhn's statement is absolutely correct determining pure philosophical reason, taken in the study without its history of science, is empty, and the history of science taken as a set of facts without any theoretical schemes is blind: philosophical reason taken in its «naked» synthetic activity is sterile without the supply of empirical material, and this material itself without its «dressing» by the philosophical mind remains uninformative, even in the aspect of «naked» cumulation (accumulation of this material): thereby

these methodological approaches applied to the experimental sphere in the boundaries of which their action unfolds comprise an equally necessary foundation along with the plan of empirical work itself.

The chosen empirical field – the field of social behavior – is the focus of social and humanitarian meanings; it absorbs the sociality of a person, reflects the entire universe of human culture, being its micro model i.e., its small resemblance, which makes it possible to use the modeling method in socio-philosophical research of this kind, obtaining quite specific material on the study of such forms.

Thus, it is proposed to conduct the final version of the interdisciplinary classification of philosophical and psychological approaches in the study of social behavior on the border of the sides of the so-called «subject-object» matrix, and it gets the following form in its three-part list:

- (1) objective approaches: civilizational and cultural-psychological approaches (in general – and culture-philosophical approach), formational and socio-economic approaches, ethological approach, informational, behaviorism, synergetic approach, functional and systemic approaches, energy approach, institutional approach, spatial approach, risk-based approach, comparative approach;
- (2) subjective approaches: introspection, phenomenology, analytical psychology, gestalt psychology, existentialism and existential psychology, psychoanalysis, anthropological approach;
- (3) inter-subjective approaches: hermeneutic approach, social phenomenology, structuralism (including poststructuralism) and functionalism, axiological approach, communicative approach, activity approach, symbolic approach.

It is easy to see that the main group of approaches in social cognition is formed by a group of objective approaches, and this phenomenon is by no means accidental for the traditions of Western science, the history of which begins with the study of objective or objectified observable entities, and only later extends to the essence of the unobservable order. However, «the approach to the study of social behavior in the aspect of subjective meaning is insufficient to understand the essence of the phenomenon under consideration» [7, p. 23].

Thus, according to these three categories, the classification of approaches to social cognition corresponds to the real history of philosophy, is isomorphic to it – in classical philosophy there is a bias towards the study of objective, i.e. data directly in experience, essences; in non-classical philosophy the emphasis is shifted to the study of subjective processes, and post-non-classical philosophy comes to inter-subjectivity.

This makes it possible to study the very phenomenon of social behavior, which can be accessed from all three groups of approaches at once – in the aspect of reflexive self-observation in the «first person» mode (introspection and phenomenology), in the aspect of objective research (for example, both Marxist

approaches and socio-economic in general), and, in the aspect of inter-subjective approaches, which for their implementation require coverage of their object on many paths at once, in the synergy of which the most original, distinctive products of research activity are achieved.

This explains the nature of the phenomenon of methodology as a research tool, on the way from the subject of cognition to its object, which, like prisms, refract the vision of certain aspects and angles in which this object is «given» or «viewed»; principles, methods and approaches are a kind of research «cognitive filters» (expression of Roman Lubsky) or «glasses» (expression of Georgy Shchedrovitsky), which highlight in their object one or another «slice» of subject variables that are preliminarily included in subsequent research.

Литература:

1. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М., 1995.
2. *Кролевец Ю.Л.* Теоретические основы многомерности социального поведения / Ю.Л. Кролевец // Гуманитарные исследования. 2017. № 1(14). С. 30–31.
3. *Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988.
4. *Шорохова Е.В.* Психологические механизмы регулирования социального поведения / Е.В. Шорохова, М.И. Бобнева. М., 1979.
5. *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения: Рост научного знания / К.Р. Поппер; Пер. с англ. М., 2008.
6. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе : монография / Отв. ред. А.В. Лубский. Ростов-н/Д., 2016.
7. *Митрюшин С.А.* Понятие «социальное поведение» в социологической науке / С.А. Митрюшин // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14. С. 21–24.

On the example of a case study of «social behavior», it was shown that socio-philosophical approaches can be classified into a stable three-part grid on the basis of the «subject-object» matrix (that is, into objective, subjective and inter-subjective approaches). Having arranged all the main existing approaches, the study revealed that the largest group is made up of «objective approaches». Prospects for further research in this area are such non-trivial approaches as: identifying the results of combining and grouping certain approaches among themselves, their linkage in various ratios; identification of the adequacy of certain approaches for solving problems of some classes and categories, and inadequacy for others; prospects for the development of general scientific approaches (synergetic and systemic approaches); freeing up the horizon for the formation of new approaches in the practice of «methodological engineering».

Literature:

1. *Shchedrovitsky G.P.* Selected Works. M., 1995.
2. *Krolevets Yu.L.* Theoretical foundations of the multidimensionality of social behavior / Yu.L. Krolevets // Humanitarian research. 2017. № 1(14). P. 30–31.
3. *Naumova N.F.* Sociological and psychological aspects of purposeful behavior. M., 1988.
4. *Shorokhova E.V.* Psychological mechanisms of regulation of social behavior / E.V. Shorokhova, M.I. Bobneva. M., 1979.
5. *Popper K.R.* Assumptions and rebuttals: The growth of scientific knowledge / K.R. Popper; Translation from English. M., 2008.
6. Mental programs and models of social behavior in Russian society : monograph / Editor-in-chief A.V. Lubsky. Rostov-on/D., 2016.
7. *Mitryushin S.A.* The concept of «social behavior» in sociological science / S.A. Mitryushin // Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov. 2008. Vol. 14. P. 21–24.

Апкаев Дамир Маратович
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
damirrrhan@mail.ru

ПРИВИЛЕГИИ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИУМЕ

Аннотация. Совместное проживание людей в обществе требует установления правил их поведения. Эти правила, так или иначе, ограничивают интересы отдельных индивидов и/или их объединений. В статье анализируются особенности социального регулирования привилегий. В современном мире привилегия связана с различными категориями идентичности и различий в обществе. Эти категории, такие как раса, класс, пол, инвалидность считаются основными критериями существования различий, а также, описывают социальное положение человека в обществе или в социальной структуре. Именно на основе этих различий присваиваются привилегии.

Ключевые слова: привилегия, социальные нормы, правила поведения, исключения, преимущества, права, мотивация, потребности.

Совместное проживание людей в обществе требует установления правил их поведения. Эти правила, так или иначе, ограничивают интересы отдельных индивидов и/или их объединений. Явление исключения состоит в том, чтобы предусмотреть иное поведение, направленное на удовлетворение интересов индивида, при этом, не нарушая правил предусмотренных общественностью.

Систематизация в человеческом коллективе, обществе обеспечивается тем, что люди, живущие вместе, вырабатывают определенный порядок совместной жизни. Подобный порядок, является, как писал Г. Ландберг [1, с. 143], обязательным к исполнению для лиц, проживающих на территории распространения установленного правила проживания.

Человек, по сути своей, стремится к улучшению своего положения, получению больших преимуществ по сравнению с остальными членами общества. Данная ситуация служит стимулирующим фактором в жизнедеятельности. Такого мнения придерживался К. Маркс, который указывал на то, что «где равенство, там нет выгоды» [2, с. 165].

Damir M. Apkaev
Senior Lecturer of the Department
of Criminal Law and Criminology
of the Faculty of Law,
Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia
damirrrhan@mail.ru

PRIVILEGES AS AN ELEMENT OF REGULATION OF BEHAVIOR IN SOCIETY

Annotation. Cohabitation of people in society requires the establishment of rules of their behavior. These rules, in one way or another, limit the interests of individuals and/or their associations. The article analyzes the features of social regulation of privileges. In today's world, privilege is associated with various categories of identity and differences in society. These categories, such as race, class, gender, disability are considered the main criteria for the existence of differences, and also describe the social position of a person in society or in a social structure. It is on the basis of these distinctions that privileges are assigned.

Keywords: privilege, social norms, rules of conduct, exceptions, advantages, rights, motivation, needs.

Таким образом, наличие привилегий служит мотивом развития личности и общества, в целом. Некоторые из этих привилегий регулируются соответствующими правовыми актами, но большинство из них имеют социальное значение, иными словами, понимаются членами общества как основания для получения блага заявителем.

Правила поведения, с приходом частной собственности и образования классов, стали закреплять и отражать общественное неравенство, а с возникновением классового деления общества и образованием государства возникли правила поведения, которые обеспечивались всеми силами принуждения государства [3, с. 62].

Подобной точки зрения придерживается Горланов Г.В, который утверждает, что привилегии находили и находят свое отражение в социальных нормах, возникших раньше норм права; юридическое оформление многих привилегий – лишь фиксация реально сложившегося положения [4, с. 88].

Привилегии являются неотъемлемой частью развития человеческого общества, необходимым элементом, направленным на развитие трудовых

и социальных отношений. В современном мире привилегия связана с различными категориями идентичности и различий в обществе. Эти категории, такие как раса, класс, пол, инвалидность считаются основными критериями существования различий, а также, описывают социальное положение человека в обществе или в социальной структуре. Именно на основе этих различий присваиваются привилегии.

Указанные категории вписываются в критическую схему, поскольку они рассматриваются как объективные, неизменные, фиксированные, устойчивые и проверяемые различия, которые существуют вне всякого социального процесса.

С другой стороны, категории не однородны и не стабильны, а подвижны, изменчивы, отсюда сложность понимания социальных привилегий. Например, классовая привилегия сложна и многоаспектна, поскольку ее можно достичь с помощью образования, дохода и рода занятий. В то же время, класс приписывается и по рождению, и в этом случае он воспроизводится биологически и социально. Для тех, кто находится на вершине социально-экономического статуса, социальный класс обеспечивает более широкий доступ к общественным благам, в то время как люди более низких сословий не могут удовлетворить большую часть своих экономических потребностей.

Тот факт, что привилегии встречаются во всех сферах жизнедеятельности человека подтверждается наличием исключений в религии. Существуют случаи, когда религиозная организация может отлучить от возможности посещать службу человека, который разводится, если это необходимо, чтобы не нанести ущерб убеждениям других членов религии. Однако в исключительных случаях представитель религиозной организации может отменить наложенное ограничение, чтобы позволить дискриминируемому лицу следовать своей религии [5]. Так, церковный суд может в исключительных случаях расторгнуть брак повенчанных, разрешить отпевание самоубийц. Последнее показывает сложный, многоуровневый характер социальных исключений. По православным канонам христианина отпевают перед погребением, исключение составляют люди, добровольно лишившие себя жизни. Но, как уже было сказано, в некоторых, особых случаях (ходатайство родственников, подозрительные обстоятельства гибели) отпевание самоубийц может быть допущено церковными властями. Получается как бы исключение из исключения [6, с. 53].

Один из способов понять социальную привилегию – это посмотреть на источник этой привилегии, а именно, на социальные нормы. Согласимся с мнением С.Ю. Суменкова, который под социальными нормами понимает исключения, охватывающие практически все жизненно важные для человека интересы – от распределения материальных благ и услуг до сугубо сокровенных, порой даже интимных моментов [7, с. 48].

Употребление слова «привилегия» означает быть счастливым, иметь счастливую возможность и извлекать пользу из этой удачи и возможности. Эти

определения предполагают, что привилегия является положительным результатом случайности. Однако когда ученые используют этот термин при описании того, как работает общество, они ссылаются на права, преимущества и защиту, которыми пользуются некоторые за счет и помимо прав, преимуществ и защиты, доступных другим. В этом контексте, привилегия – это не продукт удачи, везения или случайности, а продукт структурных преимуществ. Человек автоматически получает привилегии, будучи членом доминирующей группы. Поскольку доминирующие группы занимают позиции власти, их члены получают социальные и институциональные преимущества.

Привилегия распространяется на определенных людей, которые получают больше, чем другие люди в том же социальном, политическом или экономическом обществе. Кто-то может быть привилегированным только потому, что он богаче или могущественнее других. Привилегия может применяться к различным концепциям, таким как мужская привилегия, расовая привилегия, должностная привилегия и т.д. Например, привилегия в виде стажа работы воздействуют на людей, особенно на молодых людей, ищущих работу. Некоторые работодатели вместо того, чтобы нанимать, основываясь на наборах навыков и способностей кандидата, устраивающегося на работу, принимают решения, основанные на опыте работы.

Необходимо указать, что могут возникать различного рода конфликты, которые будут касаться социальных привилегий определенных групп. Привилегия обычно имеет негативное отношение со стороны окружающих, как будто быть привилегированным – это плохо. Если все люди созданы равными и наделены в равной степени неотъемлемыми правами, то никто не должен иметь преимуществ, благ и прав, которые не являются общими для всех. Это похвальный идеал и краеугольный камень того, к чему стремятся многие. При этом каждый живет своей жизнью, создавая несправедливую среду, которая дает привилегии одним людям и ставит в невыгодное положение других. Мы выступаем за справедливость, одновременно создавая неравенство. Для предотвращения возникновения конфликта внутри общества, должны существовать гибкие подходы к регулированию социальных правил. Решением данной проблемы являются исключения, иными словами, человек не нарушая общие правила, предлагает иной вариант поведения, направленный на удовлетворение индивидуального интереса, но в рамках общественного.

При рассмотрении того, как действуют привилегии, следует иметь в виду, что привилегии действуют в рамках взаимосвязанных иерархией власти, доминирования и исключения. То, что кто-то пользуется одним преимуществом, не означает, что он не может быть лишен привилегий в другом (и наоборот). Поэтому важно знать о различных группах, к которым принадлежит человек, чтобы иметь возможность прояснить спектр привилегий которые он имеет.

По нашему мнению, привилегии очень тесно связаны с потребностями человека. Чем выше

человек находится в социальной иерархии, тем многограннее его привилегии. Достижение профессиональных, финансовых, спортивных высот позволяет попасть человеку в «элииту», которая обладает наибольшими привилегиями. Чем более популярный спортсмен, тем больше у него возникает потребностей. Например, футболист, добившись высоких спортивных достижений, может быть вознагражден более высокой зарплатой, рекламными контрактами в сравнении с молодым футболистом.

Выяснение того, что мотивирует людей, хорошо раскрыто А. Маслоу[8], который предложил иерархию человеческих потребностей, ранжировав потребности людей в соответствии с воспринимаемой важностью. Люди, как правило, мотивированы на достижение более низких базовых потребностей, прежде чем удовлетворить более высокие. По мере удовлетворения более низких потребностей, люди могут больше сосредоточиться на потребностях следующего уровня. Когда удовлетворена фундаментальная потребность (физиологическая потребность), человек будет стремиться к удовлетворению потребности в безопасности, и так далее, пока не достигнет потребности в самовыражении. Например, работники, вознагражденные более высокой оплатой труда, получают больше возможностей удовлетворять потребности более низкого уровня, а следовательно, и следующие потребности. Иерархия потребностей является ориентиром в изучении направленности получения привилегий. Привилегии не обязательно должны быть постоянными. Они будут потеряны, если произойдут изменения субъективного или объективного характера.

Можно сделать вывод о том, что потребности и привилегии связаны между собой. В процессе удовлетворения своих потребностей человек пытается получить привилегии, а привилегии, в свою очередь, предоставляют возможность удовлетворить потребности.

Таким образом, там, где существует общество, будут и привилегии. Каждое общество, если оно

Литература:

1. *Осипов Г.В.* Современная буржуазная социология (критический очерк). М. : Наука, 1964. 416 с.
2. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономики. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М. : Политиздат, 1983. 800 с.
3. *Маркс К.* Полное собрание Сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс // Издательство политической литературы. Т. 18. С. 1955–437.
4. *Горланов Г.В.* Экономические привилегии. Источники и формы проявления. М., 1990. 109 с.
5. Changing religious exceptions to anti-discrimination laws. URL : <http://www.justice.vic.gov.au/equality-opportunity-act-religious-exceptions28399> (дата обращения 10.01.2022).
6. *Малько А.В.* Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения : монография /

хочет приблизиться к справедливости, должно найти способы ослабить накапливающиеся эффекты привилегий. Проблема концентрированного богатства решается не путем устранения богатства, а путем его распределения и создания нескольких путей к его достижению.

Подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. Привилегии являются одновременно объективными и субъективными атрибутами человеческого существования. Каждый обладает стартовыми привилегиями и сам выбирает из имеющихся собственных возможностей дальнейшее их развитие. Под привилегией следует понимать предусмотренные преимущества, позволяющие реализовывать потенциал человека в сфере межличностных отношениях, а также – предоставлять, некоторые блага, выгоды или права, которые доступны не всем членам общества.
 2. Привилегия является как причиной, так и следствием социального класса. Объективными критериями социального неравенства являются параметры структуры общества независимые от индивидуального или коллективного сознания. Субъективные критерии социального неравенства помогают понять направления и характер видоизменения сложившейся социальной системы. Многомерный иерархический подход, основанный на пирамиде А. Маслоу, в рамках которого систематизируются основные потребности человека, дает возможность составления наиболее точной модели направленности получения привилегий.
 3. Эффективность функционирования привилегий в социуме зависит от состояния таких показателей общественной зрелости как развитая стабильная экономика, сильное государство, целесообразная регламентация общественных отношений и развитая культура. С увеличением темпов развития общества, возможность получения привилегий претерпевает изменения.
- Literature:**
1. *Osipov G.V.* Modern bourgeois sociology (critical essay). M. : Nauka, 1964. 416 p.
 2. *Marx K.* Capital. Criticism of political economy. Vol. 1. Book. 1. The process of capital production. M. : Politizdat, 1983. 800 p.
 3. *Marx K.* Complete Works. / K. Marx, F. Engels // Publishing house of political literature. Vol. 18. P. 1955–437.
 4. *Gorlanov G.V.* economic privileges. Sources and forms of manifestation. M., 1990. 109 p.
 5. Changing religious exceptions to anti-discrimination laws. URL : <http://www.justice.vic.gov.au/equality-opportunity-act-religious-exceptions28399> (date of the application 10.01.2022).
 6. *Malko A.V.* Privileges and immunities as special legal exceptions : monograph / A.V. Malko, S.Yu. Su-

А.В. Малько, С.Ю. Суменков; А.В. Малько, С.Ю. Суменков; Рос. акад. наук, Саратов. фил. Ин-та государства и права, М-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Пенз. гос. ун-т». Пенза : ИИЦ ПГУ, 2005. 179 с.

7. *Суменков С.Ю.* Социальные нормы как синтез правил и исключений / С.Ю. Суменков; Под ред. О.С. Кошевого // Региональные особенности рыночных социально-экономических систем (структур) и их правовое обеспечение: Сборник материалов XI-й научно-практической конференции (с международным участием), Пенза, 28 апреля 2020 года. М. : Московский университет имени С.Ю. Витте, 2020. С. 46–51.

8. *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность / А.Г. Маслоу; Пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. СПб. : Евразия, 1999. 370 с.

menkov; A.V. Malko, S.Yu. Sumenkov; Ros. acad. Sciences, Sarat. Phil. Institute of State and Law, Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Feder. Education Agency, State. educate. institution of higher prof. education «Penz. state. un-t». Penza : IITs PGU, 2005. 179 p.

7. *Sumenkov S.Yu.* Social norms as a synthesis of rules and exceptions / S.Yu. Sumenkov; Edited by O.S. Koshevoy // Regional features of market socioeconomic systems (structures) and their legal support: Collection of materials of the XI-th scientific and practical conference (with international participation), Penza, April 28, 2020. M. : Moscow University. S.Yu. Witte, 2020. P. 46–51.

8. *Maslow A.G.* Motivation and personality / A.G. Maslow; Translation from English by A.M. Tatlybaeva. SPb. : Eurasia, 1999. 370 p.

Данилова Елена Александровна
кандидат социологических наук,
доцент,
Пензенский государственный университет
danilovaea31@gmail.com

Щанина Екатерина Владимировна
доктор социологических наук,
доцент,
Пензенский государственный университет
shchanina@mail.ru

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье на основе изучения теорий информационного общества произведен анализ влияния цифровых технологий на становление молодого поколения. Исследование позволило определить амбивалентность данного процесса, проявляющаяся в глобальных возможностях высокоскоростного многоаспектного развития и взаимодействия молодежи в виртуальном пространстве в условиях ограниченного контроля со стороны традиционных социальных институтов одновременно с прогрессирующей рискогенностью экспансии цифровой среды, что обуславливает вовлеченность в деструктивное поведение молодого поколения.

Ключевые слова: цифровое общество, молодежь, деструктивное поведение, социализация, безопасность виртуального пространства.

Мировая цифровая трансформация кардинальным образом влияет на содержание и структуру процесса социализации, социальных институтов, многократно усиливая межпоколенные различия в ценностно-нормативной и когнитивно-поведенческой сферах жизнедеятельности, что обуславливает качественные изменения социокультурного пространства в целом.

Дисбаланс современной ситуации заключается в том, что весомая доля социализационных процессов современной молодежи реализуется в виртуальном пространстве, где практически отсутствует контроль традиционных социальных институтов, таких как семья, образование, религия и государство. Как правило, первичные агенты социализации имеют ограниченный доступ в «он-лайн мир» ребенка, а тем более подростка. Кроме этого, следует учитывать, что зачастую правообладатели социальных медиа не несут ответственности за содержание и характер деятельности их групп, сообществ, обуславливая тем самым беспрепятственное прогрессирующее развитие деструктивных воздействий на

Elena A. Danilova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Penza State University
danilovaea31@gmail.com

Ekaterina V. Shchanina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Penza State University
shchanina@mail.ru

THE IMPACT OF VIRTUAL SPACE ON THE SOCIALIZATION OF YOUNG PEOPLE

Annotation. Based on the study of the theory of the information society, the article analyzes digital technologies on the development of the younger generation. The study determines the ambivalence of this process, which is manifested in the most probabilities of high-speed multidimensional development and interaction of young people in the external space in conditions of limited control by individual social institutions, combined with the progressive riskiness of the expansion of the digital environment, which causes the emergence of destructive behavior of the younger generation.

Keywords: digital society, youth, destructive behavior, socialization, environmental safety.

становление молодого поколения, которое следует воспринимать в качестве стратегического ресурса развития страны, вследствие чего, с одной стороны, возможно характеризовать глобальное виртуальное пространство как одно из основных активных мест трансляции, формирования и усвоения социальных норм, ролей, ценностей и моделей поведения, предопределяющее и конструирующее возможности многостороннего развития, и самосовершенствования жизненных стратегий целых поколений.

Проведенные нами исследования показали, что в настоящее время Интернет обладает рядом особенностей: интерактивностью, мультимедийностью, гипертекстуальностью, оказанию интернет-услуг населению. Все это позволяет рассматривать Интернет как информационный ресурс повседневной жизни, способствующий социальной адаптации и интеграции в современный информационно-цифровой социум [1; 2]. При этом следует учитывать практическое отсутствие барьеров в использовании информационных и временных ресурсов, экономических издержек,

связанных с процессами мобильности в виртуальной среде.

С другой стороны, именно в этой области наблюдается:

- возрастающий уровень психосоциальных рисков и опасностей для социально-демографической группы молодежи, обусловленный стрессовыми и психосоциальными факторами такими, как патологическая зависимость от социальных сетей и кибер-игр;
- зависимость и желание подражать лидерам мнений – «блогерам»;
- интернет-травля, популяризация суицидального и иного деструктивного поведения;
- пропаганда экстремистских и террористических идей и траекторий действий в молодежной среде.

Так, президент группы компаний InfoWatch Н.И. Касперская на форуме «Цифровая гигиена. Молодежь в сети» привела данные анализа социальных медиа, по которым «деструктивному воздействию подвергаются в Интернете семь миллионов подростков, а прирост вовлеченности, например, по теме наркотиков, убийств, травли и суицида, составляет два миллиона пользователей в год, при том, что система считает вовлеченными участниками групп тех, кто поставил лайк, сделал репост или прокомментировал опасный контент» [3].

Все увеличивающийся объем потребляемой информации глобально влияет на становление молодой личности. В этой связи, актуальна концепция «мирового цифрового флуда» [4], наглядно отражающая современное содержание медиасреды. Исследователи определяют флуд (*flood* – с англ. наводнение, поток) как поток избыточной информации, симулякров (от лат. *simulo* – делать вид, притворяться; копия, не имеющая оригинала в реальности), мемов и фейков, отнимающих огромное количество времени и призванных парализовать независимое и концептуальное мышление личности. Не всегда флудинг носит безобидный характер, зачастую, имея своей истинной целью создание конфликтных ситуаций, троллинг, что может квалифицироваться как хулиганство и подпадать под действие УК РФ.

Опасность цифрового флуда заключается в том, что старшие поколения, имеющие устоявшуюся систему ценностных ориентаций, определяют его содержание легкомысленным, пустым и неспособным влиять на процесс самоидентификации индивида. В отличие от молодого поколения, у которого конструируются интересы, стереотипы, образцы и модели поведения, интериоризируется навязанный образ реальности как единственно достоверный, под влиянием динамической экспансии цифровой среды. Об актуальности проблемы социальной идентичности в современной информационной среде указал известный отечественный социолог О.Н. Яницкий [5], анализируя научную литературу по глобализации и

общественным движениям, а также, опираясь на результаты собственных исследований. Отмечая, что непрерывный информационный поток, воздействуя на человека, способен привести к потере способности индивида к размышлению, рефлексии, и как результат – утрате своей идентичности.

Следует учитывать, что изначально, учеными информационные и коммуникационные технологии (и, в частности, интернет) представляются сферой, где «осуществляется беспрецедентное сочетание гибкости и качества выполнения задач, скоординированного принятия решений и их децентрализованного выполнения, индивидуализированного самовыражения и глобальной горизонтальной коммуникации, что в итоге трансформируется в высшую форму организации человеческой деятельности» [6, с. 14]. В этой связи, один из ведущих социологов современности, специализирующийся на теории информационного общества, М. Кастельс в процессе своих исследований выявил зависимость характера развития общества от влияния информационных технологий, новых каналов распространения и скорости трансляции коммуникативных потоков, что обеспечивает их безграничную власть и приводит к ситуации, когда «не мы контролируем их, а они нас» [7].

Очевидно, что подросток самостоятельно не в силах справиться с выше обозначенными проблемами, поэтому первостепенной задачей, стоящей перед современным социумом, является активизация и координация совместных усилий государства, бизнеса и общественности по нейтрализации рискогенности виртуальной среды для молодежи.

Особая актуальность данной проблематики подтверждается тем, что В.В. Путиным был подписан Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [8]. Основной целью данной Стратегии являются обеспечение национальных интересов и реализация стратегических национальных приоритетов путем развития информационного общества с применением современных информационно-коммуникационных технологий, направленных на получение информации, соответствующей высокому интеллектуальному и культурному уровню развития граждан России.

Председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ А.А. Клишас на «XI Международном форуме безопасного интернета – 2022», сказал: «Нам нужно выработать практику по законодательству в области защиты безопасного интернета. Особая тема – вопрос о защите персональных данных. А также очень важна безопасность несовершеннолетних. Мы в ближайшее время внесем пакет поправок к закону о безопасности несовершеннолетних в интернете...» [9], что стратегически предопределяет безопасность страны.

Реализация подобных направлений государственной политики должна способствовать

повышению уровня фильтрации содержания и качества информации в виртуальной среде, что обеспечит снижение объема потребляемого «информационного мусора» и повлечет улучшение психического и физического состояния здоровья молодого поколения, представляя за собой превентивные меры развития деструктивного поведения современной молодежи.

В современном контексте восприятия цифрового пространства следует уделять особое внимание и расширять границы исследований влияния времяпровождения в виртуальном мире на физическое и психическое здоровье индивида, о чем свидетельствуют призывы ведущих российских и международных организаций. Очевидно, отдельным глобальным аспектом является обеспечение психического здоровья и благополучия в период социализации молодого поколения, что будет обуславливать продуктивное успешное будущее как отдельно взятой личности, так и общества, в целом. Поэтому на современном этапе развития

социума мировой проблемой, требующей серьезных капиталовложений, является охрана психического здоровья детей и молодежи в цифровой среде.

Так, по анализу данных международной статистики каждый седьмой подросток во всем мире страдает психическими расстройствами, что составляет примерно 166 миллионов подростков (89 миллионов мальчиков и 77 миллионов девочек). По видам психических расстройств подростков в возрасте 10–19 лет лидирующие позиции занимают:

- тревожные и депрессивные расстройства около 42,9 % психических расстройств;
- расстройства поведения (20,1 %); синдром дефицита внимания с гиперактивностью (19,5 %), интеллектуальная недееспособность (14,9 %) и другие психические расстройства (2,6 %) (рис. 1) [10].

Рисунок 1 – Распространенность психических расстройств подростков в возрасте 10–19 лет в мире на 2021 год.

Источник: Доклад UNICEF «Положение детей в мире на 2021 год: в моих мыслях: содействие, защита и забота о психическом здоровье детей». New-York, 2021. Официальный сайт United Nations Children’s Fund (UNICEF) (Детский фонд ООН). URL : <https://data.unicef.org/topic/child-health/mental-health>

В целом, следует отметить, что на фоне растущего уровня доступности и безграничности цифровой среды, молодежь, в силу своего социально-демографического положения в структуре социума, не способна фильтровать и объективно использовать весь объем информационных ресурсов. Поэтому необходим комплексный подход к

реализации инвестирования в систему охраны безопасности виртуального пространства, что обусловит снижение уровня уязвимости и рисковенности социального самочувствия, состояния здоровья и деструктивного молодого поколения.

Литература:

1. Кошарная Г.Б. Современные формы девиантного поведения молодежи в условиях цифровизации российского общества / Г.Б. Кошарная, Е.А. Данилова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. общественные науки. 2021. № 2(58). С. 100–109.
2. Щанина Е.В. Информационно-коммуникационные технологии как адаптационный ресурс пожилых людей в условиях информатизации российского общества / Е.В. Щанина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 131–144.
3. Касперская Н.И. Проблема деструктивных движений в Рунете / Н.И. Касперская // Цифровая

Literature:

1. Kosharnaya G.B. Modern forms of deviant behavior of youth in the conditions of digitalization of the Russian society / G.B. Kosharnaya, E.A. Danilova // News of higher educational institutions. Volga region. social Sciences. 2021. № 2(58). P. 100–109.
2. Shchanina E.V. Information and communication technologies as an adaptive resource for older people in the conditions of informatization of the Russian society / E.V. Shchanina // Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2021. № 63. P. 131–144.
3. Kaspersky N.I. The problem of destructive movements in Runet / N.I. Kaspersky // Digital hygiene.

гигиена. Молодежь в сети. 01.04.2019. URL : <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/15462>

4. Русский Ковчег. Альтернативная стратегия мирового развития: коллективный труд / Под ред. В.В. Аверьянова // Изборский клуб. 19.02.2020. URL : <https://izborsk-club.ru/18825>

5. Яницкий О.Н. Общество и индивид в информационной среде / О.Н. Яницкий // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 2. С. 99–110.

6. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; Пер. с англ. А. Матвеева; Под ред. В. Харитоновна. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; Под науч. ред. О.И. Шкаратана; Пер. с англ. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

8. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный сайт информационно-правового портала Гарант.ру. URL : <https://base.garant.ru/71670570>

9. Официальный сайт XI Международного форума безопасного интернета – 2022. 25.04.2022. URL : <https://foruminternet.ru/tpost/nmfreu7bv1-google-bolshe-ne-v-pomosch-ix-forum-bezo>

10. Доклад UNICEF «Положение детей в мире на 2021 год: в моих мыслях: содействие, защита и забота о психическом здоровье детей». New-York. октябрь 2021 // Официальный сайт United Nations Children's Fund (UNICEF) (Детский фонд ООН). URL : <https://data.unicef.org/topic/child-health/mental-health>

Youth online. 04/01/2019. URL : <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/15462>

4. Russian Ark. Alternative strategy of world development: collective work / Ed. V.V. Averyanova // Izborsk club. 02/19/2020. URL : <https://izborsk-club.ru/18825>

5. Yanitsky O.N. Society and the individual in the information environment / O.N. Yanitsky // Issues of theoretical economics. 2020. № 2. P. 99–110.

6. Castells M. Internet Galaxy: Reflections on the Internet, business and society / M. Castells; Translation from English A. Matveeva; Edited by V. Kharitonov. Yekaterinburg : U-Factoria (with the participation of the publishing house of the Humanitarian University), 2004. 328 p.

7. Castells M. Information Age: Economics, Society and Culture / M. Castells; Under the scientific editorship of O.I. Shkaratana; Translation from English O.I. Shkaratana. M. : GU VSHE, 2000. 608 p.

8. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 № 203 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 20172030» // Official website of the information and legal portal Garant.ru. URL : <https://base.garant.ru/71670570>

9. Official website of the XI International Safer Internet Forum – 2022. 04/25/2022. URL : <https://foruminternet.ru/tpost/nmfreu7bv1-google-bolshe-ne-v-pomosch-ix-forum-bezo>

10. UNICEF's report «The State of the World's Children 2021: In My Thoughts: Promoting, Protecting and Caring for Children's Mental Health». New-York. October 2021 // Official website of the United Nations Children's Fund (UNICEF). URL : <https://data.unicef.org/topic/child-health/mental-health>

Жидяева Елена Сергеевна
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры педагогики
и межкультурных коммуникаций,
Академия маркетинга
и социально-информационных технологий
Zhidyayeva_Elena@mail.ru

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

Самыгин Петр Сергеевич
доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры
теории и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samugin78@yandex.ru

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

■ ■ ■

Аннотация. В статье анализируются особенности формирования правовой культуры российской молодежи в условиях возрастающей социальной неопределенности и показывается, что в данных условиях стихийная составляющая процесса правовой социализации начинает доминировать над целенаправленной составляющей, что имеет неизбежным следствием формирование различных дефектов в правосознании молодежи, которые выступают в качестве причин совершения молодыми людьми различных правонарушений. Авторы отмечают, что на формирование правовой культуры молодежи в настоящее время существенное негативное воздействие оказывает высокий уровень правовой незащищенности представителей данной социально-демографической группы: по этой причине требуется, наряду с усилением воспитательного воздействия на молодежь, повысить и уровень ее правовой защищенности, улучшить ее социально-экономическое положение, создав условия для полноценной самореализации молодежи в различных сферах жизнедеятельности российского общества.

Ключевые слова: молодежь, право, правовая культура, правовая социализация, правовое воспитание, правосознание, правовое поведение, правовая защита, социальная неопределенность, социальный риск.

■ ■ ■

Elena S. Zhidyayeva
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Pedagogy and Intercultural
Communications,
Academy of Marketing and Social
and Information Technologies
Zhidyayeva_Elena@mail.ru

Mikhail Yu. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

Peter S. Samygin
Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of the Department
Theory and History of State and Law,
Rostov State
University of Economics
samugin78@yandex.ru

LEGAL CULTURE OF MODERN RUSSIAN YOUTH IN CONDITIONS OF INCREASING SOCIAL UNCERTAINTY

■ ■ ■

Annotation. The article analyzes the peculiarities of the formation of the legal culture of Russian youth in conditions of increasing social uncertainty and shows that in these conditions the spontaneous component of the process of legal socialization begins to dominate over the purposeful component, which has the inevitable consequence of the formation of various defects in the legal consciousness of young people, which act as the reasons for the commission of various offenses by young people. The authors note that the formation of the legal culture of young people is currently significantly negatively affected by the high level of legal insecurity of representatives of this socio-demographic group: for this reason, along with strengthening the educational impact on young people, it is necessary to increase the level of their legal protection, improve their socio-economic situation, creating conditions for the full self-realization of youth in various spheres of life of the Russian society.

Keywords: youth, law, legal culture, legal socialization, legal education, legal awareness, legal behavior, legal protection, social uncertainty, social risk.

■ ■ ■

Одной из значимых тенденций развития современного общества выступает рост социально-неопределенности, которая на индивидуально-личностном уровне находит проявление в распаде ценностных, мотивационных структур, а также в доминировании спонтанно возникающих моделей поведения. В условиях социальной неопределенности регулирование различных социальных взаимодействий осуществляется в большей степени посредством «стихийно складывающихся на практике и быстро габитуализирующихся неформальных норм», нежели на основе правовых регуляторов [1, с. 8]. В данной ситуации, существующие политико-правовые институты могут функционировать преимущественно формально и находиться фактически отдельно от рядовых акторов и их практической жизнедеятельности, зачастую, приобретающей противоправный характер. Соответствующим образом изменяется и система ценностей, представлений, существующих на уровне массового сознания, которое становится чрезвычайно терпимым к нарушениям как правовых, так и моральных норм. Здесь важное значение приобретает проблема формирования правовой культуры: как справедливо отмечает В.И. Чупров, повышение уровня правовой культуры молодежи в условиях неопределенности будет способствовать «сохранению меры в реализации групповых и общественных интересов в саморегуляции» социального поведения представителей рассматриваемой демографической группы. Указанный исследователь определяет правовую культуру как совокупность знаний, ценностей и установок личности (группы) относительно собственных прав и возможностей их практического осуществления, реализуемых в процессе взаимодействия как субъектов правовых отношений [2, с. 37].

В специальных исследованиях правовая культура рассматривается в качестве сложного комплекса явлений правовой жизни, важнейшими из которых является правовое сознание и правовое поведение. Уровень правовой культуры целесообразно рассматривать как интегральный показатель, который характеризует степень развитости правосознания молодых людей и отражения последнего в их реальном поведении.

С точки зрения В.И. Чупрова, структура правовой культуры применительно к молодежи имеет два уровня: уровень общественных и правовых институтов, который предстает как объективный феномен, и собственно субъективный уровень, отражающий особенности группового и индивидуального правосознания и правового поведения молодежи.

Первый уровень включает, так называемое, правовое пространство жизнедеятельности молодых людей в условиях национальной правовой системы, которая призвана обеспечивать реализацию прав представителей молодежи [3, с. 165]. Здесь важное значение приобретает степень эффективности функционирующих механизмов правовой защиты законных прав и интересов молодых людей в различных сферах общественной жизни, конкретных ситуациях, связанных с правом.

Очевидно, что в условиях правовой незащищенности в сознании молодежи не может сформироваться уважительное отношение к праву и закону, возникнуть высокий уровень доверия к государству, его правовой системе, конкретным правоохранительным органам.

В правовом сознании молодежи находят отражение как существующие взгляды, нормы и представления, так и реальные процессы, которые протекают в правовой сфере жизнедеятельности конкретного общества. При этом, по мнению В.И. Чупрова, отражение в сознании молодежи конкретных правовых реалий имеет определенную специфику, во многом детерминированную различными возрастными и психологическими особенностями молодых людей, значительная часть которых выступает в качестве «становящихся субъектов социальных отношений» [3, с. 166]. Здесь следует учитывать то обстоятельство, что основы правовой культуры и правосознания личности «закладываются в раннем подростковом возрасте». В данном контексте немаловажное значение приобретает то обстоятельство, что именно подростки в реальной действительности сталкиваются с множеством нарушений прав и свобод, проявлениями, так называемой, дискриминации по возрастному признаку (эйджизм). Низкий уровень правовой защищенности коррелируется с невысоким уровнем правового образования последних, что характерно и для значительной части молодых людей, представляющих старшие группы молодежи. Неизбежным следствием этого оказывается высокая степень распространенности различных форм девиантного и противоправного поведения в молодежной среде. В соответствии с итоговым выводом, сделанным В.И. Чупровым на основании материалов прикладных исследований правосознания молодежи, именно неуверенность в собственной защищенности со стороны закона оказывает наиболее разрушительное воздействие на правовую культуру [3, с. 168–169].

По мнению И.В. Старовойтовой, автора диссертационного исследования, посвященного правовой культуре молодежи на этапе социального старта, правосознание последней как центральный компонент правовой культуры характеризуется, с одной стороны, такими чертами, как лабильность, экстремальность и трансгрессивность, которые находят отражение в различных проявлениях противоправного поведения молодежи, а также, с другой стороны, и различными отклонениями, связанными с неопределенностью социального старта представителей молодежи на современном этапе развития российского общества, отличающегося перманентным возрастанием неопределенности и рисков [4, с. 10]. В условиях социальной неопределенности стихийная составляющая процесса правовой социализации начинает доминировать над целенаправленной составляющей, что имеет неизбежным следствием формирование различных дефектов в правосознании молодежи, которые, в свою очередь, являются причинами совершения молодыми людьми различных правонарушений. Повышение удельного веса стихийной социализации происходит параллельно с ростом значимости информационно-коммуника-

ционных технологий в жизнедеятельности молодежи, которые также не всегда оказывают позитивное воздействие на их правовую культуру. Так, в специальных исследованиях, посвященных влиянию Интернета и других современных СМИ на правовое сознание молодежи, подчеркивается, что последние нередко транслируют большое количество сообщений криминальной направленности, что не способствует формированию высокой правовой культуры, так как молодые люди зачастую не способны критически воспринимать данную информацию и реагировать на нее адекватным образом [5, с. 12].

С точки зрения О.И. Анненко, правовая культура молодежи отличается наличием большого разрыва между «институциональными нормативными фигурами» и характером реальных социальных практик, увеличением роли так называемых неформальных «правил игры», преобладанием в системе социального регулирования криминальных «правил» над официальными правовыми нормами. Интересно, что данный автор констатирует наличие тенденции к увеличению наряду с традиционными формами девиантного поведения молодежи (алкоголизм, наркомания, суицидальное поведение) ультрасовременных форм, включающих национализм, расизм, терроризм [6, с. 11]. Как показывают материалы многолетних эмпирических исследований Центра социального прогнозирования и Института социологических исследований РАН, посвященных изучению ценностных установок и мировоззрения молодежи, правосознание как центральный компонент правовой культуры молодежи отличается аморфностью и эклектичностью, что проявляется, в том числе, в отношении к законам. Установка на полное законопослушание, в частности, характерна не более чем для четверти молодежи (при этом почти половина опрошенных молодых людей полагают, что законы необходимо соблюдать только в том случае, если это делают и представители власти).

На правосознание молодежи, в соответствии с выводами, сделанными М.К. Горшковым и Ф.Э. Шереги, оказывают сильное влияние «господствующие социальные отношения», уровень защищенности основных прав и свобод молодежи. Что касается рассматриваемой защищенности, то молодые люди, как показывают результаты опросов, удовлетворены ей не в полной мере: полностью защищенными, в частности, свои права считает довольно незначительная часть молодых людей (6,9 %) [7, с. 115].

Эмпирические данные также свидетельствуют о том, что наиболее критичное отношение к законам и правовой системе, в целом, характерно именно для тех представителей молодежи, чьи права были, тем или иным образом, ущемлены. Отсюда проистекает и наличие скептического отношения у части молодежи к функциональным возможностям правоохранительных органов: в случае необходимости защитить свои права значительная часть молодежи предпочитает обращаться не в правоохранительные органы или в суд, а к знакомым или родственникам (38,2 %) или даже использовать неформальные связи и взятки (35,3 %) [7, с. 116].

Правовая культура современной молодежи вообще характеризуется наличием глубоких противоречий, что характерно и для представителей других социально-демографических групп в российском обществе: россияне, в целом, как считает Ю.Р. Вишневский, высоко оценивают значимость законности и правопорядка, нередко при этом, обвиняя в беззаконии представителей власти, и одновременно с этим, связывают с властью свои надежды на восстановление порядка, снимая с себя ответственность за соблюдение закона.

Таким образом, вполне естественное для людей стремление к законному порядку и правовой стабильности не сопровождается стремлением добиваться установления законности своими собственными усилиями. Неукоснительное соблюдение закона не становится для молодых людей «императивом личного поведения» (это подтверждается и результатами эмпирических исследований, о чем мы уже писали выше): требование соблюдать закон представители молодежи, как и другие категории населения, склонны адресовать скорее другим людям, нежели самим себе [8, с. 1245–1246].

Подобная амбивалентность правового сознания россиян, по мнению Ю.Р. Вишневого, является существенным препятствием на пути построения гражданского общества, усугубляя атомизацию общества, в целом, усиливая «взаимную отчужденность и подозрительность». В соответствии с эмпирическими данными, приведенными указанным автором, в сознании представителей российской молодежи имеются вполне цивилизованные представления о сущности законов и роли последних в системе социального регулирования, однако молодежь, в то же время, относится к закону как к «чему-то необязательному». Причем, мотивация нарушения закона у значительной части молодежи является достаточно прагматичной: некоторые молодые люди, в частности, готовы пойти на нарушение закона «ради пользы дела». В данном случае, позиция рассматриваемой группы молодежи о необязательности соблюдения законов может быть описана известной формулой, согласно которой «цель оправдывает средства» [8, с. 1247–1248].

Результаты многочисленных социологических исследований свидетельствуют о том, что на отношение молодежи к закону влияет уровень ее правовой защищенности: чем хуже оценивают молодые люди степень защиты их прав и свобод со стороны государства, тем хуже, как правило, они относятся к законам и правовой системе в целом.

Таким образом, можно констатировать, что состояние системы правовой защиты непосредственно отражается на правовой культуре молодежи, представители которой дают определенную оценку степени эффективности функционирования данной системы.

Совершенно очевидно, что в том случае, когда правовые нормы существуют не только формально, но и реализуются на практике, люди воспринимают существующую систему правовой

защиты как высокоэффективную, что находит непосредственное отражение в их правовом сознании, формирует ощущение высокой правовой защищенности. Рассматриваемое состояние правовой защищенности приобретает особую актуальность применительно к молодежи, являющейся становящимся субъектом социальных отношений и находящейся в наиболее активной стадии процесса правовой социализации, в рамках которого происходит формирование основополагающих правовых ценностей и установок. В том случае, когда у молодых людей появляются обоснованные сомнения в справедливости и эффективности функционирующей правовой системы, формируется устойчивое осознание собственной правовой незащищенности, существует высокий риск становления у них правовых установок нигилистического характера и прочих деформаций и дефектов правосознания. Многие исследователи совершенно справедливо подчеркивают, что право не может стать ценностью в том случае, если оно только провозглашается или декларируется, но не реализуется в конкретных отношениях, которые подпадают под регулирование посредством норм права [1, с. 107]. В условиях возрастающей социальной неопределенности происходит повышение уровня правовой незащищенности, учащаются случаи нарушений прав и свобод различных групп населения, и, в том числе, молодежи. Так, в условиях пандемии COVID-19 наблюдались многочисленные случаи нарушения прав и свобод населения страны, происходящие параллельно с устанавливаемыми ограничениями конституционных прав и свобод граждан, негативно воспринятыми многими россиянами, справедливо отмечавшими их непоследовательный и противоречивый характер.

По оценкам А.М. Кондауровой, в период пандемии у многих молодых людей произошла деформация позитивных правовых идей, а также убеждений и чувств, что имело неизбежным следствием усиление негативного отношения к действующему праву, законности и правопорядку [9, с. 71]. По ее мнению, рассматриваемый период времени, характеризующийся ростом социальной неопределенности, отмечен усилением деформации правосознания в молодежной среде, которая, в свою очередь, приводит к росту совершаемых молодыми людьми правонарушений различной направленности. В сложившейся ситуации значительная часть граждан, как отмечает А.М. Кондаурова, «перестала видеть смысл в соблюдении правовых норм», что происходит параллельно со снижением уровня доверия к власти.

Так, на начальном этапе пандемии Центром социального проектирования «Платформа» было проведено социологическое исследование, результаты которого показали, что значительная часть россиян (61 %) в рассматриваемый период времени стали меньше доверять решениям, принимаемым органами государственной власти, и верить в способность государства в целом оказывать реальную поддержку гражданам в период кризисного развития российского общества. Кризисные процессы, имеющие место в нашей

стране и усугубленные пандемией, а также, началом проведения специальной военной операции на Украине, несут в себе высокий потенциал рисков в сфере правового сознания и поведения молодежи в связи с тем, что неизбежным следствием рассматриваемых кризисных процессов становятся нарушения в динамике и содержании процессов первичной и вторичной социализации молодежи. Последние, в свою очередь, оборачиваются формированием различных девиантных и делинквентных отклонений в поведении молодежи, криминализации правосознания представителей рассматриваемой социально-демографической группы.

Подобная ситуация, характеризующаяся ростом социальной нестабильности и неопределенности, имела место в нашей стране в 1990-е годы, когда на фоне системного социально-экономического кризиса российского общества, находящегося на переходном этапе развития от советской социалистической к новой капиталистической модели общественного развития, произошло крушение прежних идеалов и образование идеологического вакуума, сопровождавшихся значительным увеличением масштабов преступности. На современном этапе развития российского общества, сохраняющиеся на всех этапах развития постсоветской России системные проблемы, связанные с глубоким социальным расслоением населения, масштабной коррупцией, бедностью основной массы россиян, усугубляются новыми негативными факторами социально-экономического характера, связанными с последствиями пандемии и санкций, явившихся следствием начавшейся спецоперации. В кризисные периоды именно молодежь обыкновенно оказывается в числе наиболее пострадавших групп вследствие нестабильности материального положения, неустойчивости социально-экономического статуса, несформированности ценностных установок и ориентаций [10, с. 95].

Таким образом, в условиях снижения уровня благосостояния молодежи, ухудшения ситуации в области правовой защиты представителей рассматриваемой группы, возможны нарушения процессов правовой социализации, включающие формирование нигилистических правовых ценностей, устойчивого негативного отношения и недоверия к государству и его правовой системе, что при наиболее негативном варианте может обернуться масштабным проникновением в молодежную среду криминальной идеологии и организованной преступности, повлечь за собой радикальное увеличение масштабов молодежной преступности. По этой причине, наряду с усилением воспитательного воздействия на молодежь, включающего целенаправленное внедрение в сознание молодых людей ценностей и идеалов высокой правовой культуры, требуется также усилить уровень правовой защищенности молодежи и улучшить ее социально-экономическое положение, создав условия для полноценной самореализации молодежи в социально-экономической и общественно-политической сферах жизнедеятельности российского общества.

Литература:

1. *Самыгин П.С.* Социальная неопределенность и правовая социализация учащейся молодежи в России. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2007.
2. *Зубок Ю.А.* Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. 2006. № 6.
3. *Чупров В.И.* Правовая культура молодежи в изменяющейся социальной реальности / В.И. Чупров // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 3.
4. *Староверова И.В.* Правовая культура молодежи на этапе социального старта : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2010.
5. *Курносенко А.А.* Интернет в процессе формирования правовой культуры молодежи в условиях трансформирующегося российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук, Краснодар, 2016.
6. *Анненко О.В.* Правовая культура современной российской молодежи: философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2007.
7. *Горшков М.К.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М. : ФНИСЦ РАН, 2020.
8. *Вишневецкий Ю.Р.* Правовая культура молодежи: методология, опыт эмпирического исследования / Ю.Р. Вишневецкий // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Материалы XVIII Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана. Екатеринбург, 2015.
9. *Кондаурова А.М.* Пути повышения уровня правосознания в студенческой среде в период пандемии / А.М. Кондаурова // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2021. № 3.
10. *Жизненное проектирование молодежи в условиях социальной неопределенности в современном российском обществе / П.С. Самыгин [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3.*

Literature:

1. *Samygin P.S.* Social uncertainty and legal socialization of students in Russia. Rostov-on/D/ : SFU Publishing House, 2007.
2. *Zubok Yu.A.* Legal culture of youth in the perspective of transformational strategies / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov // Sociological research. 2006. № 6.
3. *Chuprov V.I.* Legal culture of youth in changing social reality / V.I. Chuprov // Social and humanitarian knowledge. 2014. № 3.
4. *Staroverova I.V.* Legal culture of youth at the stage of social start : abstract of the dis. ... of the cand. of social. sciences. M., 2010.
5. *Kurnosenko A.A.* The Internet in the process of forming the legal culture of youth in a transforming Russian society : abstract of the dis. ... of the Candidate of sociol. sciences, Krasnodar, 2016.
6. *Annenko O.V.* Legal culture of modern Russian youth: philosophical analysis : abstract of the dis. ... of cand. of philosophical sciences. Stavropol, 2007.
7. *Gorshkov M.K.* Youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of long-term research / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. M. : FNISTC RAS, 2020.
8. *Vishnevsky Yu.R.* Legal culture of youth: methodology, empirical research experience / Yu.R. Vishnevsky // Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience. Materials of the XVIII International Conference in Memory of Professor L.N. Kogan. Yekaterinburg, 2015.
9. *Kondaurova A.M.* Ways to increase the level of legal awareness among students during the pandemic / A.M. Kondaurova // Bulletin of the Buryat State University. Education. Personality. Society. 2021. № 3.
10. *Life projection of youth in conditions of social uncertainty in modern Russian society / P.S. Samygin [et al.] // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 3.*

Коблева Зурет Халидовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии,
социологии и педагогики,
факультет экономики и управления,
Майкопский государственный
технологический университет
zureta01@mail.ru

Каратабан Ирина Асфаровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии,
социологии и педагогики,
факультет экономики и управления,
Майкопский государственный
технологический университет
irakarataban@mail.ru

Губжочкова Нурет Карпушевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры философии,
социологии и педагогики,
факультет управления,
Майкопский государственный
технологический университет
gubzhockova.nuriet2015@yandex.ru

**ГЕНДЕРНЫЙ ДИССОНАНС
В УСЛОВИЯХ
НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ БРАЧНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ
МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

Аннотация. В современных условиях снижение социальной значимости традиционных ценностей семьи способствуют популяризации незарегистрированных форм брака, в условиях которого происходит рассогласование представлений о семейно-брачных отношениях, ведущие к существенным изменениям в системе распределения гендерных ролей и выявления особенностей отношения к незарегистрированному брачному союзу по гендерному признаку. Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, изучавших особенности гендерного ракурса в системе семейно-брачных отношений. Эмпирической базой исследования составили труды отечественных социологов и результаты самостоятельного социологического исследования в рамках данной проблемы. Методологическую основу статьи составили системно-ценностный и гендерный подходы, а также, методы сравнения, наблюдения, анкетирования, позволяющие проанализировать тему исследования в соответствии с заданной целью.

Zoret Kh. Kobleva

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Sociology and Pedagogy,
Faculty of Economics and Management,
Maykop State Technological University
zureta01@mail.ru

Irina A. Karataban

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Sociology and Pedagogy,
Faculty of Economics and Management,
Maykop State Technological University
irakarataban@mail.ru

Nuret K. Gubzhokova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Sociology and Pedagogy,
Faculty of Management,
Maykop State Technological University
gubzhockova.nuriet2015@yandex.ru

**GENDER DISSONANCE
IN THE CONDITIONS OF UNREGISTERED
MARRIAGE RELATIONS IN THE MODERN
YOUTH ENVIRONMENT**

Annotation. In modern conditions, the decline in the social significance of traditional family values contributes to the popularization of unregistered forms of marriage, in which there is a mismatch of ideas about family and marriage relations, leading to significant changes in the system of distribution of gender roles and identification of the peculiarities of attitudes to unregistered marriage by gender. The theoretical basis of the study was the works of domestic and foreign scientists who studied the peculiarities of gender perspective in the system of family and marriage relations. The empirical basis of the study was the works of Russian sociologists and the results of an independent sociological study within the framework of this problem. The methodological basis of the article is based on system-value and gender approaches, as well as methods of comparison, observation, and questioning, which allow analyzing the research topic in accordance with a given goal.

Ключевые слова: гендерные установки, гендерный диссонанс, незарегистрированный брак, трансформация, институт семьи, общество, брачные партнеры, семейно-брачные отношения.

Keywords: gender attitudes, gender dissonance, unregistered marriage, transformation, family institution, society, marriage partners, marital relations.

Проблема трансформации семейно-брачных отношений в современных условиях вызвана снижением социальной значимости традиционных ценностей семьи, характеризующихся существенными изменениями в системе ценностных установок, способствующих формированию новых моделей семейно-брачных отношений и распределению гендерных ролей в обществе.

Популяризация незарегистрированных форм брака в современной молодежной среде формирует устойчивый процесс рассогласования представлений о семейно-брачных отношениях, который приводит к существенным изменениям в системе распределения гендерных ролей и выявлению особенностей отношения к незарегистрированному брачному союзу по гендерному признаку. Все более очевидной становится современная тенденция в признании незарегистрированных форм брака определенной социальной нормой, выражающаяся в лояльном отношении социума к данному формату брачных отношений, способствующее переосмыслению устоявшихся в общественном сознании традиционных гендерных установок, определяющие характер межличностного взаимодействия супругов в семейно-брачных отношениях, и формирующие новую систему норм и правил поведения, регулирующие социально-ролевые функции супругов.

Актуальность темы исследования обусловлена современными тенденциями в области семейно-брачных отношений и выявлением гендерных особенностей, связанными со снижением социальной значимости института традиционной семьи и ростом незарегистрированных форм брака, получивших широкое распространение в современном российском обществе.

Цель исследования: выявить основные социальные механизмы формирования гендерно-ролевой структуры в системе незарегистрированных брачных отношений, проанализировать особенности гендерного диссонанса в межличностном пространстве брачных партнеров в условиях незарегистрированного брака.

В соответствии с целью исследования были поставлены и решены следующие **задачи**:

- выявить причины формирования гендерного диссонанса в условиях незарегистрированных форм брака;
- проанализировать специфику гендерных установок в системе семейно-брачных отношений;
- провести социологический анализ выявления особенностей распределения основных обязанностей брачных партнеров по гендерному принципу в условиях незарегистрированных отношений.

В отечественной науке проблемам гендерного взаимодействия в семейно-брачных отношениях посвящены исследования Д.Г. Байбуриной [1]; М.Г. Горлач [2]; Ю.С. Задворновой [3]; О.М. Здравомысловой [4]; Л.В. Сажинной [5]; С.В. Скутневой [6].

Феномен альтернативных форм брака в современных условиях через призму ценностных установок и распределения гендерных ролей проанализирован в работах Н.Ю. Егоровой [7]; Ю.Г. Мирановой [8]; и других ученых.

В рамках рассматриваемой проблемы особый исследовательский интерес вызывает концепция Т. Парсонса, сформулировавшего положение о функциональном разделении половых ролей, согласно которому, мужчины и женщины выполняют определенные ролевые функции для поддержания «стабильности супружеских отношений» [9].

Важно отметить, что Т. Парсонс определял роль мужчины не только в качестве добытчика или кормильца семьи, выделяя социальный статус и высокий материальный доход мужчины как условие для доминирования в системе распределения гендерного и межличностного взаимодействия в семье, но и как необходимый фактор формирования социального статуса семьи. При этом женщине отводится роль «хорошей матери и хозяйки», которая не должна претендовать на реализацию своих профессиональных интересов и «самореализацию в публичной сфере» [10].

Следует отметить, что в настоящее время незарегистрированный брак, в силу своих специфических и институциональных особенностей, становится весьма привлекательной формой семейно-брачных отношений в современной молодежной среде, для которых многообразие форм и моделей современной семьи создает право выбора модели семейно-брачных отношений в сложившихся условиях, где принцип отсутствия правового оформления брака и взаимных обязательств между брачными партнерами имеют решающий фактор для принятия решения о начале совместной жизни.

Социально-политические изменения, происходящие в современном обществе, отразились и на состоянии семейно-брачных отношений, способствовавшие значительному снижению социальной значимости института семьи, что, в свою очередь, привело к увеличению количества бракоразводных процессов в стране, появлению незарегистрированных форм брака, внебрачных детей, и неполных семей.

Как показывают современные исследования, наиболее распространенной формой незарегистрированных брачных отношений среди молодых людей является «пробный брак»,

позволяющий выявить степень взаимного интереса брачных партнеров в процессе совместного проживания в условиях межличностного взаимодействия, раскрывающий специфику таких брачных союзов, не всегда оправдывающих представления молодых людей о сущности семейно-брачных отношений, характеризующиеся определенными ценностными установками и предпочтениями в процессе формирования будущей семейной жизни. Эти проявления наиболее характерны для молодежной среды как следствие глубоких трансформационных процессов в сфере традиционных семейно-брачных отношений и распределении гендерно-ролевых установок в системе межличностного взаимодействия.

В изучении семейно-брачных отношений в современных условиях особую актуальность приобретает гендерный подход, позволяющий выявить круг основных проблем, связанных с особенностями формирования новых моделей семейно-брачных отношений, которые становятся популярными среди молодых людей, с разным подходом и видением своих социальных и гендерных ролей, нередко приобретающие характер диссонанса и асимметрии в условиях незарегистрированных форм брака.

В рамках гендерного подхода анализируется социальная роль мужчины и женщины в семье как результат сложившихся традиционных гендерных установок и стереотипов, а также изменение гендерного дисплея семьи в современных условиях.

Несмотря на многочисленные исследования в отечественной науке, посвященные гендерным аспектам сфере семейно-брачных отношений, следует отметить, что феномен гендерного диссонанса в условиях незарегистрированных форм брака среди молодых людей остается мало изученной проблемой, требующей основательного теоретического анализа и практического осмысления.

Проявления различных форм гендерного диссонанса характерны в большей степени для незарегистрированных форм брака, в которых статус и обязанности супругов не защищены законом в правовом поле, и подвержены серьезным расхождениям в представлениях супругов о распределении семейных обязанностей по гендерному принципу.

Для выявления основных причин появления гендерного диссонанса в молодежной среде в условиях незарегистрированных брачных отношений, мы провели социологический опрос, методом случайной выборки среди молодых людей, в возрасте от 18 до 25 лет, преимущественно, из числа жителей г. Майкопа, Республики Адыгея. Все участники были разделены на две группы по гендерному признаку. Респондентам необходимо было ответить на вопрос: «**В чем заключаются основные обязанности супругов проживающих в условиях незарегистрированного брака?**». Результаты опроса в таблице 1.

Таблица 1

Значения	Мужчины 18–25 лет	Женщины 18–25лет
Кто должен заниматься домашними обязанностями?	15	18
Кто в семье должен зарабатывать больше?	38	12
Кто должен заниматься воспитанием детей?	10	27
Допускаете ли вы проведение совместного досуга?	17	24
Допускаете ли вы принцип равноправия в решении семейных проблем?	20	19

Согласно результатам проведенного опроса в части распределения домашних обязанностей 18 % женской части респондентов уверены в том, что домашними хлопотами, в большей степени, занимаются женщины, и только 15 % мужчин согласны распределять домашние обязанности с женщиной на равных.

Самый большой диссонанс вызвал вопрос о финансовом благополучии семьи. Высокий материальный доход в условиях незарегистрированных брачных отношений считают важным 38 % мужчин, которые уверены, что «добытчиком» в семье должен быть только мужчина, и всего 12 % женщин допускают возможность быть в качестве «основного кормильца семьи», исходя из своего социального статуса и материального положения в обществе. Интересен тот факт, что определенная часть мужчин не возражает, в случае, если «добытчиком» в семье будет женщина.

В вопросах совместного воспитания детей ответы респондентов распределились в традиционной

форме разделения супружеских обязанностей, когда значительная часть женщин сознательно берет на себя функции по воспитанию детей, о чем свидетельствуют результаты нашего опроса: 27 % женщин, которые сознательно берут на себя обязанности по воспитанию детей, и 10 % мужчин, считающих, что обязаны принимать участие в воспитании своих детей, несмотря на занятость в сфере своей профессиональной деятельности.

Серьезный диссонанс отмечен в вопросах проведения совместного семейного досуга. Мужская часть респондентов уверена, что может себе позволить проведение досуга автономно, о чем заявили 17% из числа участников опроса, при этом, женщины занимают в этом вопросе противоположную позицию, считая, что семейный досуг необходимо проводить вместе, уверены 24 % респондентов.

Вместе с тем, определенный компромисс был найден в вопросах равного участия в решении семейных проблем, где 20 % мужчин и 19 % женщин

выразили желание совместно решать семейные проблемы, как важный фактор сохранения ценности семьи в условиях незарегистрированного брака.

Проведенное нами исследование выявило серьезный гендерный диссонанс в системе распределения гендерно-ролевых функций в условиях незарегистрированных отношений. Серьезный диссонанс вызывает социальный статус и высокий материальный доход, и чем выше уровень материального достатка одного из партнеров в браке, тем ярче выражены расхождения в гендерных ролях и распределении семейных обязанностей в

семейно-брачных отношениях, выражающиеся в значительной автономии партнеров друг от друга.

Примечательно, что определенная часть мужчин не против выполнения женщиной функции «добытчика семьи», даже при условии доминирования женщины в распределении основных семейных обязанностей, которые в значительной степени будут выполнять мужчины.

Отчетливо проявился гендерный диссонанс в выборе модели семейно-брачных отношений молодых людей. Результаты опроса в таблице 2.

Таблица 2

Какую модель семейно-брачных отношений вы предпочитаете?	Мужчины 18–25 лет	Женщины 18–25
Официальный брак	31	43
Незарегистрированный брак	56	38
Затрудняюсь ответить	13	19

Проведенный опрос показал явный гендерный диссонанс в самой модели семейно-брачных отношений, как проявление глубоких противоречий в системе гендерных установок и ценностных предпочтений в современной молодежной среде.

Так, традиционную форму брака предпочитают 43 % женщин и 31 % мужчин, как свидетельство очевидных тенденций в предпочтениях молодых людей относительно форм и моделей будущей семьи.

При этом значительная часть мужчин предпочитают в современных условиях незарегистрированные формы брака, основанные на отсутствии правового оформления брака и обязанности перед партнером, сохраняя возможность профессионального и карьерного роста, а также – значительную автономию в сфере личностной самореализации. Так считают 56 % мужчин и 38 % женщин, из числа респондентов, демонстрирующие очевидный диссонанс и в этом вопросе.

Тем не менее, количество тех, кто затруднился в выборе модели семейно-брачных отношений тоже свидетельствует о диссонансе между мужчинами и женщинами: 13 % и 19 % соответственно, что вызывает необходимость проведения серьезной информационной работы с подрастающим поколением о социокультурной значимости традиционных ценностей семьи, в контексте выявления особенностей гендерного распределения ролей в современной семье.

Выводы.

Таким образом, трансформационные процессы в сфере семейно-брачных отношений обусловили наличие противоречивых тенденций в формировании современных гендерных стереотипов и установок, выражающиеся в переходе от традиционных форм семьи к новым формам: семьи партнерского типа, вызванные характерными изменениями в системе современного гендерного взаимодействия, и отчетливо проявившееся в

распределении ролевых обязанностей в условиях современной семьи.

Проведенное нами исследование позволило сделать следующие выводы:

- определенная часть респондентов высказалась за официальный статус брачных отношений, при этом значительную часть составили женщины, что обусловило особенности гендерного выбора модели семейно-брачных отношений в современных условиях;
- формирование новых форм и моделей современной семьи сопровождается серьезными противоречиями между традиционными ценностями семейно-брачных отношений и эгалитарными установками, способствующие возникновению гендерного диссонанса в системе межличностного взаимодействия в семье;
- одним из важных социальных факторов возникновения гендерных противоречий в условиях незарегистрированных отношений, является социальный статус и высокий уровень материального достатка одного из партнеров, как возможность доминирования в гендерном пространстве семьи;
- незарегистрированный брак как модель семейно-брачных отношений, набирающая популярность в молодежной среде, во многом способствует появлению гендерно-ролевого диссонанса в системе межличностного взаимодействия в семье, ведущее к дестабилизации семьи в современных условиях.

Анализ гендерного диссонанса в условиях незарегистрированного брака способствует актуализации данной темы в современном российском обществе, с целью расширения знаний о семье и подготовки подрастающего поколения к будущим семейно-брачным отношениям, способствующие сохранению базовых ценностей традиционной семьи.

Литература:

1. *Байбурина Д.Г.* Гендерный подход при исследовании процесса трансформации модели семьи в эпоху глобализации / Д.Г. Байбурина // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3. С. 349–352.
2. *Горлач М.Г.* Гендерный аспект семейно-ролевого диссонанса / М.Г. Горлач // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 135–138.
3. *Егорова Н.Ю.* Современная российская семья: основные тенденции / Н.Ю. Егорова, А.В. Курамшев // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. С.106–118.
4. *Задворнова Ю.С.* Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье / Ю.С. Задворнова // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 32–62.
5. *Здравомыслова О.М.* Гендерные стереотипы в публичной дискуссии / О.М. Здравомыслова; Под ред. И.Б. Назаровой, Е.В. Лобза // Гендерные стереотипы в современной России. М. : Макспресс, 2007. С. 124.
6. *Миронова Ю.Г.* Сожительство как альтернативная форма семейно-брачных отношений в современном российском обществе / Ю.Г. Миронова, Н.А. Тырнова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 3. С. 54–60.
7. *Сажина Л.В.* Современная гендерная культура: кросскультурный анализ брачно-семейного сегмента. Ростов-н/Д. : ИПО ПИ ЮФУ, 2008. 203 с.
8. *Скутнева С.В.* Гендерное измерение жизненного самоопределения молодежи. Тольятти, 2007.
9. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М. : Аспект-Пресс, 1998. 270 с; С. 134.
10. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М. : Аспект-Пресс, 1998. 270 с; С. 132.

Literature:

1. *Bayburina D.G.* Gender approach in the study of the transformation process of the family model in the era of globalization / D.G. Bayburina // The world of science, culture, education. 2013. № 3. P. 349–352.
2. *Gorlach M.G.* Gender aspect of family-role dissonance / M.G. Gorlach // Sociological research. 2002. № 1. P. 135–138.
3. *Egorova N.Y.* Modern Russian family: basic trends / N.Y. Egorova, A.V. Kuramshev // Socio-humanitarian knowledge. 2008. № 4. P.106–118.
4. *Zadvornova Y.S.* Trends in the transformation of gender roles in the modern Russian family / Y.S. Zadvornova // Woman in Russian society. 2013. № 2. P. 32–62.
5. *Zdravomyslova O.M.* Gender stereotypes in public discussion / O.M. Zdravomyslova; Ed.by I.B. Nazarova, E.V. Lobza // Gender stereotypes in modern Russia. M. : Makspress, 2007. P. 124.
6. *Mironova Yu.G.* Cohabitation as an alternative form of family and marriage relations in modern Russian society/ Yu.G. Mironova, N.A. Tarnova // Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies. 2014. № 3. P. 54–60.
7. *Sazhina L.V.* Modern gender culture: cross-cultural analysis of the marital and family segment. Rostov-on/D. : IPO PI SFU, 2008. 203 p.
8. *Skutneva S.V.* Gender dimension of life self-determination of youth. Togliatti, 2007.
9. *Parsons T.* The system of modern societies. M. : Aspect-Press, 1998 270 p; P. 134.
10. *Parsons T.* The system of modern societies. M. : Aspect-Press, 1998 270 p; P. 132.

Курилов Сергей Николаевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры рекламы,
связей с общественностью и лингвистики,
Национальный исследовательский
университет «МЭИ»
galusinem@mail.ru

Родин Алексей Борисович

доцент кафедры рекламы,
связей с общественностью и лингвистики,
Национальный исследовательский
университет «МЭИ»
galusinem@mail.ru

Рашитова Луиза Камилевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры рекламы, связей
с общественностью и лингвистики,
Национальный исследовательский
университет «МЭИ»
galusinem@mail.ru

Роль высших учебных заведений в патриотическом воспитании студентов

Аннотация. Статья посвящена определению роли высших учебных заведений в патриотическом воспитании студентов. В работе использованы методы сравнительного, ретроспективного, культурологического, поведенческого анализов. Авторами исследована историческая ретроспектива развития патриотизма в мировом масштабе. В ключевых событиях проиллюстрирован эволюционный путь патриотизма и патриотического воспитания молодежи в России. Определена специфика патриотического воспитания студентов российскими вузами в условиях смены системы ценностей и социально-политической переориентации молодежи.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, студенчество, студенческая молодежь, российские вузы, гражданское самосознание.

В научном медиадискурсе современной России однозначная интерпретация дефиниции «патриотизм» отсутствует, что продиктовано сложной природой данного феномена, многоаспектностью его содержания и многообразием форм проявления. В целях понимания понятийно-смысловой парадигмы патриотизма, требуется осуществление краткого исторического экскурса в зарождение и становление данного феномена в зарубежной и отечественной культуре.

Sergey N. Kurilov

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Advertising,
Public Relations and Linguistics,
National Research University «MEI»
galusinem@mail.ru

Alexey B. Rodin

Associate Professor
of the Department of Advertising,
Public Relations and Linguistics,
National Research University «MEI»
galusinem@mail.ru

Louise K. Rashitova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Advertising,
Public Relations and Linguistics,
National Research University «MEI»
galusinem@mail.ru

THE ROLE OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS

Annotation. The article is devoted to determining the role of higher educational institutions in the patriotic education of students. The work used methods of comparative, retrospective, cultural, behavioral analyses. The authors studied the historical retrospective of the development of patriotism on a global scale. The key events illustrate the evolutionary path of patriotism and patriotic education of youth in Russia. The specifics of the patriotic education of students by Russian universities in the context of a change in the value system and the socio-political reorientation of young people are determined.

Keywords: patriotic education, students, student youth, Russian universities, civic consciousness.

Первая в истории человечества патриотическая тирада принадлежит Периклу, декларировавшему ценность жертвования собственной жизнью во имя свободы в государстве и достижения личного и общественного блаженства в контексте этой свободы. В 395 г. до нашей эры прибежищем патриотической мысли стала Римская империя, где патриотизм в своей этатической форме приобрел максимальный масштаб. Далее, значимой вехой развития патриотических традиций является 1806 г., ознаменовавшийся презентацией

книги «Речи к немецкой нации» И.Г. Фихте, основной постулат которого – трансформация воспитательно-образовательного процесса в соответствии с парадигмой подчинения индивидуальной жизни высоким идеям национально-народного государства. Средством достижения этой цели немецкий философ видел систематическое образование и воспитание молодежи на философской основе, ведущей к национальному самоопределению народа [1].

Обращаясь к современному опыту лоббирования патриотизма, особое внимание акцентируем на Великобритании, Китае, США и Израиле, где господствующая роль в патриотическом воспитании молодежи принадлежит образовательным учреждениям. В Великобритании источниками гражданственности и патриотизма выступают преимущественно предметы гуманитарного цикла, преподаваемые в высших учебных заведениях. В целях повышения гражданского самосознания студенческой молодежи, а также, для гармоничной интеграции и ассимиляции молодых мигрантов в университетах Великобритании в 2006 г. введен обязательный предмет «Основы гражданства».

В США идеологические конструкты гражданственности и патриотизма формируются, главным образом, в колледжах и университетах с курсами вневоенской подготовки. Специфика патриотизма в США заключается в отсутствии этнического базиса, что, с одной стороны, упрощает концептуальные основы воспитания, а с другой стороны, исключает интегрированный потенциал этнических и иных локальных сообществ. Патриотизм американцев зиждется на сверхдержавном самосознании, определяющемся преимущественно экономической и геополитической мощью страны (при отсутствии духовно-нравственных, идеологических, культурно-исторических составляющих). В этом отношении США родственен Китаю, где патриотизм выступил в качестве фундамента экономического успеха страны, именуемом «китайским чудом» [2].

Однако в отличие от США:

1) корни китайского патриотизма восходят к древности и базируются на коллективизме (ориентация на коллективное, а не индивидуальное благо);

2) воспитание патриотизма в Китае не просто идеологический посыл, а широко разветвленная программа, пронизывающая все образовательные блоки. В педагогических университетах Китая преподается множество патриотически-направленных предметов, посвященных воспитанию китайского духа, китайской истории, традициям и культуре.

В Израиле ведущий вектор развития системы патриотического воспитания молодежи – национально-религиозный, что связано с трагической историей еврейского народа. Тематикой Холокоста пронизаны все образовательные и методические программы, цель которых – вызвать нравственные переживания, привлечь интерес современного поколения к многогранным формам

проявления гражданских качества личности, национальной и общечеловеческой культуре.

Резюмируя опыт зарубежных стран, отметим, что, несмотря на разнонаправленность патриотических парадигм и разнородность идеологических основ патриотического воспитания, основным источником патриотического и гражданского воспитания во всех странах является высшее учебное заведение. Высшее учебное заведение служит неким идеологическим полигоном с широкими функциональными возможностями – это научно-методологическое сопровождение воспитательной работы со студентами, организация патриотических и патриотически-направленных мероприятий, волонтерская деятельность, консолидация молодежных организаций с патриотическими установками, культурно-массовая работа и т.д.

Патриотическое воспитание молодежи в России имеет аутентичный путь развития и заметно дифференцированный по историческим периодам парадигмально-концептуальный характер. Зарождение системы патриотического воспитания в стране относится к эпохе Петра Великого – первого российского правителя, призывавшего сражаться не за царя, а за Отечество. Именно при Петре в общественно-политический лексикон вводится понятие «патриот», трактуемое как «человек, принимающий активное участие в военных и гражданских делах во имя сохранения автономии и развития родной страны».

Прогрессирование системы военно-патриотического воспитания в России относится к XVIII в., когда в качестве методического инструментария патриотического воспитания выступали чтения Уставов, приказов, артикулов, рассказов о славе и могуществе России. В этот же исторический период времени русскими философами и мыслителями производится моделирование ценностно-смыслового ядра и идейного содержания патриотизма, осуществляется теоретическое осмысление основных паттернов патриотического воспитания. Объектная целостность патриотизма обеспечивала жизнеустойчивость и жизнеспособность России в самые тяжелые времена. Яркий пример – Великая Отечественная война, главным лейтмотивом победы в которой стал патриотизм, побудивший людей на великие самоотверженные подвиги и героизм [3].

В послевоенные годы патриотическое воодушевление граждан детерминировало динамичное экономическое развитие государства, что существенно контрастирует с эпохой перестройки, сопровождавшейся крахом прежней идеологии, общественных идеалов и образовательной философии, приведшей к антипатриотическим настроениям и разрушению системы воспитания советского патриотизма.

Необходимо констатировать, что постсоветский патриотизм – явление крайне неоднородное, противоречивое, синтезировавшее в себе российский империализм и противостояние неокOLONIALному влиянию Запада. Идеями колоннами современного патриотизма в России служат – исторические успехи прошлого и проверенные временем духовно-нравственные ценности. В связи с отсутствием единой политико-идеологической

версии патриотизма и вакуума идеологии в нашей стране, задача патриотического воспитания студенческой молодежи существенно усложняется. В условиях обновления вектора развития и трансформации политического сознания российского государства центральная роль в возрождении истинного патриотизма как духовно-нравственной и социальной ценности отводится высшим учебным заведениям.

Вузы обладают наиболее эффективными рычагами воздействия на эмоциональный, ценностный и актуализированный уровни политического сознания современной молодежи, обеспечивая историческую преемственность поколений, мобилизацию патриотических чувств у молодого поколения, сохранение целостности традиций, культуры и т.д. Вузы располагают широким спектром методов, форм, средств, механизмов и инструментов теоретического обоснования и практического внедрения в жизнь нравственно-духовных основ сознательного служения Отечеству.

Патриотическая работа вуза включает:

– оборонно-спортивные, физкультурно-оздоровительные мероприятия (чемпионаты, соревнования, тренировки);

Литература:

1. Корж Н.В. Патриотические ценности как основа нравственного воспитания студенческой молодежи / Н.В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 30–40.
2. Нефедова А.С. Патриотическое воспитание студентов в современном вузе / А.С. Нефедова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2018. № 1. С. 55–60.
3. Евлапова Т.В. Роль государственных институтов в патриотическом воспитании молодежи в условиях политической трансформации российского общества : автореферат дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. 24 с.
4. Муравьев А.Н. Стратегия патриотического воспитания подрастающего поколения граждан России / А.Н. Муравьев. Kilinson, 2021. № 1. С. 67–75.

- проведение тематических часов по воспитанию чувства гордости за страну;
- проведение конкурсов гражданско-патриотической направленности;
- знакомство с историей, культурой и ценностями страны и родного края;
- организацию патриотических клубов;
- включение в содержание учебных дисциплин разделов патриотической направленности;
- проведение форумов, конференций, круглых столов гражданско-патриотической направленности и т.д.

Реализация комплекса указанных мероприятий обеспечивает формирование устойчивого аксиологического фундамента, когда патриотизм выступает в качестве духовно-нравственной ценности, аккумулирующей социально значимую активную деятельность личности и побуждающей ее к проявлению патриотических чувств и патриотического поведения [4].

Literature:

1. Korzh N.V. Patriotic values as a basis for the moral education of student youth / N.V. Korzh // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences, 2021. № 1. P. 30–40.
2. Nefedova A.S. Patriotic education of students in a modern university / A.S. Nefedova // Uchenye zapiski Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Pedagogical Sciences, 2018. № 1. P. 55–60.
3. Evlapova T.V. The role of state institutions in the patriotic education of youth in the context of the political transformation of Russian society : abstract of dis. ... candidate of political sciences. M., 2013. 24 p.
4. Muravyov A.N. The strategy of patriotic education of the younger generation of Russian citizens / A.N. Muravyov. Kilinson, 2021. № 1. P. 67–75.

Листопадова Евгения Вячеславовна

кандидат социологических наук,
доцент,
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
ugpd@rambler.ru

Мерецкая Наталья Александровна

кандидат юридических наук,
доцент,
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
ugpd@rambler.ru

Туркулец Светлана Евгеньевна

доктор философских наук,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
turswet@rambler.ru

Evgenia V. Listopadova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Far Eastern State Transport University
ugpd@rambler.ru

Natalia A. Meretskaya

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Far Eastern State Transport University
ugpd@rambler.ru

Svetlana E. Turkulets

Doctor of Philosophical Science,
Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines,
Far Eastern State Transport University
turswet@rambler.ru

**ОСОБЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА УПРАВЛЕНИЯ
В СФЕРЕ РОССИЙСКОГО
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. В статье дана характеристика современного этапа управления высшим образованием в России. Отмечается, что вектор глобализации сменился сегодня для российского общества в прямо противоположном - антиглобализационном – направлении, что проявилось, прежде всего, в антироссийских санкциях, широкомасштабных русофобских акциях со стороны Западного мирового сообщества и т.п. Это не может не отразиться на состоянии российской науки и образования. Авторы утверждают о необходимости возрождения лучших традиций отечественной высшей школы.

Ключевые слова: высшее образование, российская высшая школа, реформа, глобализация, антиглобализационные процессы, санкции.

Образование в настоящее время выступает одним из важнейших факторов, а также, показателем социального и экономического развития государства. Знания и качественная подготовка высококвалифицированных специалистов обеспечивают гармоничное развитие общества. В Указе Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 года» [1] отмечается, что одним из целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей к 2030 году, является обеспечение присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран

**FEATURES OF THE MODERN STAGE
OF MANAGEMENT IN THE FIELD
OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION**

Annotation. The article describes the current stage of higher education management in Russia. It is noted that the vector of globalization has changed today for the Russian society in the opposite direction - anti-globalization – direction, which manifested itself, first of all, in anti-Russian sanctions, large-scale Russophobic actions by the Western world community, etc. This cannot but affect the state of Russian science and education. The authors argue about the need to revive the best traditions of the national higher education.

Keywords: higher education, Russian higher education, reform, globalization, anti-globalization processes, sanctions.

мира по объему научных исследований и разработок, в том числе, за счет создания эффективной системы высшего образования. Подобные цели вполне соотносятся с основными изменениями в сфере образования под влиянием глобализации, о чем в свое время писали представители философии образования: «Наиболее значимые изменения в сфере образования, произошедшие в условиях глобализации современного мира, связаны с трансформацией цели образования, переосмыслением его познавательных возможностей, самим характером познания, а также, с

изменением места и роли образования в социуме. Это связано с тем, что в условиях информационной эпохи, с одной стороны, произошло усиление значения информации и знаний (как на личном, так и на социальном уровнях), с другой – именно в информационную эпоху знание и информация приобрели ценностный статус преимущественно в прагматическом, экономическом аспектах» [2, с. 28].

Однако, заявленные в Указе Президента амбициозные цели, столкнулись сегодня с рядом серьезных трудностей политического и экономического характера, представляющих собой, по сути, начало антиглобализации. Западное мировое сообщество практически единодушно настроено не только не принимать нашу страну с ее творческим и научным потенциалом в свой «клуб», но и всеми силами способствует стагнации, если не разрушению, имеющейся системы высшей школы. И если раньше деструктивные действия Запада были завуалированы якобы желанием привести наше образование к общемировым стандартам, то сегодня открыто заявляется о необходимости остановить социальное и экономическое развитие России всеми возможными способами.

Современный этап развития высшей школы в России отличается тем, что в условиях антироссийских санкций, а также широкого распространения русофобских настроений на Западе, российское педагогическое сообщество предпринимает попытки возродить лучшие традиции отечественного высшего образования, обратить внимание общественности на его достижения и приоритеты, исключить трактовку образования как услуги, выдвинув на передний план его социально значимые функции и задачи. На протяжении 20 лет опытные преподаватели высшей школы не переставали отстаивать ценности традиционного вузовского образования, аргументированно критиковать внедренную «сверху» двухуровневую систему (бакалавриат-магистратура), перевод аспирантуры из послевузовского уровня образования в третий (высший) вузовский уровень и многое другое, что, на первый взгляд, представляло собой прогрессивные изменения и нововведения, а на деле оказалось чужеродным и бесперспективным для российской высшей школы. Подтверждением тому служат официальные высказывания руководителей государственных органов управления образованием, которые, наконец, признали ошибочными все эти реформы и обратились, по сути, к возрождению традиционной отечественной вузовской системы, исторически доказавшей свою состоятельность. С 01 января 2023 года возвращается статус аспирантуры как послевузовского уровня подготовки специалистов высшей квалификации. До 31 декабря 2022 года для преподавателей вузов отменили обязанность готовить и публиковать научные статьи в журналах, включенных в международные базы данных Scopus и WoS (поскольку редакции многих зарубежных научных журналов публично объявили бойкот российским ученым). Уже звучат утверждения представителей власти и об отказе от двухуровневой системы образования, что, очевидно, в самое ближайшее время приведет к принятию новых образовательных стандартов и возврату специалитета.

Мы неоднократно писали о необходимости возрождения лучших традиций российской высшей школы и выступали категорически против бездумного копирования западных образцов. Так, в 2015 году в своей статье в журнале «Философия образования» мы отмечали, что в России с конца XX века широкое распространение получила практика некритического заимствования и реализации зарубежных социальных проектов, в том числе в сфере инновационных управленческих форм [3].

Глобализация не принесла нашей стране, как показывает опыт, желаемых «дивидендов». Мы разделяем позицию ученых, которые утверждали: процессы глобализации сопряжены с инородными заимствованиями, что в сфере образования приводит к крайне нежелательным результатам [4]. Отказ от использования исторических, национальных, культурных и иных отечественных традиций стал в XXI веке, к сожалению, нормой при разработке государственных инновационных стратегических программ развития различных сфер жизнедеятельности нашего общества, в том числе и сферы образования.

Все те заимствования, которые имели место в начале 2000-х годов, представляли собой попытку «понравиться» Западу, продемонстрировать желание не просто копировать чужой опыт, но и действовать по указке «заокеанских наставников». На наш взгляд, подобный опыт и подобное руководство были направлены на сознательное разрушение отлично отлаженной и приносящей блестящие результаты российской вузовской системы. Манипулировать малообразованными послушными исполнителями гораздо проще. Все здравомыслящее сообщество педагогов российской высшей школы понимало суть происходящих перемен, многие старались привлечь внимание общества к так называемым реформам образования, но в ответ лишь получали ярлыки ретроградов и консерваторов, не желающих выхода российской науки и высшей школы на мировой уровень. В итоге, российская вузовская система была практически разрушена, качество высшего образования сильно упало, у студентов пропала мотивация к обучению, у педагогов – к преподаванию.

Образование получило новый статус – статус услуги. В определенной степени, высшее образование и научные исследования предоставляют обществу определенные «услуги», однако, последние имеют существенные отличия от иных видов услуг. Если традиционное определение услуги гласит о том, что она представляет собой полезное действие, результатом которого является либо изделие, либо полезный эффект, то не вполне корректным было бы использовать такое определение по отношению к образовательной услуге, поскольку ее результатом, в конечном итоге, является духовное и интеллектуальное совершенствование человека, получающего образование, а также обеспечение его успешной адаптации к наличным социальным условиям. Важнейшей социально значимой функцией отечественного вуза всегда было развитие личности, формирование системы ценностей будущего специалиста. Так об этом пишут современные исследователи взаимодействия образования и

общества: «Содействие общества и образования предполагает наличие условий и обладание признаками, при которых эти взаимодействия могут быть наиболее эффективными:

...– образование как процесс целенаправленной деятельности по реализации принципа «учиться быть человеком»;

... – образование – социальный институт развития позитивных качеств индивида, а уже потом развития его профессиональных знаний, умений и навыков...» [5, с. 63].

В настоящее время в период возрождения традиционных ценностей высшего образования есть смысл обратиться к опыту стран, отказавшихся от преимуществ глобализации и избравших собственный путь развития. «В качестве примера достаточно привести восточные страны, в частности, Китай, достижения которого в сфере экономики и образования восхитительны. Всего за несколько десятилетий эта страна смогла не только преодолеть вековую отсталость, но и превратиться в одно из могущественных в мире государств, прежде всего, благодаря реформам в сфере образования. Китай не идет на поводу у западной модели глобализации, а активно проводит свою линию...» [2, с. 32]. И что удивительно, в 1950-е гг. китайцы скопировали советскую систему образования, которая позволила Поднебесной после войны подготовить необходимые кадры для восстановления разрушенного хозяйства. Вместе с тем, со временем данная система

Литература:

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // СПС КонсультантПлюс».
2. *Ашилова М.С.* Глобализация образования и глобальные вызовы современности / М.С. Ашилова, Н.В. Наливайко // *Философия образования.* 2015. № 1(58). С. 26–36.
3. *Туркулец С.Е.* К вопросу о целесообразности системы менеджмента качества (СМК) в вузе / С.Е. Туркулец, Е.В. Листопадова, Н.С. Аникеева // *Философия образования.* 2015. № 4(61). С. 5–14.
4. *Никитенко В.Н.* Народное и инородное образование / В.Н. Никитенко // *Философия образования.* 2014. № 6(57). С. 143–153.
5. *Пузиков В.Г.* Образование и общество: тренд в новую конфигурацию отношений / В.Г. Пузиков // *Философия образования.* 2022. Т. 22. № 1. С. 59–70.

исчерпала свой потенциал и Китай принял курс на всеобъемлющую форму образования, взяв за образец университет общего профиля. Позже, Китай вновь откорректировал стратегическую программу развития высшего образования, и исходя из национальных интересов, обратился к изучению и внедрению американской модели образования. «Наряду с внедрением американской модели системы образования Китай сохранил и собственную систему воспитания, основанную на многовековом опыте и традициях. Одна из приоритетных задач китайских педагогов – привнести в процесс обучения моральные и нравственные ценности мыслителей прошлого» [2, с. 34].

Данный опыт показывает, что в ходе реформ управления образованием следует опираться, прежде всего, на национальные интересы, учитывая и критически переосмысливая имеющиеся достижения других стран.

В нынешней ситуации, которая, по своей сути, стала для России показателем истинного отношения к ней Запада, российской высшей школе следует выполнить «перезагрузку», а органам управления образованием осуществить тщательный анализ и извлечь уроки из практики некритического заимствования зарубежного опыта и неудачных попыток интеграции в чужеродную систему.

Literature:

1. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 № 474 // SPS «ConsultantPlus».
2. *Ashilova M.S.* Globalization of education and global challenges of our time / M.S. Ashilova, N.V. Nalivaiko // *Philosophy of Education.* 2015. № 1 (58). P. 26–36.
3. *Turkulets S.E.* To the question of the expediency of the quality management system (QMS) at the university / S.E. Turkulets, E.V. Listopadova, N.S. Anikееva // *Philosophy of education.* 2015. № 4(61). P. 5–14.
4. *Nikitenko V.N.* Folk and foreign education / V.N. Nikitenko // *Philosophy of education.* 2014. № 6 (57). P. 143–153.
5. *Puzikov V.G.* Education and society: a trend towards a new configuration of relations / V.G. Puzikov // *Philosophy of education.* 2022. Vol. 22. № 1. P. 59–70.

Людкевич Юрий Николаевич

кандидат юридических наук,
заместитель начальника
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
полковник полиции
ev-grishay@mail.ru

Гришай Елена Васильевна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
полковник полиции
ev-grishay@mail.ru

Люев Тимбот Хабасович

старший преподаватель кафедры
деятельности органов внутренних дел
в особых условиях,
СКИ(Ф) Краснодарского университета
МВД России,
подполковник полиции
ev-grishay@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ
ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЕЖИ
ПОСРЕДСТВАМ МАССМЕДИА**

Аннотация. В данной статье процесс формирования ценностных ориентиров молодежи посредством массмедиа. В последние годы учёные гуманитарной сферы всё чаще обращают внимание на процессы трансформации системы ценностей российского общества, происходящие под воздействием ускоренного развития цифровых технологий. Основным объектом исследований выступает особая социально-возрастная группа – молодёжь, вызывающая тревогу у учёных в силу минимального социального опыта, подверженности внешнему влиянию и восприимчивости к любым изменениям.

Ключевые слова: ценностные ориентиры, виртуальная компьютерная социализация, киберсоциализация, аксиосфера современной молодёжи, интернет-коммуникация, медиа коммуникация.

В последние годы учёные гуманитарной сферы всё чаще обращают внимание на процессы трансформации системы ценностей российского общества, происходящие под воздействием ускоренного развития цифровых технологий [1]. Основным объектом исследований

Yury N. Lyudkevich

Candidate of Legal Sciences,
Deputy Chief of the Departments
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
ev-grishay@mail.ru

Elena V. Grishay

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
ev-grishay@mail.ru

Timbot Kh. Lyuev

Senior Lecturer of the Department
activities of internal affairs bodies
in special conditions,
SCI (F) of Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel
ev-grishay@mail.ru

**FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS
OF YOUTH THROUGH MASS MEDIA**

Annotation. In this article, the process of forming value orientations of youth through mass media. In recent years, scientists in the humanitarian field have increasingly paid attention to the processes of transformation of the value system of Russian society, taking place under the influence of the accelerated development of digital technologies. The main object of research is a special socio-age group – youth, which causes anxiety among scientists due to minimal social experience, exposure to external influences and susceptibility to any changes.

Keywords: value orientations, virtual computer socialization, cybersocialization, axiosphere of modern youth, Internet communication, media communication.

выступает особая социально-возрастная группа – молодёжь, вызывающая тревогу у учёных в силу минимального социального опыта, подверженности внешнему влиянию и восприимчивости к любым изменениям.

Введены в научный оборот такие понятия, как «виртуальная компьютерная социализация», «киберсоциализация человека», «социализация личности в киберпространстве», под которыми понимается «процесс изменений структуры самосознания личности, происходящий под влиянием и в результате использования им современных информационных и компьютерных технологий в контексте жизнедеятельности» [2].

Масштабное исследование аксиосферы современной молодёжи, проведённое группой российских учёных в рамках «Мирового Интернет Проекта» (World Internet Project) в 2014 году, позволило выявить зависимость ценностных ориентаций молодого поколения от интенсивности использования сети Интернет и установить ряд закономерностей:

- 1) при повышении интенсивности интернет-коммуникации становятся менее актуальными ценностные ориентации на семью и брак;
- 2) при высокой интенсивности интернет-коммуникации молодые люди менее заинтересованы в самореализации и саморазвитии;
- 3) при средней и высокой вовлеченности в интернет-коммуникацию первые позиции в ценностной иерархии занимают деньги, материальное благополучие и любовь;
- 4) при повышении интенсивности интернет-коммуникации снижается важность нравственных качеств и морали;
- 5) при высокой интенсивности интернет-коммуникации главной ценностью в жизни становятся социальный статус, авторитет, власть, лидерство;
- 6) с повышением уровня вовлеченности в интернет-коммуникацию утрачивают свою ценность образование и обучение [3].

Примечательно, что у респондентов с высокой интенсивностью интернет-коммуникации на основе собственной ценностной иерархии сложились стереотипные представления и об аксиосфере всей российской молодёжи. Они полагают, что приоритетными ценностными ориентирами молодёжи в целом являются достижение целей и успех; самореализация и саморазвитие; социальный статус, авторитет, власть, лидерство; свобода и независимость. При этом респонденты с низким уровнем интенсивности использования интернета в качестве базовых составляющих системы ценностей российской молодёжи называют патриотизм и наследие. Исследование, в целом, устанавливает зависимость между высоким уровнем вовлеченности респондентов в медиа коммуникацию и их принадлежностью к такому типу интернет-культуры, как индивидуалисты-прагматики [4].

Результаты общероссийского исследования «Ценностные ориентации российской молодёжи», проведённого в 2017 году в рамках подготовки ежегодного доклада о положении молодёжи и реализации молодёжной политики в России, в

целом, подтверждают основные выводы приведённого выше изыскания.

Сегодня наука располагает обширным корпусом эмпирических исследований аксиосферы молодёжи разных масштабов – от мировых, общероссийских до региональных и локальных опросов, однако общепризнанного категориального аппарата до сих пор ещё не выработано. Среди учёных нет согласия даже в определении базовых понятий – ценности и ценностные ориентиры, в том числе в выделении их родового и видового признаков. Приведём для сопоставления несколько дефиниций понятия ценности:

- 1) обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества (Н.И. Лапин) [5];
- 2) некая норма, принятая большинством и одобренная многими поколениями в виде положительной традиции (В.В. Тулупов) [6];
- 3) выработанные самой историей ориентиры и приоритеты внутреннего обустройства общества; они обеспечивают его устойчивость и единство, преемственность, связь времён и возможность движения в будущее (В.А. Ситаров) [7];
- 4) ориентир деятельности личности и общества, определяющий направление их развития, воплощающий в себе субстанционально-значимые цели и идеи, стремление к наполнению смыслом и достижению образа совершенства в бытие (Л.В. Баева) [8].

В приведённых выше определениях при выделении родового признака понятия исследователи ориентируются на создателя и носителя ценности – общество (В.В. Тулупов, В.А. Ситаров) либо на личность, и на общество (Л.В. Баева). Определение Н.И. Лапина конституирует ценности как результат коллективного опыта их носителя (отдельного этноса и всего человечества). Отсутствует единодушие и в выделении базового атрибута определения. В качестве него учёные выделяют цели (= результат), нормы (= эталон, образец), ориентиры (= указатель), приоритеты (= нечто важное).

На наш взгляд, цели, нормы, ориентиры и приоритеты вытекают из принятой в обществе системы ценностей, но сами по себе не определяют сущностную природу понятия, в силу чего оно нуждается в уточнении. Опираясь на рассмотренные дефиниции, предлагаем рабочее определение понятия ценности. Ценности – сложившиеся в процессе культурно-исторического развития общества устойчивые вневременные категории и преходящие понятия, обладающие высшей значимостью при регулировании всех сфер жизнедеятельности общества и личности и определяющие высшие цели развития как стремление к благу, идеалу и совершенству, а также средства достижения этих целей. Ценности отражаются в сознании человека в форме ценностных ориентиров.

Терминологическая неточность, с нашей точки зрения, наблюдается и в смешении понятий ценностные ориентиры и ценностные ориентации.

Согласно психологической концепции А.Н. Леонтьева, ценностные ориентации выражают сознательное отношение человека к социальной действительности, определяют широкую мотивацию его поведения и влияют на все стороны его жизнедеятельности, «сливают его жизнь с жизнью людей, их благом <...> такие жизненные мотивы способны создать внутреннюю психологическую оправданность его существования, которая составляет смысл жизни».

Вслед за выдающимся психологом А.Н. Леонтьевым отечественные исследователи рассматривают ценностные ориентации как смыслообразующую основу человеческой жизни, обуславливающую отношение личности к миру, жизни и людям и её поведение. В частности, М.Ю. Ханжунова и Ц.Ц. Чойропов определяют ценностные ориентации как совокупность ценностных отношений индивида, проявляющуюся «в целях, идеалах, интересах, жизненных планах, принципах, убеждениях как вербально, так и в реальном поведении» [9].

В характеристике и определении ценностных ориентаций С.В. Никитина акцентирует важные компоненты:

- активность и осознанность ценностной позиции субъекта;
- относительную устойчивость, социальную обусловленность и избирательность ценностного отношения личности к миру.

Литература:

1. *Новиченко О.В.* Ценностные ориентации современной Российской молодежи / О.В. Новиченко // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 03–04. С. 84–88.
2. *Вараксин А.В.* Влияние социальных сетей на формирование ценностных ориентиров современной молодежи / А.В. Вараксин // Преподаватель XXI век. 2016. № 2. С. 205–212.
3. *Бродовская Е.В.* Влияние Интернет-коммуникации на формирование ценностных ориентаций молодежи: анализ факторов интенсивности / Е.В. Бродовская, А.В. Синяков, И.С. Иванов // Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре: сборник трудов. 2014. С. 118–123. URL : <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/257/252> (дата обращения 14.08.2021).
4. *Бродовская Е.В.* Влияние Интернет-коммуникации на формирование ценностных ориентаций молодежи: анализ факторов интенсивности / Е.В. Бродовская, А.В. Синяков, И.С. Иванов.
5. *Лапин Н.И.* Модернизация базовых ценностей россиян / Н.И. Лапин // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3.

«Ценностные ориентации обосновывают человека как субъекта с его активной позицией, сознанием и самосознанием, целеполаганием, мотивами и смыслами деятельности, свободой и ответственностью...»; это «своеобразный жизненный фундамент, отражающий относительно устойчивое, социально обусловленное избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных общественных благ, выражающиеся в отношении личности к миру» [10].

Из приведённых дефиниций и характеристик следует, что ценностные ориентации, во-первых, имеют сугубо личностное измерение, во-вторых, являются результатом глубокой внутренней работы личности – тщательного осмысления, приятия и присвоения общественных ценностей в качестве индивидуальной основы жизнедеятельности. Очевидно, что ценностные ориентации «входят» в сознание человека через культуру и социальные институты, каковыми выступают семья, школа, вуз, медиасфера и др., в форме ценностных ориентиров и установок. По сути, ценностные ориентиры являются внешними указателями морально-нравственного и духовного направления развития отдельной личности и общества, в целом, акцентируемого как желательное/недопустимое, предпочтительное/неприемлемое, одобряемое/порицаемое большинством.

Таким образом, на наш взгляд, ценностные ориентиры направлены от общества к личности, а ценностные ориентации, сформированные на основе акцентированных ценностных ориентиров и определяющие морально-нравственную основу личности, возвращаются в общество в процессе её жизнедеятельности.

Literature:

1. *Novichenko O.V.* Value orientations of modern Russian youth / O.V. Novichenko // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2013. № 03-04. P. 84–88.
2. *Varaksin A.V.* The influence of social networks on the formation of value orientations of modern youth / A.V. Varaksin // Teacher XXI century. 2016. № 2. P. 205–212.
3. *Brodovskaya E.V.* The influence of Internet communication on the formation of value orientations of youth: analysis of intensity factors / E.V. Brodovskaya, A.V. Sinyakov, I.S. Ivanov // Technologies of information society in science, education and culture: proceedings. 2014. P. 118–123. URL : <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/257/252> (date of the application 14.08.2021).
4. *Brodovskaya E.V.* The influence of Internet communication on the formation of value orientations of youth: analysis of intensity factors / E.V. Brodovskaya, A.V. Sinyakov, I.S. Ivanov.
5. *Lapin N.I.* Modernization of the basic values of Russians / N.I. Lapin // Sociological research. 1996. № 5. P. 3.

6. *Тулупов В.В.* Ценностные ориентиры современной тележурналистики / В.В. Тулупов // Актуальные проблемы экранных и интерактивных медиа: сборник материалов научно-практической конференции. 2019. С. 9.
7. *Ситаров В.А.* Ценностные ориентиры в воспитании современной молодежи / В.А. Ситаров // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 47.
8. *Баева Л.В.* Экзистенциальные ценности и риски в электронной культуре / Л.В. Баева // Модернизация культуры: судьба ценностей в современном мире. Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 6.
9. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание Личность. М., 1975. С. 278.
10. *Ханхунова М.Ю.* Социальные медиа как инструмент формирования ценностных ориентаций / М.Ю. Ханхунова, Ц.Ц. Чойропов // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологии и управления. 2013. № 3(42). С. 117–123.
6. *Tulupov V.V.* Value orientations of modern TV journalism / V.V. Tulupov // Actual problems of screen and interactive media: a collection of materials of the scientific and practical conference. 2019. P. 9.
7. *Sitarov V.A.* Value orientations in the education of modern youth / V.A. Sitarov // Knowledge. Understanding. Ability. 2018. № 1. P. 47.
8. *Baeva L.V.* Existential values and risks in electronic culture / L.V. Baeva // Modernization of culture: the fate of values in the modern world. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference. 2018. P. 6.
9. *Leontiev A.N.* Activity. Consciousness Personality. M., 1975. P. 278.
10. *Khankhunova M.Yu.* Social media as a tool for the formation of value orientations / M.Yu. Khankhunova, Ts.Ts. Choyropov // Bulletin of the East Siberian State University of Technology and Management. 2013. № 3(42). P. 117–123.

Маслов Сергей Николаевич
Саратовский военный ордена Жукова
Краснознаменный институт войск
национальной гвардии
Российской Федерации
kafedra_soc.nauk@bk.ru

ВОИНСКИЙ КОЛЛЕКТИВ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. В данной статье рассмотрены, обобщены, а также проанализированы группы исследований, раскрывающие сущность и содержание категории трудового коллектива. Авторами представляется интегрированная социологическая конструкция, раскрывающая сущность воинского коллектива как формального объединения военнослужащих, которые осуществляют деятельность по реализации специфических общественных военных целей. Доказано, что содержательно категория «воинский коллектив» имеет двойственное проявление. С одной стороны, функционирование воинского коллектива является процессом осуществления целенаправленной служебно-трудовой деятельности в условиях жесткой воинской дисциплины и беспрекословного подчинения руководству и нормативным документам. С другой стороны, это – деятельность групп военных, имеющих схожие формальные и неформальные ценности, общую организационную культуру, которая направлена на выполнение определенных военных функций.

Ключевые слова: воинский коллектив, социология, военная социология, организация, служба, труд, военнослужащий.

Оптимизация деятельности военной организации направлена на постановку и решение задач, определяющих создание качественно новой и мобильной российской армии. Тенденции и масштабы разрушений мировых социальных механизмов обосновывают направления изменений в военной среде и создают необходимость осуществлять перестройку не только политических и экономических, но и военно-организационных процессов [1, с. 3–4]. В новых условиях необходимо уточнение сущности служебно-трудовой военной организации в целом и воинского коллектива в частности. Необходимо раскрыть организационные принципы функционирования воинского коллектива в контексте современных тенденций преобразования российского общества. Важно исследовать данное понятие в контексте его социологического проявления, рассмотреть воинский коллектив как компонент системы служебно-трудовых отношений военной организации, выявить социо-культурные формы, а также, виды его трудового проявления, раскрыть

Sergey N. Maslov
Saratov Military Order of Zhukov
Red Banner Institute of the National Guard
of the Russian Federation
kafedra_soc.nauk@bk.ru

MILITARY COLLECTIVE IN THE SUBJECT FIELD OF SOCIOLOGY

Annotation. The groups of studies on the problem of the essence and content of the military collective are considered, generalized, and also analyzed. An integrated sociological construction is presented that reveals the essence of a military collective as a formal association of military personnel who carry out activities for the implementation of specific public military goals. It is proved that the category «military collective» has a dual manifestation. On the one hand, the functioning of the military collective is the process of carrying out purposeful service and labor activities in conditions of strict military discipline and unquestioning obedience to management and regulatory documents. On the other hand, it is the activity of military groups that have similar formal and informal values, a common organizational culture that is aimed at performing certain military functions.

Keywords: military collective, sociology, military sociology, organization, service, labor, serviceman.

специфику понятий «воинский коллектив» и «трудовой коллектив».

Рассмотрим концепции ученых, исследующих содержание социальной организации вообще и трудового воинского коллектива в частности. Условно разделим исследуемые теории на две группы:

- 1) *общие теории социальной организации;*
- 2) *специализированные доктрины военной социологии (представляющие идеи о сущностном проявлении воинского коллектива).* Проанализируем данные теоретические направления подробнее.

В рамках общих теорий социальной организации обосновываются основные принципы её исследования. М. Вебер разработал социальные, экономические, культурологические основы универсальной бюрократической социальной организации. Здесь социальная организация – это

трудова́я система, формирующаяся в рамках бюрократических принципов организационного взаимодействия. Организационная бюрократия – это основа любого трудового социального коллектива. Она может иметь негативные (отрицательные) черты, на определенном этапе эволюции превращаться в относительно самостоятельную систему (социальный слой) с некоторыми чуждыми социальной структуре интересами. Д. Росс, в этой связи, констатирует, что всякая социальная организация неизбежно включает в себя бюрократию [2, с. 171]. При этом если деятельность бюрократии не будет подвержена социальному контролю, то она будет иметь деструктивные формы проявления [3, с. 127]. При этом каждая трудовая организация имеет социальное проявление и является косвенным результатом превращения некоторой совокупности индивидов, социальных совокупностей в единую целостную систему. Последнюю и необходимо рассматривать как универсальную социальную организацию – социальную трудовую систему – коллектив [4, с. 68]. Поэтому становление бюрократической организации, как и трудового коллектива, необходимо исследовать как результат длительного процесса «кристаллизации». Последнее, по сути, и является системной организацией группы людей в трудовой коллектив. Данный процесс предполагает формирование специфических и общих социально-культурных ценностей, обеспечение понимания и осмысления идей, интересов, профессиональных компетенций, потребностей коллектива людей. Трудовой коллектив, в целом, и воинский коллектив, в частности, характеризует многомерное проявление: внешнее физическое (местность, материальное окружение, климат); внутреннее культурное (социальные нормы, субъективные ценности и текущие и стратегические цели), а также, универсальное технологическое (уровень организационных знаний, «умений и навыков» [5, с. 48].

Можно сделать промежуточный вывод о том, что кристаллическое становление организационной культуры группы, формально объединенных людей, и представляет собой процесс становления (появления) всякого трудового коллектива, в том числе, и военного.

Таким образом, социальная трудовая организация универсально проявляется как трудовой социальный коллектив. Это – объединение работников, взаимодействующих, взаимосвязанных и осуществляющих интегрированную деятельность, определяющую реализацию заранее согласованных и поставленных организацией трудовых целей и задач.

Трудовой коллектив характеризуется наличием оплачиваемой трудовой деятельности субъектов, реализации целесообразных, совместных поведенческих практик акторов. В рамках функционирования трудового коллектива могут осуществляться разнообразные формы трудовой, а также – служебной деятельности. В зависимости от специфики субъекта труда (работника или военнослужащего), форм труда или службы можно обосновать вид социальной организационной системы: трудовой коллектив, воинский коллектив,

производственный коллектив, банковский коллектив.

Воинский коллектив – это вид социальной трудовой организации, где осуществляется служебно-трудовая деятельность военнослужащих. Эффективность воинского коллектива определяется полномасштабной трансформацией социальных процессов становления инновационного военно-профессионального потенциала военной организации, социальной системы России, в целом. Развитие современного социума, формирование качественно новых военных инновационных ресурсов, коренное обновление военной техники, информационных технологий приводит к комплексной модернизации системных элементов внутренней социальной среды воинского коллектива и становятся важнейшими объектами целевой профессиональной деятельности военнослужащих.

В качестве недостатков общих теорий социальной организации определим следующие:

- 1) абстрагирование от рассмотрения состава коллективов различных социальных организационных систем;
- 2) отсутствие конкретных разработок, посвященных выявлению специфики содержания воинского коллектива.

Частично, данные недостатки преодолеваются в рамках доктрины военной социологии, где уточняется сущностное проявление воинского коллектива.

Исследуем доктрины военной социологии. Воинский коллектив военными социологами представляется как бюрократическая служебно-трудовая социальная организация, имеющая специфическую систему социальной, трудовой, управленческой культуры, которая входит в культурное пространство общества [6, с. 60]. Здесь воинский коллектив представляется как социальная общность индивидов, которая осуществляет действия, выполняя специфические функции на постоянной основе, и непрерывно целенаправленно воздействует на одного или всех в целом членов данной организации.

Деятельность воинского коллектива имеет две особенности.

Первая – он функционирует в особенной социально-культурной среде [7].

Вторая – в процессе функционирования всякого воинского коллектива осуществляется специфическая форма образовательной социализации. Глубина, а также темпы образовательной социализации военнослужащих имеют особенность реализации в форме результатов как бытовой, боевой, так и образовательной деятельности.

И.А. Смирнов [8] предлагает исследовать социально-трудовое пространство военной организации России как совокупность отдельных воинских служебных и трудовых коллективов, а также институций (то есть, форм персонифицированного

формального закрепления служебного действия, определяющего специфический образ понимания и мышления военных акторов [9]). В данном контексте, чем более близки воинские трудовые коллективы в данном пространстве, тем больше общих черт они имеют и, наоборот, чем более удалены друг от друга, тем они менее схожи [10, с. 25]. Согласно данному теоретическому подходу, военное социально-трудовое пространство является характеристикой способа расположения субъектов воинского коллектива, где последние выступают первичными участниками социально-функционального взаимодействия военнослужащих. Форма военного социально-трудового пространства зависит от степени дистанцирования отдельных воинских трудовых коллективов [11, с. 53]. В воинском коллективе проявляется своеобразная модель военно-профессиональной мобильности субъектов военного действия. Последняя включает в себя:

- реализацию государственных целей, задач, принципов;
- осуществление профессиональной мобильности военнослужащих и гражданских лиц.

По сути, объединяясь в группы, военнослужащие образуют воинские трудовые коллективы с особым типом поведения, задач, целевых стратегий.

В процессе образования и трансформации организационной трудовой военной культуры данные коллективы начинают проявляться уже как социотрудовые военные коллективные группы [12]. Функционирование воинского коллектива – это одна из форм проявления культурной социализации и профессионального развития военных [13]. Функционирование военного коллектива представляет собой подмножество социального исторического развития организационных систем [14], которые, в свою очередь, сформированы из военнослужащих. При данном подходе воинский коллектив представляет собой не простую организационную совокупность индивидов, связанных государственной службой, сотрудничеством, общностью культуры и интересов, но также объединение, где осуществляется целенаправленная социализация, совместные действия по защите Отечества, достигаются государственно важные результаты. В нем реализуются не только личные, но и коллективные, государственные интересы, наполненные общественно важным содержанием, исходя из цели, природы и интересов обеспечения законности и безопасности общества.

Таким образом, в рамках доктрин военной социологии конкретизируется сущность воинского коллектива как специфической трудовой организации (группы индивидов), осуществляющих государственную военную службу и ведущих жестко контролируемую служебную и трудовую деятельность. Его деятельность жестко координируется, а также, направляется государством на обеспечение безопасности общества, отдельных личностей, социальных групп.

Воинский коллектив рассматривается как сложное социальное образование, состоящее из представителей разных национальностей, профессиональных групп, структурных образований. Он призван обеспечить реализацию следующих общественных функций:

- а) военной (обеспечение обороноспособности, законности и порядка в обществе, реализации военной политики государства);
- б) социальной (функционирование коллектива как групповой ячейки социума, структурного компонента общественной структуры);
- в) политической (обеспечение формирования представительных структур государства);
- г) воспитательной (воспитание военнослужащих, отдельных групп социума).

Каждая форма социального развития воинского коллектива как структурного подразделения военной организации нацелена, в первую очередь, на социально-трудовое, культурное, профессиональное развитие ее субъектов. Это сложный процесс, который состоит из нескольких элементов: развития трудовой культуры военнослужащих, трансформации функциональной системы коллективов, совершенствования отношений контроля и самоконтроля военного. Данные процессы в большей степени контролируются государством и отражают общественные социальные процессы развития.

В качестве недостатков разработок военных социологов выделим:

- 1) абстрагирование от общих принципов построения воинского коллектива, рассмотрение, преимущественно, специфических черт проявления воинского коллектива как социальной группы населения;
- 2) отказ от конкретизации проявления уровней воинского коллектива в современном обществе.

Таким образом, на основе представленного теоретического анализа представим интегрированный (авторский) подход к сущности и содержанию категорий «трудовая организация» и «воинский коллектив».

Трудовая организация представляет собой всякую организационно созданную и формальной закрепленную совокупность служащих или труженников (в том числе, и военнослужащих), действующих в рамках единого плана или проекта для достижения формально разработанной и закрепленной цели.

Воинский коллектив сегодня необходимо рассматривать как вид трудовой организации, социальную группу и одновременно социальную систему, в которой осуществляется функциональная, трудовая и служебно-трудовая деятельность военнослужащих. Воинский коллектив – это организационная совокупность военных акторов в

контексте не только их формальной принадлежности к военной организации, ценностных, идейных, нормативных, моральных пониманий и позиций, но и совместной государственной службы и служебной, боевой, бытовой деятельности под целенаправленным, жестко контролируемым руководством, жёстким единоначалием.

Содержательно категория «воинский коллектив» имеет двойственное проявление.

С одной стороны, функционирование воинского коллектива является процессом осуществления целенаправленной служебно-трудовой деятельности в условиях жесткой воинской дисциплины и беспрекословного подчинения руководству и нормативным документам, а также – стране, в целом.

С другой стороны, это деятельность групп военных, имеющих схожие формальные и неформальные ценности, общую организационную культуру, которая отражает определенный стиль поведения и выполнение военных функций общества.

Исходя из того, что внутри военной организации каждый военнослужащий реализует собственные профессиональные функции, следует рассматривать изучаемый объект с двух ракурсов:

- 1) как воинский трудовой коллектив;

Литература:

1. *Левашов В.К.* Мировой экономический кризис и устойчивое развитие / В.К. Левашов // Социологические исследования. 2011. № 11.
2. *Ross G.A.* The emergence of organization set in three ecumenical disaster recovery organizations. *Human Relations*. 1980. P. 33, 23–29. Цит. по: Смелзер Н. Социология. М., 1998.
3. *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии. Избранные произведения / М. Вебер. М., 1990.
4. *Гидденс Э.* Социология. М., 1999.
5. *Homans G.* The Human Group. New-York, 1951.
6. *Баландина Т.М.* Организационная культура в системе культурного пространства общества / Т.М. Баландина // Вестник Саратовского государственного аграрного университета. 2005. № 1.
7. *Пихтелёв А.М.* Духовно-культурное развитие деятельностного человеческого потенциала военнослужащих / А.М. Пихтелёв // Alma mater. 2019. № 4.
8. *Смирнов И.А.* Военнослужащий как объект социологического исследования / И.А. Смирнов, Н.И. Кузнецов // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Материалы XII Международ. науч.-практич. конф. 2018. Ч. 4. № 12.

- 2) как профессионально-функциональную группу, которая имеет одинаковые функции, принципы, нормы и модели трудового поведения.

Для создания среды, в которой будут стабильно функционировать подчиненные (военнослужащие и гражданские сотрудники), необходима постоянная служебно-трудовая кристаллизация воинских трудовых коллективов.

Таким образом, современный воинский коллектив имеет не только военные, но и социальные, экономические, культурные цели функционирования. На различных этапах развития воинского коллектива он может быть нацелен как на решение военных целей и задач, так и на создание некоего общественного продукта, общественного культурного блага, оказание образовательных услуг, осуществление развития внутренней социальной среды военной организации.

Необходимо выделить несколько уровней социального развития воинских коллективов: макроуровень (федеральный), региональный и первичный (микроуровень). К первому уровню относят воинские коллективы государства, которые обеспечивают внутреннюю и внешнюю безопасность страны, то есть, все воинские коллективы общества. К региональному уровню воинские организационные структуры, воинские трудовые коллективы конкретных регионов. На микроуровне рассматривают воинские части, роты и взвода.

Literature:

1. *Levashov V.K.* The world economic crisis and sustainable development / V.K. Levashov // Sociological research. 2011. № 11.
2. *Ross G.A.* The emergence of organization set in three ecumenical disaster recovery organizations. *Human Relations*. 1980. P. 33; 23-29. Cit. by: Smelzer N. *Sotsiologiya*. M., 1998.
3. *Weber M.* On some categories of understanding sociology. Selected works. M., 1990.
4. *Giddens E.* Sociology. M., 1999.
5. *Homans G.* The Human Group. New-York, 1951.
6. *Balandina T.M.* Organizational culture in the system of the cultural space of society / T.M. Balandina // Bulletin of the Saratov State Agrarian University. 2005. № 1.
7. *Pihtelev A.M.* Spiritual and cultural development of the active human potential of military personnel / A.M. Pihtelev // Alma mater. 2019. № 4.
8. *Smirnov I.A.* A serviceman as an object of sociological research / I.A. Smirnov, N.I. Kuznetsov // Actual problems of humanities and socio-economic sciences: Materials of the XII International. scientific and practical conference 2018. Part 4. № 12.

9. *Смирнов И.А.* Внешний и внутренний социальный контроль воинского коллектива / И.А. Смирнов // Актуальные проблемы военных и социальных наук. Саратов : СВИ ВНГ РФ, 2020. С. 71–75.
10. Бурдьё П. Структуры, Habitus, Практики / П. Бурдьё // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск : Новосибирский университет, 1995.
11. *Филиппов А.Ф.* Элементарная социология пространства / А.Ф. Филиппов // Социологический журнал. 1995. № 1.
12. *Веремчук В.И.* Социальные характеристики и особенности процесса социализации личности офицера в условиях модернизации Вооруженных Сил Российской Федерации / В.И. Веремчук, М.В. Барановский // Военный академический журнал. 2017. № 6 (67). С. 269–299.
13. *Быченко Ю.Г.* Обновление человеческого потенциала в условиях перехода России на инновационный путь развития / Ю.Г. Быченко // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 1. С. 182–186.
14. *Быченко Ю.Г.* Развитие профессионального потенциала военнослужащих, поступивших на военную службу по контракту / Ю.Г. Быченко, Т.М. Баландина // Вестник ННГУ. Серия. Социальные науки. 2019. № 4. С. 116–122.
9. *Smirnov I.A.* External and internal social control of the military collective / I.A. Smirnov // Actual problems of military and social sciences. Saratov : SVI VNG RF, 2020. P. 71–75.
10. *Bourdieu P.* Structures, Habitus, Practices / P. Bourdieu // Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas. Novosibirsk : Novosibirsk University, 1995.
11. *Filippov A.F.* Elementary Sociology of space / A.F. Filippov // Sociological Journal. 1995. № 1.
12. *Veremchuk V.I.* Social characteristics and features of the process of socialization of an officer's personality in the conditions of modernization of the Armed Forces of the Russian Federation / V.I. Veremchuk, M.V. Baranovsky // Military Academic Journal. 2017. № 6(67). P. 269–299.
13. *Bychenko Yu.G.* Renewal of human potential in the conditions of Russia's transition to an innovative path of development / Yu.G. Bychenko // News of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops. 2020. № 1. P. 182–186.
14. *Bychenko Yu.G.* Development of the professional potential of servicemen who entered military service under a contract / Yu.G. Bychenko, T.M. Balandina // Bulletin of the UNN. Series. Social sciences. 2019. № 4. P. 116–122.

Рамазанов Рашид Омариевич

кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Дагестанский федеральный
исследовательский центр РАН
rashram@yandex.ru

Rashid O. Ramazanov

Candidate of Political Sciences,
Researcher,
Dagestan Federal
RAS Research Center
rashram@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ
ПОТРЕТ ДАГЕСТАНСКОГО ВОЛОНТЕРА**

**SOCIO-DEMOGRAPHIC PORTRAIT
OF A DAGESTANI VOLUNTEER**

Аннотация. В статье показан социально-демографический портрет добровольца. Полученный социологический материал свидетельствует, что сформировать социально-демографический портрет дагестанского волонтера можно только приблизительно, потому что участвовать в волонтерской деятельности готовы практически все социальные группы, независимо от уровня образования, возраста, социального положения и отношения к вероисповеданию. Верификация эмпирического материала позволяет утверждать, что в основе участия человека в добровольческом движении лежат его мировоззрение и морально-нравственные принципы, желание быть полезным нуждающейся категории населения.

Annotation. The article shows a socio-demographic portrait of a volunteer. The obtained sociological material shows that it is possible to form a socio-demographic portrait of a Dagestani volunteer only approximately, because almost all social groups are ready to participate in volunteer activities, regardless of the level of education, age, social status and attitude to religion. Verification of empirical material allows us to assert that a person's participation in the voluntary movement is based on his worldview and moral principles, the desire to be useful to a needy category of the population.

Ключевые слова: волонтер, волонтерская деятельность, дагестанские народы, социальный портрет, гражданская активность.

Keywords: volunteer, volunteer activity, Dagestan peoples, social portrait, civic activity, volunteer movement.

Введение. Преобразования в обществе закономерны затрагивают экономическую и духовную сферы, трансформируя в зависимости от ситуации, и другие все социальные области существования человека. Разумеется, изменения отражаются на нравственно-моральных принципах, на мировоззренческих установках, «однако существует ряд социальных ценностей, которые во все времена остаются неизменными. К таким ценностям относятся и добровольный, безвозмездный, бескорыстный труд» [1]. Современный период развития российского добровольчества отличается пристальным вниманием со стороны общества и государства к сфере общественной, добровольческой деятельности. Главная цель государственной политики в сфере добровольчества – это «активизация потенциала волонтерства как ресурса развития общества, способствующего формированию и распространению инновационных практик социальной деятельности», обозначена в «Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в РФ на период до 2025 г.», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 15 ноября 2019 г. То есть, можно утверждать, что в современном российском обществе наблюдается активизация института добровольчества о чем свидетельствует «обновление набора ценностей, задающих правила общежития, взаимодействия и взаимопомощи, солидарности на ближней социальной дистанции: по

месту работы, учебы, жительства, в пределах досуговых групп и объединений. Такие тенденции прослеживаются, прежде всего, среди представителей авангардных (инновационно ориентированных, опережающих) групп. Последние опознаются, в частности, по их неравнодушию к решению гражданских проблем, вовлеченности в помогающее поведение, в социальную, конструктивную и протестную активность» [2, с. 10].

Если обратиться к социологии волонтерства, то в ее рамках широкое изучение получают исследования, которые демонстрируют организационный компонент вовлеченности добровольцев, мотивация их участия в волонтерском движении, ценностные установки и социально-демографический портрет волонтера. При этом следует отличать волонтерство от гражданского активизма как разных форм свободной гражданской инициативы.

Изучение института волонтерства показывает, что такие атрибуты, как свобода, деятельность во благо других и отсутствие вознаграждения, принятые в определении данного феномена, являются предметом дискуссии и показывают неоднозначность подхода. В традиционном представлении «волонтеры – это альтруисты, деятельность которых бескорыстна, сегодняшний образ потенциального волонтера, как видим, не полностью

соответствует этому представлению: молодые люди, будучи теперь более прагматичными, из различных мотивов своего возможного участия в волонтерской деятельности, в первую очередь, называют желание заслужить уважение и поддержку окружающих, приобрести опыт, специальные знания, навыки» [3, с. 73].

При рассмотрении социального портрета добровольца возникает вопрос о гражданском активизме. А что такое гражданский активизм, и в чем заключается суть данного явления? По мнению, И.Н. Трофимовой, «гражданский активизм – комплексное явление, а его практики локализованы в самых разных формах, социальных слоях и группах: традиционные (профсоюзы) и новые (интернет-сообщества), массовые (благотворительные) и сравнительно малочисленные (субкультуры, фан-клубы), постоянно действующие (профессиональные, творческие) и ситуативные (волонтерство, движения одного требования) гражданские практики» [4, с. 73].

Исследователи выделяют самые разные формы волонтерства: наряду с социальным и экологическим востребовано и языковое волонтерство. Как известно, положение национальных языков в современном российском обществе вызывает тревогу, и этносоциологи подчеркивают важность осуществления общественной работы, направленной на защиту родных языков [5]; не менее важным является оказание помощи категориям, которые подвергаются домашнему насилию [6], а также группам риска [7].

Таким образом, активизация волонтерской деятельности в современном российском обществе требует установления социально-демографического портрета волонтера, чтобы понять, во-первых, мотивацию участия населения в добровольческой работе; во-вторых, выявить образ волонтера (возраст, пол, образование, социальный статус).

Эмпирическая база исследования. Социологический опрос по изучению волонтерского движения в Республике Дагестан проведен в 2022 г. в городах и районах республики. N = 413.

Результаты исследования. Авторское исследование показывает, что, по мнению опрошенного дагестанского населения, важнейшими качествами волонтеров являются «трудолюбие» (59,6 %), «ответственность, энергичность, инициативность» (58,1 %), «доброжелательность» (50,6 %), «умение работать в команде» (50,4 %), «коммуникабельность» (26,2 %), «дисциплинированность» (26,1 %), «исполнительность» (24,0 %), «уровень общей культуры» (17,9 %), «образование, профессионализм, стремление к самосовершенствованию» (12,8 %), «полезные связи» (12,3 %), «владение новинками техники» (10,2 %), «знание иностранных языков» (6,8 %). То есть, можно сделать вывод о том, что образ волонтера включает в себя целый комплекс социальных качеств, которые могут пригодиться в добровольческих акциях.

В рамках исследования волонтерской деятельности и образа волонтера важным является

получение ответов на вопросы: «Что привело Вас к участию в добровольческой деятельности?», «Что способствовало тому, что Вы помогли другим людям?» и «Кого можно причислить к волонтерам?». Результаты на ответов вопрос: «В каких сферах общественно-полезной деятельности Вы хотели бы принять участие?» показывают, что лидирующую позицию занимает «социальное волонтерство: помощь детям-инвалидам, пожилым и больным людям» (51,8 %), среди них заметная часть женщин (55,4 %), верующих (55,2 %), возрастные подгруппы 0–19 лет (52,0 %), 20–35 лет (55,7 %), от 36 лет до пенсионного возраста (54,6 %) и имеющие среднее специальное образование (62,4 %). С большим отрывом на второй позиции располагается «экологическое волонтерство» (24,5 %) и вопросы охраны природы. По сравнению с другими подгруппами, обращает наибольшее внимание женский подмассив (26,5 %), самоидентифицирующиеся как неверующие (44,4 %); с возрастом и образованием опрошенных увеличивается доля разделяющая данную позицию с 21,1 % в когорте 0–19 лет до 43,2 % в подмассиве пенсионеров, с 21,8 % имеющих среднее образование до 30,0 % с высшим образованием. Не менее важным является такое социальное явление, как донорство (22,0 %) и указывающих на его значимость больше среди женщин 23,7 % против 18,3 % мужчин, верующих (22,5 %), возрастных подгрупп 0–19 лет (27,0 %) и 20–35 лет (25,2 %); в других подмассивах их доля заметно меньше. Четвертое место занимает суждение «спорт и туризм», в котором респонденты готовы принимать активное участие (20,1 %) и здесь по гендерной принадлежности более активны мужчины (27,8 %), что вполне закономерно, ибо мужское население, как правило, чаще женщин посещает спортивные мероприятия, более того, и принимает в них участие. Также, можно констатировать, что поколение старше 36 лет пассивно по сравнению с более молодой социальной группой.

Сопоставление с суждениями «социальное волонтерство: помощь детям-инвалидам, пожилым и больным людям», «экологическое волонтерство», «донорство», «спорт и туризм» показывает, что вес таких форм общественно-полезной деятельности, как «образовательные проекты» и «правовое просвещение граждан», в которых опрошенное население хотело бы принять участие заметно меньше – 17,2 % и 10,7 %, соответственно. Для респондентов политическая сфера, в целом, менее интересна (5,1 %), но анализ по их социальному положению свидетельствует о его важности для пенсионеров (10,8 %). Дальнейший анализ показывает, что статистически небольшая часть не готова оказывать какую-либо помощь из-за нехватки времени (6,5 %).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что представляющими наибольший интерес для респондентов сферами общественно-полезной деятельности являются «социальное волонтерство: помощь детям-инвалидам, пожилым и больным людям», «экологическое волонтерство» и «донорство» и, как показывают реалии эти сферы и ситуация в них требует от людей демонстрации активной гражданской позиции.

Изучение образа волонтера требует выявления форм волонтерской деятельности, в которых опрошенное население готово принимать участие. Эмпирический материал на вопрос: «Какая форма волонтерской деятельности для Вас наиболее привлекательна?» демонстрирует важность оказания помощи вдовам и детям, оставшимся без родителей (42,1 %). Здесь можно отметить, что придерживающихся этой позиции больше среди женщин (44,9 %) по сравнению с мужчинами (35,7 %). По отношению к религии, доля таковых превалирует в подмассиве верующих (42,0 %) и существенно меньше среди неверующих (33,3 %). По социальному положению, обозначивших необходимость поддержки сирот и женщин, оставшихся без кормильца больше среди рабочих (48,6 %) и студентов (45,5 %).

Как известно, наиболее активной социальной группой является студенчество, которое привлекается к разным социальным и гражданским акциям и мероприятиям. Вторую позицию занимает оказание помощи одинокой категории населения, которое, в силу тех или иных обстоятельств, оказалось наедине со своими проблемами (39,2 %). Можно отметить, что через признак отношения к религии более сердобольными являются самоидентифицирующиеся как неверующие (44,4 %), и на формирование активной гражданской позиции влияет возраст и уровень образования респондентов. Так, в возрастной подгруппе от 36 лет до пенсионного возраста и среди пенсионеров, то есть, в прослойке более старшего поколения, готового оказать помощь одиноким людям больше – 42,9 % и 48,6 %, соответственно, в сравнении с молодыми возрастными группами. Такая же картина наблюдается и по уровню образования респондентов, то есть, наблюдается увеличение доли таковых с 36,1 % со средним образованием до 4,9 % с высшим образованием.

В современном обществе часто наблюдается проявление актов насилия, жестокости и агрессии, причем беспричинной. Разумеется, реабилитация такой категории населения представляется актуальной социальной проблемой, ибо не все люди могут справиться с проявлением, как домашнего насилия, так и насильственных действий со стороны незнакомых людей. Особую тревогу вызывает насилие в отношении детей, женщин, пожилых людей. Поэтому для 27,4 % респондентов по всему массиву привлекательно участие в акциях помощи людям, подвергшимся разным формам насилия. Данные опроса показывают, что наиболее активны здесь женщины (31,0 %), доля мужчин в 1,5 раза меньше, одна треть верующих и такая же часть в подмассивах 0–19 лет и 20–35 лет; с ростом образовательного статуса опрошенных наблюдается уменьшение придерживающихся данной позиции с 38,3 %, имеющих среднее специальное образование до 17,5 % с высшим образованием. Далее, для 25,7 % приятно оказание помощи группам людей, которые оказались сложной жизненной ситуации (стихийные бедствия, война и т.д.). В сравнении с другими вариантами, для респондентов менее предпочтительной сферой добровольчества является организация и проведение мероприятий, хотя можно отметить активность возрастных слоев 0–19 лет (23,7 %) и 20–35 лет (23,5 %), имеющих

среднее образование (25,2 %), а также пенсионеров (29,6 %) и безработных (33,3 %).

Социально-демографический портрет волонтера высвечивается через ответ на вопрос: «Кто сегодня, на Ваш взгляд, чаще всего становится волонтером?», который показывает, что, по мнению опрошенного дагестанского населения, наиболее вовлеченными в волонтерскую деятельность являются студенты средних специальных учебных заведений и вузов – 48,4 % и 40,9 %, соответственно. С большим отрывом от него располагается подгруппа верующих людей (28,8 %), что вполне закономерно, потому что любое вероучение во главу угла своей деятельности ставит проявление сочувствия и сострадания, нуждающимися в материальной, психологической, физической и иной помощи людям. Далее, активность учащихся школ обозначена 23,5 %; 21,1 % отмечают рабочую молодежь и 17,7 % молодое поколение, которое нигде не работает и не учится. При этом обращает на себя внимание позиция, относящаяся к волонтерам «людей, которые хотят сделать карьеру» (14,8 %). С полной уверенностью можно утверждать, что наиболее активной социальной прослойкой является молодежь, поэтому естественным является их активное участие в гражданских и государственных акциях. Наибольшую активность молодое поколение демонстрирует в экологических акциях, потому что, в основном, учебные заведения привлекают молодежь в субботники, экологические акции, а также – в праздновании важных государственных праздников.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что социально-демографический портрет дагестанского волонтера выглядит следующим образом:

1. Активную гражданскую позицию занимают женщины, и они, несмотря на свой статус (семейное положение, наличие детей, домашнее хозяйство и т.д.), больше занимаются добровольческой деятельностью и демонстрируют свое стремление быть добровольцем.
2. Предпочтительными сферами общественно-полезной деятельности, в которых опрошенное население готово участвовать являются социальное волонтерство (помощь детям-инвалидам, пожилым и больным людям), экологическое волонтерство, донорство, то есть именно та социальная помощь, которая реально нуждающийся в ней будет ощущать.

Конкретизация вопроса показывает, что привлекательной для волонтерства является социальная работа, связанная с оказанием помощи вдовам и детям, оставшимися без родителей, людям подвергшимся насилию и одинокому человеку при меньшей востребованности участвовать в организации и проведении общественных мероприятий; 3. важнейшими качествами для волонтера являются трудолюбие, ответственность, энергичность, инициативность, умение работать в команде, доброжелательность, исполнительность, дисциплинированность, иными словами, в целом, комплекс социальных качеств, способных в полной осуществить базовые положения добровольческой деятельности.

Литература:

1. *Щавинская Л.А.* Наставничество как процесс обучения и передачи опыта / Л.А. Щавинская // Волонтер. Всероссийский научно-практический журнал. 2018. № 4(28). С. 39–56.
2. Ресурсы российского добровольческого движения. Аналитический доклад по результатам исследований Фонда Общественное Мнение 2012–2013 гг. / Науч. ред. С.Г. Климова, Е.С. Петренко. М., 2013. 106 с.
3. *Щербакова М.В.* Волонтерская деятельность молодежи как феномен современного общества / М.В. Щербакова // Волонтер. Всероссийский научно-практический журнал. 2014. №1. С. 44–52.
4. *Трофимова И.Н.* Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации / И.Н. Трофимова // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 72–77.
5. *Шахбанова М.М.* Язык как признак этнической самоидентификации (по результатам социологического исследования) / М.М. Шахбанова // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2. С. 289–294.
6. *Загирова Э.М.* Традиционная семья в современном Дагестане: альтернативы развития / Э.М. Загирова // Актуальные вопросы истории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Хасавюрт, 2017. С. 54–67.
7. *Гафиатулина Н.Х.* Волонтерская деятельность в системе организации социальной работы с молодежью группы риска / Н.Х. Гафиатулина, А.Т. Латышева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 1. С. 27–30.

Literature:

1. *Shchavinskaya L.A.* Mentoring as a process of learning and experience transfer / L.A. Shchavinskaya // Volunteer. All-Russian Scientific and Practical journal. 2018. № 4(28). P. 39–56.
2. Resources of the Russian volunteer movement. Analytical report on the research results of the POF 2012–2013 / Scientific ed. S.G. Klimova. M., 2013. 106 p.
3. *Shcherbakova M.V.* Volunteer activity of youth as a phenomenon of modern society / M.V. Shcherbakova // Volunteer. All-Russian Scientific and Practical journal. 2014. №1. P. 44–52.
4. *Trofimova I.N.* Civic activism in modern Russian society: localization features / I.N. Trofimova // Sociological research. 2015. № 4. P. 72–77.
5. *Shakhbanova M.M.* Language as a sign of ethnic self-identification (according to the results of a sociological study) / M.M. Shakhbanova // Scientific problems of humanitarian research. 2010. № 2. P. 289–294.
6. *Zagirova E.M.* Traditional family in modern Dagestan: development alternatives / E.M. Zagirova // Topical issues of history. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference. Khasavyurt, 2017. P. 54–67.
7. *Gafiatulina N.Kh.* Volunteer activity in the system of organizing social work with youth at risk / N.Kh. Gafiatulina, A.T. Latysheva // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 1. P. 27–30.

Родин Алексей Борисович

доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «МЭИ»
galusinem@mail.ru

Рашитова Луиза Камилевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «МЭИ»
galusinem@mail.ru

Курилов Сергей Николаевич

кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «МЭИ»
galusinem@mail.ru

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. Статья посвящена вопросам патриотического воспитания студенческой молодежи в России. Выявлена роль высших учебных заведений в патриотическом воспитании молодежи. В качестве основополагающего инструмента формирования патриотических и гражданских качеств у студенческой молодежи определена практическая программа, разработаны ключевые направления ее реализации. При формировании программы по патриотическому воспитанию студенческой молодежи авторы ориентировались на реальные мировоззренческие парадигмы современной молодежи. Отдельное внимание акцентируется на механизме реализации практической программы.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, студенческая молодежь, патриотизм, формирование патриотических качеств, высшее учебное заведение, практическая программа.

В условиях систематической интенсификации глобализационных процессов, дестабилизации внешнеполитической среды и тотальной вестернизации российского общества, проблемы патриотического воспитания молодежи существенно актуализируются. Вопросам патриотического сознания молодежи в публичном и научном дискурсах принадлежит одна из доминирующих ролей, а формирование патриотических ценностей в Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской

Alexey B. Rodin

Associate Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University «MEI»
galusinem@mail.ru

Louise K. Rashitova

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University «MEI»
galusinem@mail.ru

Sergey N. Kurilov

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University «MEI»
galusinem@mail.ru

**PATRIOTIC EDUCATION
OF STUDENTS:
PRACTICAL ASPECT**

Annotation. The article is devoted to the issues of patriotic education of student youth in Russia. The role of higher educational institutions in the patriotic education of youth is revealed. A practical program has been defined as a fundamental tool for the formation of patriotic and civic qualities among students, and key directions for its implementation have been developed. When forming a program for the patriotic education of student youth, the authors focused on the real worldview paradigms of modern youth. Special attention is focused on the mechanism for implementing the practical program.

Keywords: patriotic education, student youth, patriotism, formation of patriotic qualities, higher educational institution, practical program.

Федерации» провозглашается приоритетным направлением государственной социальной политики.

Необходимо четко осознавать, что патриотическое воспитание в современной России с достаточно прогрессивной молодежью не может производиться директивными, назидательными методами и агрессивной пропагандой. Данный процесс требует внутреннего согласия субъекта воспитания и должен базироваться на синергии

личностных глубинных убеждений и мировоззренческих парадигм, ибо патриотизм – это инструмент мирозерцания, мироощущения, а не незыблемая догма. Патриотическое самосознание молодежи должно формироваться в форме свободного утверждения, это должен быть акт доброй воли [1].

Инструменты, механизмы и методы патриотического воспитания должны быть направлены на создание благоприятного (но не идеализированного) образа Родины-матери, в которой остается огромный простор для активной созидательной деятельности личности на благо своего Отечества. Одни лишь реверансы в сторону победоносного прошлого недостаточны, стратегия патриотического воспитания должна быть полнонаправленной, разнонаправленной, призванной зажечь в молодом человеке активную, творческую любовь к Родине, желание быть полезным для себя, общества и страны. Безусловно, историческая память важна, однако, чувство гордости за Отечество зиждется на самоидентификации себя с Родиной, что требует уверенного настоящего и перспективного будущего.

Фундаментальная роль в патриотическом воспитании молодежи принадлежит высшим учебным заведениям как ключевым общественным институтам, где наращивание социального капитала и общественно-учебная кооперация возводятся в высшую степень. Основным инструментом формирования патриотических и гражданских качеств у студенческой молодежи, на наш взгляд, является практическая программа, обеспечивающая активную интеграцию студентов в решении социально-экономических, культурных, научных, экологических и других задач страны. Необходимо не просто «зажечь» в студентах чувство гордости за страну, но продемонстрировать горизонт возможностей в построении личного и общественного счастья [2].

Практическая программа по патриотическому воспитанию студенческой молодежи в вузах должны включать несколько основополагающих направлений:

1. Воспитание чувства гордости за великое историческое прошлое. Обязательными нам представляются:

- знакомство первокурсников с историей страны, города, университета;
- ежегодные встречи с ветеранами Великой Отечественной войны;
- организация книжных и музейных выставок, посвященных памятным датам истории родного края и России;
- проведение «круглых столов», творческих вечеров, концертов и выставок военно-патриотической тематики «Война в лицах», «Писатели на фронтах», «Священные книги» и т.д.;
- оказание помощи ветеранским и другим общественным организациям.

2. Просветительская деятельность, направленная на иллюстрацию культурного вклада России (наследие в области науки, искусства, философии, художественной литературы, медицины) в развитие мировой цивилизации, что предполагает включение в образовательную программу специализированных дисциплин: «Русская художественная литература», «Искусствоведение», «Деятели российской науки», «Российское просвещение и философия русского космизма» и т.п. Искусство, религия и философия – этой некий портал в бессознательное, открывающий перед человеком бесконечную перспективу эквивалентного эволюционирования субъективного и объективного (национально-народного) духа, что формирует в нем стойкий иммунитет к эгоистическим иллюзиям и псевдопатриотизму.

3. Воспитание гражданина, знающего и умеющего защищать свои законные права и гражданскую позицию, знакомого с традициями народов России, понимающего условия для дальнейшего свободного развития каждой нации и народности. Патриотизм – иммунная система любой страны, однако, в многонациональной, многоконфессиональной России дефиниция «патриотизм» не должна заменяться ее суррогатами – национализмом, ксенофобией и шовинизмом. Соответственно, важное значение имеет ознакомление студентов с народами России, традициями различных республик, их географическим положением, спецификой (этнорегиональной, экономической, политической), природными ландшафтами, что обеспечит осознание единства и монолитности Родины.

4. Формирование экономического патриотизма, предполагающее исследование результатов деятельности системы инновационных институтов развития (Роснано, Сколково, РВК, ВЭБ-инновации, наукограда и т.д.), ознакомление с новаторской продукцией российского предпринимательства.

5. Продуцирование сострадания к согражданам и осознание собственной полезности посредством включения в работу волонтерских организаций. Патриотическое волонтерство – особое направление добровольческой деятельности, направленное на сохранение исторической памяти и предоставление помощи соотечественникам. Патриотическое волонтерство в современной коннотации – это не только помощь ветеранам, участие в организации парадов Победы и благоустройство военных памятников, но и, в целом, организованная, системная помощь своим согражданам. Добровольческая деятельность позволяет студентам приобщиться к «боли собственной земли», в себе эмпатию и сострадание к соотечественникам, ощутить свою значимость для российского общества, быть инициатором общественных трансформаций. В условиях популяризации философии гуманизма, осознанности, экологичности мышления и новой этики, волонтерство становится доминирующей формой проявления молодежной субкультуры. Волонтерство как созидательное социальное явление позволяет сформировать у молодого поколения четкую гражданскую позицию, интегрировать в

социально-активную и познавательную деятельность, социализировать и воспитывать. В условиях сегодняшнего идеологического вакуума, на волонтерство возлагается ответственность по возрождению в социальной среде общечеловеческих ценностей культур и нравственности. Волонтерство выступает «окном в новый мир», открывающим колоссальные перспективы для самутверждения молодых людей как социально значимых членов общества, влияния на исторический ландшафт и конкретно-историческую ситуацию, преобразования социокультурных кодов человечества [3].

Эффективная реализация практической программы обеспечит «приращивание» молодежи к стране, ее культуре, сформирует понимание своей роли в процветании России, повысит патриотическую культуру, ответственность и т.д. К реализации практической программы необходимо привлечь весь профессорско-преподавательский состав, библиотеку университета, студенческий совет, студенческие волонтерские организации, творческие коллективы, студенческий театр в целях обеспечения диалектического единства и органической связи между учебным материалом и содержанием воспитательных мероприятий. Со стороны администрации вуза должны быть разработаны механизмы по

обеспечению эффективной деятельности студенческих самоуправлений, их взаимодействия с государственными органами и общественными организациями, осуществляющими молодежную политику, поскольку именно в рамках студенческих самоуправлений патриотическая деятельность приобретает системный, централизованный, консолидированный характер, обеспечивается наиболее полное использование студенческого потенциала.

Итак, в вузах сфокусированы ключевые ресурсные центры, обеспечивающие организацию патриотического воспитания студенческой молодежи. В целях успешной реализации практической программы по патриотическому воспитанию студенческой молодежи требуется синтезирование деятельности высшего учебного заведения (дифференцировано по уровням: группа, кафедра, факультет, университет, межвузовский уровень) с деятельностью общественных/волонтерских организаций, СМИ, объединений и движений, научных организаций и т.д. Деятельность вуза в рамках патриотического воспитания студенческой молодежи должна быть направлена на формирование внутренних, искренних, глубинных побуждений личности к любви к собственной стране, народу, его ценностям, традициям, прошлому, настоящему и будущему [4].

Литература:

1. *Авилова Н.Л.* Современные формы патриотического воспитания студенческой молодежи / Н.Л. Авилова // Теория и практика образовательного процесса, 2021. № 5. С. 23–30.
2. *Муравьев А.Н.* Стратегия патриотического воспитания подрастающего поколения граждан России / А.Н. Муравьев // Kilinson, 2021. № 1. С. 67–75.
3. *Набойченко Е.С.* Формирование нравственно-патриотических качеств у студентов / Е.С. Набойченко // Педагогическое образование в России, 2018. № 9. С. 25–32.
4. *Ярлова Т.В.* Патриотическое воспитание молодежи в современных условиях / Т.В. Ярлова // Среднерусский вестник общественных наук, 2020. № 3. С. 23–30.

Literature:

1. *Avilova N.L.* Modern forms of patriotic education of student youth / N.L. Avilova // Theory and practice of the educational process, 2021. № 5. P. 23–30.
2. *Muravyov A.N.* The strategy of patriotic education of the younger generation of Russian citizens / A.N. Muravyov // Kilinson, 2021. № 1. P. 67–75.
3. *Naboychenko E.S.* Formation of moral and patriotic qualities among students / E.S. Naboychenko // Pedagogical education in Russia, 2018. № 9. P. 25–32.
4. *Yarova T.V.* Patriotic education of youth in modern conditions / T.V. Yarova // Central Russian Bulletin of Social Sciences, 2020. № 3. P. 23–30.

Старостенко Игорь Николаевич
кандидат физико-математических наук,
доцент,
кафедра информатики и математики,
Краснодарский университет МВД России
staros80@mail.ru

Igor N. Starostenko
Candidate of Physical
and Mathematical Sciences,
Associate Professor,
Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of Russia
staros80@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПОВСЕМИСТНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

TRANSFORMATION OF PUBLIC RELATIONS UNDER CONDITIONS OF EVERYWHERE DIGITALIZATION

Аннотация. Характерной чертой современного общества является исключительно высокая скорость происходящих в нем изменений. Во многом эти изменения связаны с активным внедрением различных цифровых технологий и сервисов. В статье рассмотрено понятие «цифровая трансформация», проанализированы предпосылки возникновения этого процесса, изложен последовательный путь и условия перехода от проектов автоматизации к проектам цифровой трансформации.

Annotation. A characteristic feature of modern society is the exceptionally high speed of changes taking place in it. In many ways, these changes are associated with the active introduction of various digital technologies and services. The article considers the concept of digital transformation, analyzes the prerequisites for the emergence of this process, outlines a consistent path and conditions for the transition from automation projects to digital transformation projects.

Ключевые слова: автоматизация, информационная система, инфраструктура, платформа, проект, промышленная революция, социальная среда, цифровая трансформация, ценностное предложение.

Keywords: automation, information system, infrastructure, platform, project, industrial revolution, social environment, digital transformation, value proposition.

В Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» указаны пять основополагающих целей, определяющих стратегию развития нашей страны на ближайшие несколько лет. Одна из них – это цифровая трансформация (ЦТ). В указе закреплено понятие «ЦТ» и установлены целевые показатели, которые должны быть достигнуты к 2030 году. Одним из ключевых показателей является достижение цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы [1].

Ключевым событием второй промышленной революции явилось массовое внедрение конвейера. Это позволило значительно увеличить скорость и объемы производства. Технологии проникли во все сферы жизни, машинная обработка заменила тяжелый ручной труд. Переход от аналоговых технологий к цифровым и всеобъемлющая автоматизация труда являются отличительными чертами третьей промышленной революции. Этим процессам способствовало появление персональных компьютеров, глобальной сети Интернет, промышленных роботов.

Необходимым условием для понимания сущности ЦТ является анализ предпосылок возникновения этого процесса. К первой предпосылки относится смена технологического уклада и переход к Индустрии 4.0 или четвертой промышленной революции. Промышленная революция предполагает качественное изменение жизни общества, связанное с появлением новых подходов к производству.

В ходе третьей промышленной революции происходит становление **постиндустриального общества**, где основу экономики составляет инновационный сектор с высокопроизводительной промышленностью и развитой сферой услуг.

Первая промышленная революция была связана с новыми способами использования энергии пара и переходом человечества от аграрного общества, где основу экономики составляло сельское хозяйство, к индустриальному. В индустриальном обществе основная роль было отведена добыче ресурсов и промышленности.

О термине «четвёртая промышленная революция» впервые заговорили в 2011 году, а уже в 2016 году он стал центральной темой Всемирного экономического форума в Давосе. Четвертая промышленная революция предполагает масштабную перестройку процессов производства и управления, заключающуюся в переходе на полностью автоматизированное цифровое производство, управляемое интеллектуальными системами в режиме реального времени, в постоянном взаимодействии с внешней средой, с перспективой объединения в единую сеть вещей и услуг [2].

В условиях Индустрии 4.0 обмен обратной связью между поставщиком и потребителем мгновенен и динамично влияет на изменение услуги, ее параметры и опции. Переход к новой модели происходит тогда, когда не менее 40 % операций по отрасли осуществляются в цифровом виде.

К ключевым технологиям четвертой промышленной революции относятся сбор и анализ больших данных, интернет вещей, системы распределенного реестра, робототехника, искусственный интеллект, сети 5G, виртуальная и дополненная реальность. Именно появление этих новых цифровых технологий и является второй предпосылкой ЦТ. Само по себе, появление инноваций имеет ограниченный эффект, но все вместе они оказывают значительное влияние на социальную сферу, экономику и остальные сферы деятельности человека.

Третья предпосылка, без которой невозможна ЦТ и переход к инновационной деятельности – развитие инфраструктуры. Важными составляющими данной предпосылки являются увеличение распространенности мобильных устройств, рост скорости передачи данных, значительное увеличение подключенных к сети Интернет локальных сетей. Четвертая предпосылка ЦТ – рост объема данных. Объем данных в мире ежегодно возрастает на 30 %. По прогнозам к 2025 году объем всей совокупности созданных, собранных и воспроизведенных данных во всем мире может вырасти до 160–170 зеттабайт. Если в прошлом основной рост наблюдался за счет неструктурированных данных, создаваемых пользователями всевозможных социальных сред с помощью различных электронных устройств, то в настоящем и ближайшем будущем основным источником данных будет являться Интернет вещей. К росту объема данных приводит увеличение вычислительных мощностей, разработка технологий анализа, хранения и обработки данных, интеллектуализация систем, развитие нейросетей и искусственного интеллекта.

Указанные предпосылки являются составными частями ЦТ и делают этот процесс возможным. Для достижений поставленной цели необходимо пройти определенный путь. Первым этапом на пути к ЦТ является автоматизация – перевод существующих процессов в digital-формат. Проекты автоматизации направлены на создание внутренней информационной системы (ИС) для автоматизации и повышения эффективности внутренних процессов, целей и ресурсов.

Внедрение ИС не приводит к кардинальным изменениям, но создаёт предпосылки для частичного или полного перехода на онлайн-взаимодействие. Проекты автоматизации способны к развитию и переходу на этап цифровизации. Происходит оптимизация существующих процессов, активное внедрение информационных технологий. Переведенные в цифровой формат данные и процессы используются для упрощения и оптимизации операций. Проекты цифровизации ориентированы на создание или функциональное расширение имеющейся ИС, использование цифровых технологий на платформенных решениях. При

реализации цифровых проектов кардинальных изменений не происходит. Частичный перевод на онлайн-взаимодействие не позволяет значительно перестроить существующие процессы, поменять цели и схемы использования ресурсов. Создаваемая в рамках цифрового проекта информационная система не обязательно должна быть платформой, но она должна быть интегрирована со сторонней цифровой платформой или использовать цифровые технологии [3]. Примером цифрового проекта является проект из сферы государственного управления – приложение муниципального центра управления дорожным движением. Цифровой проект является внутренним, не создает платформенное решение. Однако приложение использует цифровые технологии на основе платформенных решений – картографический сервис.

Результаты автоматизации и цифровизации служат основой для ЦТ. На этапе ЦТ происходит глубокое и комплексное преобразование существующих процессов с широким применением цифровых решений и технологий. Такая реорганизация приводит к существенному улучшению характеристик процессов (сокращение времени выполнения, затрачиваемых ресурсов, исчезновение посреднических подпроцессов) и/или появлению их принципиально новых качеств и свойств. Реализация цифровой трансформации во многих случаях происходит как выполнение ряда связанных между собой проектов. Это могут быть проекты автоматизации, цифровые проекты и проекты цифровой трансформации. Некоторые проекты могут проходить все стадии эволюции: начинается как проект автоматизации, постепенно переходит в стадию цифрового и на определенном этапе становится трансформационным [2]. Проекты ЦТ направлены на создание или расширение платформенных решений, которые предназначены для кардинального изменения системы отношений между участниками взаимодействия. Ценностное предложение формируется для следующих групп выгодополучателей: стейкхолдеры (заинтересованные стороны), операторы платформенных решений, разработчики, технологические поставщики, косвенные участники. Ценностное предложение по каждой группе может быть дополнительно сегментировано. Чем больше сегментируется каждая из групп, тем более точно могут быть описаны её проблемы. И, следовательно, тем более точно можно сформулировать ценностное предложение. Примером проекта ЦТ является портал и мобильное приложение «Наш город». Данное решение позволило оптимизировать работу служб приема жалоб от населения сразу нескольких ведомств г. Москвы, синхронизировать их работу между собой и организовать взаимодействие с помощью цифрового решения.

Важнейшим отличием трансформационных проектов от цифровых является наличие у проектов ЦТ трансформационного эффекта. Существует ряд основных и дополнительных условий, которые позволяют говорить о наличии у цифрового проекта трансформационного эффекта.

К основным условиям относятся:

- доступность – отсутствие ограничений на получение услуги при наличии соответствующих прав доступа;
- открытость – все участники проекта действуют «прозрачно», не скрывая какие-либо дополнительные задачи;
- определенность – четко выделена целевая предметная область, определены конкретные потребители и заинтересованные стороны.

Кроме того, проект должен быть реализован по инициативе или по поручению в рамках разрешенной деятельности и соответствовать действующему законодательству.

К дополнительным относятся квалификационные и расширенные условия.

Квалификационные условия позволяют определить качественный уровень трансформационного эффекта в зависимости от типа проекта.

Расширенные условия определяют дополнительные свойства цифрового проекта, усиливающие трансформационный эффект. К таким условиям относятся публичность, интеграция, расширяемость, персонализация и кастомизация, высокая скорость и качество развития решения, созданного в рамках проекта.

Перечисленные условия позволяют понять насколько динамично будет развиваться проект и насколько сильно трансформационный эффект проявится на дальнейшем этапе.

Если цифровой проект не отвечает основным условиям, то даже соответствие квалификационным и/или расширенным условиям не делает его трансформационным. Аналогично, если цифровой проект не отвечает квалификационным условиям, то его соответствие некоторым из расширенных условий не позволяет определить достоверно уровень трансформационного эффекта. Если проект ЦТ отвечает нескольким дополнительным условиям, то у него есть возможность стать особым типом проекта ЦТ – суперсервисом. Ключевой задачей суперсервиса является минимизация взаимодействия граждан с государственными (коммерческими) структурами и существенное сокращение временных циклов.

Существуют три уровня трансформационного эффекта и соответствующие им три типа цифровой трансформации, реализуемой в проекте. В первом типе ЦТ наблюдается полная интеграция внутренней ИС и ИС для взаимодействия с гражданами, это становится общим платформенным решением. Через цифровую платформу осуществляется прямое взаимодействие в дистанционном режиме, без физических посредников. Созданное платформенное решение позволяет также интегрировать технологические решения сторонних поставщиков, что значительно усиливает ценностное предложение.

Уже при ЦТ первого типа происходят кардинальные изменения. Снимаются ограничения по взаимодействию с гражданами, улучшается сервис на основе объективных данных, появляется возможность предоставлять сложные продукты и сервисы со сложной схемой монетизации. Примером ЦТ первого типа является облачный сервис хранения и обработки данных для любого заинтересованного лица.

В случае ЦТ второго типа между сторонами выстраивается последовательное зависимое взаимодействие (экономическое, социальное и др.). Заказчик создает ИС для автоматизации своих внутренних процессов, целей и ресурсов и ИС для автоматизации взаимодействия со всеми своими поставщиками, подрядчиками, исполнителями. Заказчик интегрирует эти две ИС, что приводит к созданию платформенного решения, которое позволяет также включить технологические решения сторонних поставщиков, что значительно усиливает эффективность совместной работы сторон. При таком подходе происходят кардинальные изменения: снимаются существенные производственные ограничения, ускоряются производственные циклы, появляется возможность персонализации и кастомизации предоставляемых продуктов и сервисов. Примером ЦТ второго типа является система контроля движения транспорта по федеральным трассам. Система «Платон» обеспечивает сбор, обработку, хранение и передачу в автоматическом режиме данных о движении транспортного средства.

При ЦТ третьего типа взаимодействие уже осуществляется между тремя сторонами, одна из которых является поставщиком (исполнителем), вторая – потребителем, третья – связующим их субъектом. Каждая из сторон представлена множеством конкурирующих участников. Между сторонами выстраивается последовательное и опосредованное субъектом взаимодействие (экономическое, социальное и др.). Субъект создает платформенное решение для автоматизации взаимодействия как с поставщиками, так и с потребителями, чтобы обеспечить интеграцию всех ИС, а также подключить технологические решения сторонних поставщиков, что существенно улучшает совокупное ценностное предложение для всех сторон данного процесса. Из-за высокой сложности реализуемой цепочки процессов может быть выделен отдельный участник – оператор платформенного решения. Он автоматизирует не конкретную деятельность поставщика или потребителя, а их взаимодействие и происходящие между ними процессы. При ЦТ третьего типа снимается большая часть транзакционных издержек, значительно ускоряются производственные циклы, при значительном снижении цены быстро растет потребление, в том числе за счет доступности продуктов и сервисов. Примерами ЦТ третьего типа являются агрегаторы товаров и услуг, сервисы «вопрос-ответы», сервисы частных объявлений, торговые маркетплейсы, агрегаторы такси.

Таким образом, проекты ЦТ имеют более сложную структуру по сравнению с проектами автоматизации и цифровизации. При ЦТ первого типа

потребителю в ответ на его проблему предлагается решение на платформе. При ЦТ второго типа заказчик собирает на платформе решение, которое требуется ему самому или которое он сможет передать потребителю. При ЦТ третьего типа решение собирается на платформе и на той же платформе передается потребителю.

Для постановки правильных и достижимых целей при разработке проекта ЦТ, необходимо выполнение ряда обязательных условий. Прежде всего, необходимо изучить контекст для определения требований и ограничений трансформационного проекта. Далее, определяются объекты и их взаимодействия, которые необходимо будет трансформировать в рамках реализации проекта. Это могут быть стейкхолдеры, услуги, сервисы, процессы в организации, инфраструктура, данные, оценка цифровой зрелости и др.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».
2. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / Под ред. Е.Г. Потаповой, П.М. Потеева, М.С. Шклярук. М. : РАНХиГС, 2021. 184 с.
3. Организационные структуры и команды цифровой трансформации в системе государственного управления / Авт.-сост. Н.С. Гаркуша, А.С. Шубин; Под ред. М.С. Шклярук. М. : РАНХиГС, 2020. 165 с.

Следующим этапом является исследование и описание текущего состояния отобранных объектов, обозначение основных проблем.

На заключительном этапе необходимо описать целевое состояние, сравнить его с текущим, и на основе полученной информации сформулировать трансформационные цели для решения выявленных проблем.

Конкретизация целей позволит сформулировать целевые показатели для проекта. На основе четко сформулированных трансформационных целей и конкретных целевых показателей разрабатывается дорожная карта, которая и будет отражать последовательность и содержание необходимых для реализации проекта действий.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 № 474 «On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030».
2. Digital transformation strategy: write to do / Ed. E.G. Potapova, P.M. Poteeva, M.S. Shklyaruk. M. : RANEPА, 2021. 184 p.
3. Organizational structures and teams of digital transformation in the system of public administration / Ed. N.S. Garkusha, A.S. Shubin, ed. M.S. Shklyaruk. M. : RANEPА, 2020. 165 p.

Усенко Анастасия Михайловна
кандидат экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой финансового
и HR менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
vodoleika-y@rambler.ru

Гомцян Овсеп Арамаисович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной работы,
психологии и педагогики
высшего образования,
Кубанский государственный университет
ovsep1986@gmail.com

Самыгин Сергей Иванович
доктор социологических наук,
профессор кафедры
управления персоналом,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
darya.maksimovich@gmail.com

Влияние глобализации на управление человеческими ресурсами

■ ■ ■

Аннотация. Роли и обязанности управления персоналом трансформируются в результате глобализации мировой экономики. Одной из основных проблем на мировом рынке является несоответствие между спросом и предложением, которое, вероятно, увеличится для высококвалифицированных работников и руководителей бизнеса. Организациям необходимо уделять больше внимания привлечению человеческого капитала. Решение кадрового вопроса в глобальном масштабе и управление кадрами в культурном, языковом и географическом аспектах, являются одной из важнейших целей управления персоналом в глобальной мировой экономике. Только многонациональные организации, готовые адаптировать свою кадровую политику и практику к глобальным изменениям в сфере труда и рыночным условиям, смогут привлекать и удерживать высокоэффективных сотрудников. Компании, способные предвидеть свой бизнес и потребности в рабочей силе, особенно высококвалифицированной, получают решающее конкурентное преимущество.

Ключевые слова: управление, человеческие ресурсы, глобализация, аналитика данных, хранилище данных, онлайн-аналитика, мировая экономика.

■ ■ ■

Anastasia M. Usenko
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Finance
and HR Management,
Rostov State
University of Economics
vodoleika-y@rambler.ru

Ovsep A. Gomtsyan
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Social Work,
Psychology and Pedagogy
of Higher Education,
Kuban State University
ovsep1986@gmail.com

Sergey I. Samygin
Doctor of Sociology,
Professor of the Department
Human Resources Management,
Rostov State Economic University (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON HUMAN RESOURCE MANAGEMENT

■ ■ ■

Annotation. The roles and responsibilities of HR management are being transformed by the globalization of the world economy. One of the major challenges in the global marketplace is the mismatch between supply and demand, which is likely to increase for highly skilled workers and business leaders. Organizations need to pay more attention to attracting human capital. Solving the personnel issue on a global scale and managing personnel culturally, linguistically and geographically dispersed are one of the most important goals of HR management in the global world economy. Only multinational organizations that are willing to adapt their HR policies and practices to global changes in the field of labor and market conditions will be able to attract and retain high performing employees. Companies that are able to anticipate their business and workforce needs, especially highly skilled ones, will gain a decisive competitive advantage.

Keywords: management, human resources, globalization, data analytics, data warehouse, online analytics, world economy.

■ ■ ■

Human resource management (HR management) is changing as modern business faces complex challenges of a globalized world economy. The transformation of human resources today is a direct challenge to business. In the face of global competition, making effective decisions in organizations is becoming more and more difficult. The new global world is expanding the personnel reserve for hiring employees. Organizational and managerial talent can be a source of sustainable competitive advantage and affect the organization's performance, such as market survival, profit margins, customer satisfaction, and employee performance [1].

In human resource management, it is necessary to take advantage of information technology and data analytics to create a global human resources information system that collects and stores data from various sources. Such a system can help you analyze data to gain insight into your business, predict future needs, and develop strategies to meet them. Companies that are able to anticipate and sustainably manage their needs for a workforce, especially a highly skilled one, gain a decisive competitive advantage [2]. The global talent supply does not match long-term demand - and this gap is a problem for employers around the world.

The gap between the supply and demand has the tendency to grow, especially for highly skilled professionals, middle and senior executives. Most developing countries with large populations, including Brazil, Russia, India, and China, may not be able to sustain a net surplus of the right skills workforce over the long term. Now, more than ever, organizations need to focus more on attracting human capital, not just financial capital. Since financial capital is available through investors and lenders, and innovation can be borrowed and copied relatively easily and quickly, effective human resource management is the best way to differentiate a company from the crowd and provide it with a competitive advantage. Global staffing and global leadership development are the two pillars of global HR management with the greatest potential to impact global companies. Only multinationals that are willing to adapt their workforce practices to the changing global labor market will be able to attract, develop and retain the right talent and are likely to succeed in global competition.

The article is organized as follows: Section 3 analyzes the driving forces of globalization, and Section 4 discusses some of the key challenges of globalization. Section 5 discusses the global human resources information system and its main components. Section 6 analyzes the debate about the changing roles and responsibilities of HR management driven by globalization. The final section of the article contains brief conclusions.

HR – management emerged on the basis of the management concept of human relations, within which, at the beginning of the 20th century, researchers began to study ways to improve business efficiency through strategic personnel management. Initially HR management was mainly transactional work such as payroll and benefit management, but due to globalization, company consolidation, technological advances and further research, modern HR management

focuses on strategic initiatives such as mergers and acquisitions, talent management, succession, planning, industrial and labor relations, as well as diversity and inclusiveness. This article is based on the concept of talent management (TM), although attention is also paid to the issue of cultural diversity. Talent management is an approach to strategic human resource planning to improve business performance and empower companies and organizations to achieve their goals. Everything done to recruit, retain, develop, reward and improve employee performance is part of talent management as well as strategic human resource planning. The talent management strategy must be aligned with the business strategy and local context in order to function more effectively [3].

The dynamics of globalization are driven by a number of factors, including a shortage of talent in developed countries, the availability of cheap labor and a growing consumer market in developing countries, as well as technological advances. Let us consider these factors.

Lack of talent in developed countries. Despite the current economic downturn and unemployment, most developed countries, including the United States, Germany and Japan face long-term labor shortages, mainly due to population aging and the retirement of the so-called «Baby boomer generations». In developed countries, the number of retirees exceeds the labor market. By 2020, in most developed countries, there were only four new workers for every five people retiring. By some estimates, the United States will need to add 26 million employees to its talent pool by 2030 to maintain average economic growth of 1988–2008 unless technological breakthroughs replace the workforce. Western Europe will need to add 46 million workers [2]. Labor shortages are predicted in most industries, including manufacturing, construction, transportation and communications, retail, hospitality, financial services, IT, healthcare, government and education.

Availability of cheap labor from developing countries. There have never been such opportunities for multinationals to attract labor, including highly skilled, from developing countries such as Brazil, India and China, or outsource work to these countries. Population growth varies significantly between developed and developing countries. In developed countries, the US, EU and Japan, current annual population growth is less than 0.3 percent, while in the rest of the world, the population is growing almost six times faster.

According to the McKinley Global Institute, the pool of suitable young professionals in emerging markets is growing by 5.5 percent per year, while in developed countries it is growing by only 1 percent per year [4]. The total number of workers with tertiary education in low-wage countries is much higher than in countries with higher wages. India currently produces as many young engineers as the United States, and China more than doubles. Russia produces 10 times more finance and accounting professionals than Germany. According to the International Organization for Migration, there were about 214 million international migrants worldwide in 2010, and fifty-seven percent of

all migrants live in high-income countries [5]. In subsequent years, the number of migrants increased.

Technological progress. Globalization has become possible thanks to the development of cost-effective but very powerful information technologies used both within organizations and for communication with the external environment. These include the Internet, enterprise resource planning systems, data warehouses, Data Marts and so-called analytics of Big Data defined by Friedman [6]. Globalization is defined as a collection of converging technologies and political events, including the fall of the Berlin Wall, the rise of the Internet, and the proliferation of the Windows operating system, the creation of a global fiber optic network, and the creation of interoperable applications that make it easier to work together regardless of the workers' physical location. A global platform has emerged that has allowed more people to connect, collaborate and compete, share knowledge and carry out collaborative projects on a scale never seen before. Cloud computing and new advances in remote access are driving globalization. Most of the service work can be done remotely. An estimated 160 million jobs, or about 11 percent of the projected 1.46 billion service jobs worldwide as early as 2008, could be performed remotely [7].

Section 5 of the article discusses such a global resource for HR management as information systems that collect and store large amounts of data from various sources, including external and remote ones. Such systems are designed so that HR management can analyze data and gain insight into the business, predict future needs and develop strategies to meet them.

As indicated in the previous section, the pool of skilled workers is growing and tends to continue growing in the near future, mainly due to the expansion of educational opportunities in developing countries. The demand for talent is likely to grow even faster. Based on data from 22 countries and 12 industries, a World Economic Forum study predicted that the gap between supply and demand for skilled workers would be evident by 2020 [8]. The demand for talented people is growing not only in developed, but also in developing countries, to the extent that they strive to improve their own economies and political governance. However, workers differ in the skills they have, and not just professional ones. HR professionals at multinational companies in emerging markets such as China, Hungary, India and Malaysia have noted that candidates for engineering and management positions show large differences in suitability [9]. According to McKinley Global Institute, only 13-19 percent of the 33 million university graduates in developing countries are qualified to work for multinational companies due to their lack of language skills, poor quality training in education systems in developing countries and the inhibiting influence of cultural traditions. In addition, only a small proportion of these people are willing or able to move to foreign countries in search of work [7].

A significant challenge for the HR management of global organizations remains the management of personnel, diverse in culture and language skills, dispersed in different countries. It is essential that

enterprise management is not only familiar with local business practices and the needs of local consumers, but also can shape the global outlook of their employees. Being in the center of globalization, multinational organizations must learn to integrate different value systems and maintain universal work values to create an environment in which workers are able to communicate and coordinate to achieve common goals [10].

In a globalized world economy, HR management must master new roles and responsibilities for leading an organization.

Global organizations use data to make informed decisions instead of relying on intuition or habit. Likewise, human resources departments in global companies also collect data on dismissals and hiring, compensation and benefits of employees, their distribution by ethnicity, gender, culture and nationality. By analyzing the available past and current employee data, the business analyst is able to make decisions based on facts.

The Global Human Resources Information System consists of a number of interdependent components. The various components can be categorized into the following three main subsystems: data warehouses, data analytics, and information delivery. These tools and processes are essential for formulating questions or hypotheses, for developing analytical models, for calculating and communicating results to appropriate users in order to shape business decisions.

The data warehouse is a decision-making database maintained separately from the operational database. Operational databases contain data related to each transaction, while data warehouses contain a summary of general data such as totals, calculations of overall results. Data organized in a data warehouse is optimized for query and analysis. Data warehouse systems are made for the design, implementation and use of information, including data extraction, data cleansing, data transformation, and data loading from various sources. Systems also include metadata management, security management, backup and recovery, and disaster recovery. A data warehouse can collect and combine data from various sources. Employee data are usually placed in separate systems containing information on benefits, wages and compensation, vacations, training, certification; they are also distributed by functional areas.

Companies need to identify all internal and external data sources and then consolidate the data in a warehouse for HR management as one or more data marts. Many reference and statistical data systems are now publicly available, for example, data from various government services and organizations.

The IT professionals have overall responsibility for designing the data warehouse system that is optimal for storage and use, while the human resources department is responsible for ensuring that each user in their group has sufficient information to meet their professional needs. Thus, IT departments and HR representatives must find the optimal overall solution that works best in the long term for the organization as a whole.

Global information systems related to human resources are usually very rich in business intelligence applications based on statistics and forecasting. These applications cannot only provide answers to questions such as «what happened and why», but also allow the user to simulate the parameters of future processes. Advanced analytics can provide an answer to such important questions for HR management as the relationship between investment in human capital and organizational performance, what skills will be required in the near future, etc.

In the past, HR management was often viewed as a waste of enterprise resources. Human resources departments were usually involved in functions that did not go beyond short-term strategies. They focused on administration and control, tended to spend investment rather than capitalize, and increase short-term revenues by reducing staff development costs [9, 10]. Such strategies provide short-term benefits, but cannot solve long-term problems when goals are achieved by increasing employee productivity.

The role of modern HR departments is to focus on the long-term goals of the organization. Rather than focusing exclusively on intra-organizational management issues related to human resources, modern HR management must operate within a broader approach, with an emphasis on future-oriented plans and objectives [11, 12].

Ulrich defines HR management objectives based on the following four roles: a strategic business partner, a change agent, an employee, and an administration expert. These roles are associated with the ability to think globally and have certain skills associated with the use of new technologies in managing people [13, 14, 15].

The role of a strategic business partner and a change agent is to guide and assist in formulating the organization's overall business strategy and aligning human resource activities and initiatives with the overall business strategy. If the HR strategy is not properly formulated and implemented, the success of the organization is at risk [16].

Planning for employees should be inextricably linked to strategic planning and undertaken regularly by HR management. Companies need to develop leaders who can grow and effectively manage a multicultural workforce. Leaders themselves must represent different cultures and traditions, so the structure of decision-making bodies in organizations must reflect the diverse composition of the market [8].

Human resources personnel should conduct periodic assessments of the organization's performance at the corporate level. Staff must anticipate changes and understand what is needed to implement them. The HR professional must have the necessary analytical skills to anticipate change and make well-grounded decisions at an operational and strategic level. The HR specialist understands the current requirements and anticipates possible future skill gaps in the staff to look in advance for a way to deal with it. Business volatility and uncertainty increase the need for companies for advanced analytics, scenario

modeling, and other sophisticated workforce planning techniques [17].

The human resources literature often notes the central role of managers in implementing various management practices designed to improve the efficiency of the workforce [18, 19]. There is a direct correlation between a positive attitude of employees towards their immediate supervisors, and high levels of job satisfaction, commitment and loyalty, which, in turn, are associated with higher productivity [20, 21]. The role of HR management is to work with lower and middle managers to effectively develop and preserve human capital across all divisions of the company. Modern technology allows HR staff and line managers to conduct virtual meetings and provide virtual communications.

The HR manager plays a key role in the success of the organization through his knowledge and advocacy function. This includes creating a work environment in which people are motivated, willing to contribute, and be happy [13]. When employees are motivated, they want to do their best - not because of commitment, but because their work is important to them both professionally and personally. On the other hand, discipline includes practices that increase accountability. When motivation and discipline are combined, employees are encouraged to work, follow the rules, and are fairly rewarded for completing their tasks [17]. Since the «flexibility» of jobs will grow most of the interactions between HR-staff, line managers and employees will be virtual, HR-management must master new technical and psychological skills required for this form of management.

The HR representative must think globally and help develop the global mindset of employees. Thinking globally involves recognizing the benefits that can be brought to the organization by the cultural diversity of its employees.

The challenges of globalization add another important detail to cheap labor and powerful technology: imagination, that is, high innovation and creativity [6]. The role of HR management is to implement the necessary organizational strategies, taking into account specific cultural influences.

The globalization of the world economy is driven by a number of factors, including shortage of skilled workers in developed countries, the availability of cheap labor and growing consumer demand in developing countries, as well as technological progress. Despite the current economic downturn and unemployment, most developed countries, including the United States, Germany, and Japan face long-term talent shortages. In these countries, more workers are retiring than entering the labor market. By 2020 in most developed countries every five retiring workers were replaced by only four new employees joined the labor force. The decline in the number of skilled workers could be offset by the growing number of professionals receiving training in developing countries, but the global supply of talents does not meet the long-term demand for them, and this gap is a problem for employers around the world. The gap between the supply and demand of talents is likely to grow, especially

for highly skilled professionals. The demand for talented people is growing in both developed and developing countries.

Only multinational enterprises that are willing and able to adapt their workforce practices to the changing global labor market conditions will be able to attract develop and retain high performing employees and are likely to survive and thrive in global competition. Managing a culturally diverse and geographically dispersed workforce is a key goal of global HR management. It is also important that businesses not only become familiar with local ways of doing business, but also understand the needs of local consumers and develop a global mindset among employees. HR representatives must take on new roles and responsibilities, leading the organization towards openness and cultural diversity.

Литература:

1. *Pfeffer J.* (1994) *Competitive Advantage Through People* Boston Mass. : Harvard Business School Press 1.
2. World Economic Forum (2010a) *Stimulating Economies through Fostering Talent Mobility*.
3. Tyskbo Daniel. (2019). *Competing institutional logics in talent management: Talent identification at the HQ and a subsidiary*. *The International Journal of Human Resource Management*: 1–35.
4. McKinley Global Institute, *The Emerging Global Labor Market: Part II – The Supply of Offshore Talent in Services*, (2005).
5. World Migration Report (2010b) *An Overview of International Migration Trends*.
6. *Friedman T.L.* *The World is Flat* New-York : Farrar, Straus and Giroux, 2004.
7. McKinley Global Institute, *The Emerging Global Labor Market: Part I – The Demand for Offshore Talent in Services*, 2005.
8. World Economic Forum (2011) *Global Talent Risk – Seven Responses*.
9. *Guthridge Matthew.* *Making talent a strategic priority*, McKinsey Quarterly, January / Guthridge Matthew, Asmus B. Komm, and EmilyLawson. 2008.
10. *Белов М.Т.* *Управление религиозными ориентирами в сознании современной молодежи / М.Т. Белов, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростов-н/Д. : Ростовский государственный экономический университет, 2019. С. 186–193.*
11. *Rosenblatt Valerie.* *The impact of institutional processes, social networks, and culture on diffusion of global work values in multinational organizations*, *Cross Cultural Management // An International Journal*. 2011. Vol. 18. № 1.

In a globalized world, HR management must focus on the organization's long-term goals and plans for the future. Instead of focusing only on the internal issues of the organization, HR departments should take a broader approach. HR departments of global companies must collect data on employees such as care and hiring, compensation and benefits, ethnic, gender, cultural and national origin, collect this information in data warehouses and data marts. By applying advanced analytics to data, the HR specialist will be empowered to predict change and make well-grounded decisions at the operational and strategic levels. The HR professional has access to current information and is able to anticipate what skills will be in demand in the future. Global organizations need not only information technology that can integrate a diverse and dispersed workforce, but also the effective use of the abilities and skills of people.

Literature:

1. *Pfeffer J.* (1994) *Competitive Advantage Through People* Boston Mass. : Harvard Business School Press 1.
2. World Economic Forum (2010a) *Stimulating Economies through Fostering Talent Mobility*.
3. Tyskbo Daniel. (2019). *Competing institutional logics in talent management: Talent identification at the HQ and a subsidiary*. *The International Journal of Human Resource Management*: 1–35.
4. McKinley Global Institute, *The Emerging Global Labor Market: Part II – The Supply of Offshore Talent in Services*, (2005).
5. World Migration Report (2010b) *An Overview of International Migration Trends*.
6. *Friedman T.L.* *The World is Flat* New-York : Farrar, Straus and Giroux, 2004.
7. McKinley Global Institute, *The Emerging Global Labor Market: Part I – The Demand for Offshore Talent in Services*, 2005.
8. World Economic Forum (2011) *Global Talent Risk – Seven Responses*.
9. *Guthridge Matthew.* *Making talent a strategic priority*, McKinsey Quarterly, January / Guthridge Matthew, Asmus B. Komm, and EmilyLawson. 2008.
10. *Belov M.T.* *Management of religious guidelines in the consciousness of modern youth / M.T. Belov, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Economic problems of Russia and the region. Academic notes. Rostov-on/D. : Rostov State Economic University, 2019. P. 186–193.*
11. *Rosenblatt Valerie.* *The impact of institutional processes, social networks, and culture on diffusion of global work values in multinational organizations*, *Cross Cultural Management // An International Journal*. 2011. Vol. 18. № 1.

12. *Adler N.J.* (1997) *International Dimensions of Organizational Behavior*, 3rd edition. Cincinnati: South-Western College Publishing.

13. *Tung R.L.* *The Relationship of Staffing Practices to Organizational Level Measures of Performance*, *Personnel Psychology* / R.L. Tung, B.J. Punnett. 1993. № 46. P. 27–48.

14. *Ulrich Dave.* *Human Resource Champions-The next agenda for adding value and delivering results*. Boston, Mass. : Harvard Business School Press, 1996.

15. *Гафиатулина Н.Х.* Управление процессом формирования социального здоровья российской студенческой молодежи: социальные технологии управления / Н.Х. Гафиатулина, С.С. Косинов, Н.П. Любецкий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-protsessom-formirovaniya-sotsialnogo-zdorovya-rossiyskoy-studencheskoy-molodezhi-sotsialnye-tehnologii-upravleniya/viewer>

16. Personnel management of educational organizations in the context of social inertia as a phenomenon of systemic contradictions of social and economic development / V.V. Kasyanov [et al.] // . Mod. J. Lang. Teach. Methods. 2018. № 8(10). P. 489–498.

17. Belcourt Monica and Kenneth McBey, *Strategic Human Resources Planning*, Cengage Learning. 2010.

18. BCG and WFPMA (2010) *Creating People Advantage 2010 – How Companies Can Adapt Their HR Practices for Volatile Times*. The Boston Consulting Group and World Federation of People management Associations September.

19. McGovern, Patrick, Lynda Gratton, Veronica Hope-Hailey, Philip Stiles and Catherine Truss *Human Resource Management on the line?* // *Human Resource Management Journal*. 2007. Vol. 7. Iss. 4.

20. Specificity of explication of the category «management decisions» and scientific-methodological approaches for their development / A.V. Popov, A.V. Rachipa [et al.] // *Revista Inclusiones*. 2019. Vol. 6. № 2. P. 215–224.

21. *Hutchinson S.* *Bringing policies to life: the vital role of front line managers in people management*. *Executive Briefing* / S. Hutchinson and J. Purcell. London : Chartered Institute of Personnel and Development, 2003.

12. *Adler N.J.* (1997) *International Dimensions of Organizational Behavior*, 3rd edition. Cincinnati: South-Western College Publishing.

13. *Tung R.L.* *The Relationship of Staffing Practices to Organizational Level Measures of Performance*, *Personnel Psychology* / R.L. Tung, B.J. Punnett. 1993. № 46. P. 27–48.

14. *Ulrich Dave.* *Human Resource Champions-The next agenda for adding value and delivering results*. Boston, Mass. : Harvard Business School Press, 1996.

15. *Gafiatulina N.Kh.* Management of the process of formation of social health of Russian student youth: social management technologies / N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov, N.P. Lyubetsky // State and municipal administration. Academic notes. 2018. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-protsessom-formirovaniya-sotsialnogo-zdorovya-rossiyskoy-studencheskoy-molodezhi-sotsialnye-tehnologii-upravleniya/viewer>

16. Personnel management of educational organizations in the context of social inertia as a phenomenon of systemic contradictions of social and economic development / V.V. Kasyanov [et al.] // . Mod. J. Lang. Teach. Methods. 2018. № 8(10). P. 489–498.

17. Belcourt Monica and Kenneth McBey, *Strategic Human Resources Planning*, Cengage Learning. 2010.

18. BCG and WFPMA (2010) *Creating People Advantage 2010 – How Companies Can Adapt Their HR Practices for Volatile Times*. The Boston Consulting Group and World Federation of People management Associations September.

19. McGovern, Patrick, Lynda Gratton, Veronica Hope-Hailey, Philip Stiles and Catherine Truss *Human Resource Management on the line?* // *Human Resource Management Journal*. 2007. Vol. 7. Iss. 4.

20. Specificity of explication of the category «management decisions» and scientific-methodological approaches for their development / A.V. Popov, A.V. Rachipa [et al.] // *Revista Inclusiones*. 2019. Vol. 6. № 2. P. 215–224.

21. *Hutchinson S.* *Bringing policies to life: the vital role of front line managers in people management*. *Executive Briefing* / S. Hutchinson and J. Purcell. London : Chartered Institute of Personnel and Development, 2003.

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна
доктор социологических наук,
Дагестанский федеральный
исследовательский центр
madina2405@mail.ru

Языковая политика в Республике Дагестан (по результатам социологического опроса)

Аннотация. В современном дагестанском обществе наблюдаются сложные этноязыковые процессы, которые имеют как объективные, так и субъективные причины. В постсоветский период обострению ситуации в языковой сфере способствовала трансформация российского общества, рост национального самосознания, стремление народов обозначить свою этнокультурную самобытность. Проведенное исследование показывает, что в настоящее время вопрос языковой компетенции, обучение родным языкам, уровень владения национальным (родным) языком, качество обучения в школах находится на низком уровне. Эмпирические данные позволяют утверждать, что опрошенное дагестанское население важнейшую роль родного языка усматривает в сохранении этнокультуры национального образования, формировании в массовом сознании принципов внутриэтнического согласия и взаимопонимания, а также в дальнейшем развитии национальной культуры соответствующей современным реалиям.

Ключевые слова: билингвизм, языковая политика, полиэтничность, многонациональность, национальные языки, национальные образования, этнокультура, языковое поведение, языковое сознание.

Введение. Полиэтничность и многоязычность Российской Федерации закономерно обусловили формирование в ряде ее субъектов билингвизма, соответственно, и билингвального поведения. Исторические реалии способствовали тому, что русский язык в современном дагестанском обществе стал языком межэтнической коммуникации; более того, он стал средством знакомства носителей инонациональной культуры с научными, культурными и иными достижениями человечества. Кроме того, язык межнационального общения обеспечивает социальную мобильность населения, карьерный рост, возможность получать различного рода информацию. При этом нам представляется логичным уменьшение статуса этнических (родных) языков, сужение пространства их функционирования, ограниченность для широкого использования национальных (родных) языков во многих социальных сферах. Такое положение родных языков дагестанских народов является основанием для

Madina M. Shakhbanova
Doctor of Sociological Sciences,
Dagestan Federal
Research Center
madina2405@mail.ru

LANGUAGE POLICY IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN (BASED ON THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY)

Annotation. Complex ethno-linguistic processes are observed in modern Dagestan society, which have both objective and subjective reasons. In the post-Soviet period, the aggravation of the situation in the language sphere was facilitated by the transformation of Russian society, the growth of national self-consciousness, the desire of peoples to designate their ethno-cultural identity. The study shows that at present the issue of language competence, teaching native languages, the level of proficiency in the national (native) language, the quality of education in schools is at a low level. Empirical data suggest that the surveyed Dagestan population sees the most important role of their native language in preserving the ethnic culture of national education, forming in the mass consciousness the principles of intra-ethnic harmony and mutual understanding, as well as in the further development of a national culture corresponding to modern realities.

Keywords: bilingualism, language policy, poly-ethnicity, multinationalism, national languages, national formations, ethno culture, language behaviour, language consciousness.

констатации фактического использования его, в основном, во внутрисемейном общении и неформальной среде, и то и не всегда – как в городской, так и в сельской местности, по самым разным мотивам, в общении в семье используется русский язык. Снижение значимости и роли национальных (родных) языков воспринималось и воспринимается как их ущемление, хотя, по мнению автора, реальное языковое поведение населения показывает, что именно носители языка собственным языковым предпочтением способствуют изменению веса и значения национального (родного) языка в своей жизни. Иными словами, «этнические (национальные) языки, их развитие, функционирование и значимость – неотъемлемая часть повседневной жизни людей и этнополитического дискурса» [1, с. 106], поэтому в перестроечный период на фоне усиления роли этнического компонента, обозначение доминантного вектора национального развития способствовало акцентированию внимания национальными лидерами

на состоянии родных языков. То есть, среди злободневных этнических вопросов, которые реально представляли актуальность для каждого национального образования, был и языковой вопрос, решение которого усматривали в обеспечении возможности для полноценного функционирования родных языков. Статус родных (национальных) языков действительно находился на низком уровне, сферы их использования были сужены по объективным причинам, и данное обстоятельство только усугубляло языковую ситуацию и создавало почву для языковых конфликтов, а также формирования интолерантности. Языковой вопрос и языковой конфликт активно обсуждались в академической науке [2; 3; 4; 5]. Кроме того, имелись существенные отличия по территории проживания: если в сельской местности широко использовался национальный язык, то в городской среде ситуация кардинально отличалась, причем, в худшую сторону, ибо родной язык был вытеснен даже из внутрисемейного общения. Разумеется, полиэтничность Дагестана обусловила использование русского языка как языка межэтнической коммуникации, по-другому и быть не могло, ибо возникла проблема поддержания языкового взаимодействия между представителями разных дагестанских народов. Однако с учетом многонациональности республики, по мнению автора, необходимо было создать условия для сохранения национальных (родных) языков; причем, ответственность, в большей степени, лежала на семье – именно она (семья – авт.) могла обеспечить внутрисемейное общение на национальном языке. Кроме того, можно наблюдать существование специфики языкового поведения в разных демографических подгруппах: старшее поколение демонстрирует хорошее знание языка своей этнической общности по сравнению с молодежью, которая предпочтительно отдает русскому языку практически во всех сферах межличностного взаимодействия.

Методология и методика исследования. Опрос проведен в 2021 г. с учетом географического положения городов республики – северная, равнинная и южная территории (г. Дербент, Каспийск, Махачкала, Кизляр, Хасавюрт). N = 521.

Результаты исследования. Анализ состояния национальных языков в республике требует изложения существующих в массовом сознании городского населения установок в определении роли и значения родного языка в современном дагестанском обществе. Какова же роль национального (родного) языка в тех или социальных процессах в поликультурном и поликонфессиональном пространстве? Какова степень влияния родного языка на сложные этнические процессы, которым, как правило, подвержена городская среда?

Ответы на эти вопросы показывают данные авторского исследования. Эмпирический материал на вопрос: «Как Вы думаете, способствует ли обучение на родном языке...?» показывает, что по всему массиву доминирует суждение, что родной язык играет ключевую роль в сохранении национальной культуры и традиций этнической общности (70,0 %). И разделяющих данных тезис, в

сравнении с другими национальными подгруппами (77,8 % лакцев, 73,0 % аварцев, 70,9 % кумыков, 70,7 % даргинцев, 67,2 % лезгин), меньше в подмассиве чеченцев (65,5 %). С большим отрывом вторую ранговую позицию занимает вариант ответа: «Национальный язык способствует формированию внутринационального согласия и взаимопонимания» (17,6 %), что, по мнению автора, является не менее важным, ибо внутри каждого этнического образования можно проследить отличия в следовании национальных традициям и этноэтикету, разговорной речи, обозначении степени значимости тех или иных национальных символов. В качестве примера можно привести географический фактор, проживание в зонах, отличающихся между собой уровнем удовлетворенности населения своим материальным положением и состоянием социально-экономического развития. Кроме того, определенное влияние на формирование позитивного межнационального диалога оказывают этнические стереотипы; причем, стереотипное восприятие и характеристика не только представителей другого народа, но и своего. Придерживающихся позиции, что родной язык выполняет важную роль в формировании согласия и взаимопонимания, как показывают данные опроса, больше в подгруппе чеченцев (24,1 %), в возрастном разрезе «от 60 лет и старше» (одна пятая часть), в когорте респондентов, имеющих среднее (каждый четвертый) и среднее специальное образование (21,9 %). Каждый шестой по всему массиву усматривает роль национального языка в формировании современной национальной культуры и данная точка зрения ближе сравнительно большей части опрошенного даргинского (19,5 %) и лезгинского (18,0 %). С возрастом можно заметить почти 2-кратное увеличение подчеркивающих роль родного языка в данном процессе с 11,9 % в разрезе «до 20 лет» до 21,9 % «от 60 лет и старше».

В рамках проведенного исследования, научный интерес представляет определение роли и веса национального языка в формировании межэтнической толерантности, потому что, как ранее было отмечено, отношение (уважительное или пренебрежительное) к национальному языку является почвой появления в общественном сознании, как толерантности, так и интолерантности. По всему массиву опрошенных менее 10 % респондентов считают, что национальный язык способен формировать в массовом сознании принципы толерантности и по этнической принадлежности здесь можно выделить даргинцев (15,9 %), чеченцев (13,8 %) и лезгин (13,1 %); по социально-демографическим параметрам опрошенные «от 60 лет и старше» (одна восьмая часть) и имеющие среднее образование (10,7 %). При этом 7,8 % опрошенных по всему массиву затруднились выразить свою позицию в определении роли и функции национального языка в социальной ткани общества. Это, вроде бы, маленький процент, но в реальности является косвенным свидетельством того, что опрошенное городское население в латентной форме демонстрирует равнодушие к важнейшему параметру этнической самоидентификации человека.

Разумеется, существование сложностей и противоречивых процессов в этноязыковом пространстве способствует дестабилизации ситуации в обществе, хотя вполне обоснован вопрос: «Какое влияние оказывает национальный язык на межэтническую сферу?». Как ни парадоксально, статус национального языка, интенсивность его функционирования, частотность использования, сферы распространения, отношение к нему со стороны не носителей данного языка оказывают большое влияние на формирование как позитивного, так и негативного межнационального климата, особенно, в полиэтнической среде.

Какие же меры необходимо предпринять, чтобы улучшить ситуацию с национальными (родными) языками? Результаты на вопрос: «Что должно делать общество для сохранения национальных языков?» показывают, что, по мнению 30,6 % опрошенного городского населения, существенную роль в сохранении национальных языков выполняет активная позиция национальной интеллигенции. По этнической принадлежности данную точку зрения разделяет 44,4 % опрошенного лакского населения, 30,5 % даргинцев, 30,4 % кумыков, 37,9 % чеченцев, 26,2 % лезгин, одна треть в возрастных разрезах «до 20 лет» и «от 60 лет и старше», имеющие среднее и высшее образование, впрочем, как и каждый четвертый в возрастных подмассивах «от 20 до 40 лет» и «от 40 до 60 лет», а также, имеющие среднее специальное образование. С небольшой разницей второе ранговое место занимает суждение о том, что для улучшения ситуации с родными языками необходимо обеспечить их качественное обучение в рамках школьной программы (27,4 % по всему массиву); по национальной принадлежности данную позицию разделяет каждый третий опрошенный в подгруппе даргинцев, лакцев и лезгин, когорта в возрасте «от 40 до 60 лет» и имеющие среднее образование. С возрастом наблюдается уменьшение доли опрошенного населения, разделяющего данный вариант ответа с 28,9 % в интервале до 20 лет до 21,9 % старше 60 лет. Одним из действенных способов сохранения национального языка 19,0 % респондентов считает ведение активной пропаганды в поддержку общения на родном языке в семье, с представителями своего народа и т.д. Анализ по социально-демографическим параметрам свидетельствует о том, что с повышением возраста и образовательного уровня респондентов увеличивается количество придерживающихся этой позиции: с 12,9 % когорте до 20 лет до 34,4% от 60 лет и выше, с 19,5 % имеющих среднее образование до 27,9 % с высшим образованием. Несомненно, что при отсутствии внутрисемейного общения на родном языке, вряд ли возможно его сохранение, ибо семья является ретранслятором не только семейных традиций и ценностей, но и национального (родного) языка; именно она должна обеспечить ценность и важность данного элемента в жизни каждого человека. Более того, с полным основанием можно утверждать, что благодаря личному примеру семьи и ее влиянию на детей, возможно сохранение национального языка [6].

Далее, 14,6 % опрошенных по всему массиву обозначают важность изучения в рамках школьной программы не только национального (родного) языка, но и национальной литературы. По этнической принадлежности данную точку зрения разделяет сравнительно большая часть даргинцев (17,1 %), лезгин (19,7 %) и кумыков (16,5 %), возрастной интервал в разрезе 40–60 лет (16,7 %) и имеющие среднее образование (15,1 %). Также, одна девятая часть опрошенного населения указывает на необходимость увеличения количества теле- и радиопередач на национальных (родных) языках, которые были сокращены, несмотря на призывы общественности их сохранить. Доля придерживающихся этой позиции увеличивается с повышением образовательного статуса (с 9,4 % со средним до 11,9 % высшим образованием), в национальном разрезе их больше в подгруппе лакцев (15,6 %), даргинцев и чеченцев (каждый седьмой), а также в возрастном интервале «от 40 до 60 лет» (14,0 %).

Разочарование вызывает существование в массовом сознании опрошенных горожан мнения об отсутствии в Дагестане проблем с национальными языками, соответственно, они не видят какой-либо необходимости предпринимать меры в данном направлении (12,4 % по всему массиву). По национальной принадлежности данное суждение отмечено каждым шестым из подгруппы кумыков и лакцев, одной девятой частью лезгин, каждым десятым среди опрошенного аварского, даргинского и чеченского населения. По возрасту и образованию, в сравнении, их больше в подмассивах «от 20 до 40 лет» (16,0 %) и имеющих среднее специальное образование (16,1 %). В настоящее время ситуация с национальными (родными) языками, сферами их функционирования и распространения, интенсивностью использования является очень сложной и в данной области предстоит осуществить большой объем работы с целью стабилизации, а в последующем и улучшения положения в языковом пространстве.

Разумеется, анализ языковой политики в современном российском обществе не позволяет характеризовать ее исключительно с негативной точки, в данной области ведется работа, может быть, не всегда учитывающая реалии, где-то имеет место формальный подход, но вопрос сохранения и дальнейшего развития национальных языков обсуждается не только специалистами, но и общественными деятелями, и политиками. В этой связи, интерес представляет оценка опрошенными языковой политики в современном дагестанском обществе, и им был задан вопрос: «Как Вы относитесь к предпринимаемым мерам по развитию национального языка и национальной культуры дагестанских народов?». Несмотря на это, в вопросе: «Как Вы думаете, что необходимо сделать государству для сохранения национальных языков в республике?» одна седьмая часть опрошенного городского населения указала на отсутствие в нашей республике проблемы с национальными языками, эмпирический материал на вопрос: «Как Вы относитесь к предпринимаемым мерам по развитию национального языка и национальной культуры дагестанских

народов?» показывает, что 53,8 % опрошенных горожан поддерживают политику государства в языковой сфере, но с существенным дополнением о необходимости активизировать работу в данной области. Разделяющих данную точку зрения больше в подмассиве аварцев (68,9 %), лезгин (52,5 %) и лакцев (53,3 %) и несколько меньше в подгруппах кумыков (43,0 %), даргинцев (46,3 %) и чеченцев (44,8 %). Кроме того, с возрастом и образовательным уровнем опрошенного городского населения повышается доля респондентов, придерживающихся данного суждения.

На втором месте, почти с 3-кратным разрывом, располагается суждение, поддерживающее государственную языковую политику, но «с условием предоставления равных возможностей национальным культурам и языкам всех дагестанских народов» (19,8 % по всему массиву). Его разделяет каждый четвертый опрошенный из подгруппы даргинцев, лакцев, кумыков, чеченцев, 21,3 % лезгин. Анализ по социально-демографическим параметрам показывает увеличение с возрастом числа респондентов придерживающихся этой точки зрения: с 19,1 % «до 20 лет» до 37,5 % в разрезе «от 60 лет и старше»; такая же картина прослеживается и по уровню образования, но в подмассиве имеющих высшее образование доля таковых больше (23,4 %). Далее, третье ранговое место занимает вариант ответа: «Поддерживаю, но считаю, что это необходимо осуществлять постепенно» и данной позиции придерживаются 24,6 % опрошенных в лезгинской подгруппе, 22,0 % даргинцев, одна шестая часть чеченцев и лакцев, 12,7 % кумыков.

Анализ полученного материала по возрасту и образованию показывает характерность для опрошенных горожанам разного языкового поведения: если молодежь ориентирована на поэтапность осуществления тех или иных мер в языковой сфере, то в подгруппах старшего поколения и имеющих высшее образование доля таковых заметно меньше, что является косвенным свидетельством наличия в данной области определенных проблем и сложностей, которые необходимо безотлагательно решать. Варианты ответов: «Не поддерживаю, ибо считаю, что в данной области проводится достаточно большая работа» и «не поддерживаю и считаю, что осуществляемые меры вполне способны обеспечить сохранение

Литература:

1. Арутюнова Е.М. Язык как базовый элемент культуры и зона риска в социальном пространстве / Е.М. Арутюнова // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 4(16). С. 106–113.
2. Алпатов В.М. О языковой политике / В.М. Алпатов // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 7–15.
3. Соколовский С.В. Алфавиты и элита: письменность в современной России как политический символ / С.В. Соколовский // Этнографическое обозрение. 2005. № 6. С. 3–18.

национальных языков и культуры дагестанских народов» отмечены статистически незначимой частью опрошенного городского населения – 3,0 % и 2,0 %, соответственно; по этнической принадлежности, в сравнении, таковых больше в подгруппе лезгин (6,6 %).

Заключение. Проведенный анализ языковой сферы в Дагестане показывает, что она сопровождается сложными и противоречивыми процессами. В течение длительного периода наблюдается уменьшение веса национальных языков, что вызывает тревогу среди активной части населения и национальной интеллигенции. По мнению опрошенного населения, для сохранения национальных (родных) языков необходимо:

- во-первых, активное участие национальной интеллигенции в сохранении национального языка своего народа;
- во-вторых, вести активную пропаганду по сохранению национального языка (агитировать за общения в семье, с представителями своего народа и т.д. на родном языке);
- в-третьих, добиться улучшения обучения национальным (родным) языкам в школах;
- в-четвертых, увеличить количество теле- и радиопередач на национальных языках;
- в-пятых, обеспечить изучение в школе наряду с национальным языком и национальной литературы.

При этом в массовом сознании опрошенного городского населения, к сожалению, имеет место и позиция об отсутствии в Дагестане проблемы с национальными языками (статус, сферы и частотность использования и др.), хотя реалии свидетельствуют о противоположной картине. Понятно, что горожанам легче использовать в общении русский язык, тем более, если среда полиэтническая, но необходимо осознать, что с утратой национального (родного) языка начинается разрушение этнической общности, ибо вслед за ним будут потеряны этнокультура, традиции и обычаи, их специфика, которые в совокупности составляют самобытность национального образования.

Literature:

1. Arutyunova E.M. Language as a basic element of culture and a risk zone in social space / E.M. Arutyunova // Sociological science and social practice. 2016. № 4(16). P. 106–113.
2. Alpatov V.M. On language policy / V.M. Alpatov // Ethnographic review. 2016. № 3. P. 7–15.
3. Sokolovsky S.V. Alphabets and the elite: Writing in modern Russia as a political symbol / S.V. Sokolovsky // Ethnographic review. 2005. № 6. P. 3–18.

4. Соколовский С.В. Языковая политика как фактор национальной безопасности / С.В. Соколовский // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 46–56.

5. Арутюнова Е.М. Языковой конфликт в разных измерениях: кейсы Татарстана и Башкортостана / Е.М. Арутюнова // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 98–120.

6. Загирова Э.М. Система ценностей молодежи и духовная безопасность современного российского общества / Э.М. Загирова, Н.Х. Гафиятулина // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. Грозный, 2017. С. 241–246.

4. Sokolovsky S.V. Language policy as a factor of national security / S.V. Sokolovsky // Ethnographic review. 2016. № 3. P. 46–56.

5. Arutyunova E.M. Language conflict in different dimensions: cases of Tatarstan and Bashkortostan / E.M. Arutyunova // Sociological Journal. 2019. Vol. 25. № 1. P. 98–120.

6. Zagirova E.M. The value system of youth and spiritual security of modern Russian society / E.M. Zagirova, N.H. Gafiatulina // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Grozny, 2017. P. 241–246.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Барашева Елена Викторовна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
barahevaev@bk.ru

Степаненко Диана Аркадьевна
доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
криминалистики, судебных экспертиз
и юридической психологии,
Байкальский государственный университет
mail@esbrsuj.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Информационные технологии развиваются с огромной скоростью, позволяя человечеству сделать прорыв во многих научных сферах. В настоящее время можно с уверенностью отметить все более растущую значимость информационных технологий. В статье рассматриваются историко-правовые аспекты киберпреступности в банковской сфере, определены этапы развития данных преступлений и их особенности, определены факторы, стимулирующие развитие данных преступлений и их подавление.

Ключевые слова: преступление, технологии, информация, государство, экономика.

Информационные технологии развиваются с огромной скоростью, позволяя человечеству сделать прорыв во многих научных сферах. В настоящее время можно с уверенностью отметить все более растущую значимость информационных технологий, что подтверждается принятием на государственном уровне Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [1].

Как любое явление, информационные технологии имеют как позитивные, так и негативные стороны. Однако их польза и удобство столь велики, что общество уже не сможет отказаться от информационных технологий, поэтому мы должны учитывать, прогнозировать и предупреждать все негативные последствия их использования.

Вместе с развитием информационных технологий появилось новое явление известное как «киберпреступность». Киберпреступления – это преступная деятельность, целью которой является

Eleva V. Barasheva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of State and Legal Disciplines,
Russian State University of Justice
barahevaev@bk.ru

Diana A. Stepanenko
Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
Criminology, Forensic Examinations
and Legal Psychology,
Baikal State University
diana-stepanenko@mail.ru

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF CYBERCRIME IN THE BANKING SECTOR

Annotation. Information technology is developing at a tremendous speed, allowing humanity to make a breakthrough in many scientific fields. Currently, it is safe to note the increasingly growing importance of information technology. The article examines the historical and legal aspects of cybercrime in the banking sector, identifies the stages of development of these crimes and their features, identifies the factors that stimulate the development of these crimes and their suppression.

Keywords: crime, technology, information, state, economy.

незаконное использование компьютера и сети Интернет.

Банковская сфера всегда была одним из наиболее желанных для киберпреступников (хакеров) пространством для совершения преступлений, в основном, посредством проведения хакерских атак. Так, начиная с 2016 года, в Российской Федерации наблюдалось увеличение количества хакерских атак на кредитно-финансовые организации. Наиболее популярным инструментом осуществления хакерских атак было использование Metasploit Framework, Cobalt Strike, Empire, разработанных с использованием техник, которые затрудняли их обнаружение в системе. Главное преимущество перечисленных инструментов состоит в том, что они представляют собой простой в использовании механизм удаленного управления «зараженными» компьютерами, что не требует от злоумышленника особых технических знаний.

На X-ом Уральском форуме «Информационная безопасность финансовой сферы» заместитель председателя Центрального Банка Российской Федерации Дмитрий Скобелкин отметил, что в 2017 году общие потери кредитных организаций России от хакерских атак с использованием Cobalt Strike превысили 1 млрд рублей [2].

Действительно, Cobalt Strike в 2016–2017 гг. был наиболее популярным в использовании инструментом. Так, злоумышленники, в основном, осуществляли атаки на банкоматы и банковские карты, используя следующую типовую схему:

1. Посредством массовой рассылки вредоносных электронных писем на адреса кредитных (финансовых) организаций запускается вредоносное вложение на компьютере получателя, после чего хакер получает доступ к зараженному компьютеру.

2. Хакер устанавливает доступ к контроллеру домена сети для получения паролей администраторов, после чего проводит поиск интересных серверов - наибольший интерес в данном случае для злоумышленника представляет такой сервер или компьютер, с которого предоставляется доступ в подсеть, где находятся банкоматы или сегмент процессинга банковских карт.

3. После получения полного доступа к банкоматам, к преступной деятельности привлекаются соучастники, главной задачей которой является обеспечение их присутствия около банкоматов для непосредственного вывода средств в установленное хакерами время.

4. Финалом всего процесса служит удаление программного обеспечения с банкоматов.

В 2016–2017 гг. в качестве основных методов борьбы с подобными атаками использовались, прежде всего, организационные методы, представляющие собой повышение квалификации в области информационной безопасности сотрудников, как правоохранительных органов, так и непосредственно сотрудников финансовых (кредитных) организаций. Наиболее востребованными техническими методами выступали:

1. Создание и систематическое обновление антивирусных баз, с помощью которых блокировались вредоносные письма, тем самым останавливая преступную схему на начальном этапе.

2. Систематическое обновление сигнатур для систем IDS/IPS для устранения вредоносного (подозрительного) трафика.

В случаях, когда атаку предупредить не удалось, главной задачей, стоящей перед компетентными сотрудниками, являлось закрытие доступа к сети Интернет всех элементов Веасоп, что создаст препятствие для коммуникации злоумышленника с сервером.

Стоит отметить, что в 2016–2017 гг. основные методы борьбы с киберпреступлениями сводились к детектированию сигналов внешних сетевых

соединений по адресам командных центров и поиску подозрительных сетевых соединений с последующей очисткой узлов от компонентов вредоносных программ.

Конец же 2019–2020 года ознаменовался ростом киберпреступности во всех сферах, в том числе, в банковской, что определено пандемией COVID-19. Так, большая часть организаций (включая кредитно-финансовые) перешла на работу в дистанционном режиме, что, в основном, было продиктовано стремлением бесперебойно обеспечивать основные потребности граждан. Однако такой переход перестроил и фокус внимания злоумышленников.

Киберпреступность 2019–2021 гг. имеет яркое отличие от киберпреступности 2016–2017 гг. Так, если финансовые организации были отчасти готовы к борьбе и прогнозированию кибер-атак, что во многом продиктовано многолетним опытом работы в этой области, то в 2019–2021 гг. с кибер-атаками столкнулись именно клиенты финансовых организаций – как физические, так и юридические лица. Стоит отметить, что преступные схемы с использованием Metasploit Framework, Cobalt Strike, Empire, которые привлекали к себе особое внимание в 2016–2017 гг., стали не такими востребованными, а в последствие и вовсе перестали существовать.

В 2019–2021 гг. злоумышленники, в основном, использовали методы социальной инженерии в отношении клиентов финансовых организаций, а именно телефонное мошенничество.

Как таковое, телефонное мошенничество существует уже довольно длительное время, поэтому во времена пандемии перед злоумышленниками стояла важная задача – преодолеть порог недоверия клиентов финансовых организаций. Как следствие на черном рынке стремительно увеличился спрос на персональные данные клиентов.

Современные киберпреступления в банковской сфере в настоящее время, в основном, реализуются с использованием следующей схемы - злоумышленник, получив полную (достаточную) для преодоления барьера недоверия информацию, звонит конкретному клиенту финансовой организации, представляясь при этом сотрудником определенного банка, и под разными предлогами, используя психологические манипуляции (уловки), выясняет у потенциальной жертвы все необходимые данные: номер карты, CVC-код, срок действия карты и т.д.

Однако нельзя с полной гарантией говорить, что это – единственная схема, которую используют злоумышленники. В настоящее время происходит непрерывный процесс совершенствования схем совершения киберпреступлений (в основном краж), поэтому, для разрешения данной проблемы, которую можно без преувеличения назвать глобальной, важно объединить, в первую очередь, государства. Эффективно объединив международные системы безопасности посредством тесного сотрудничества правоохранительных органов (спецслужб) государств, можно добиться построения относительно крепкого

фундамента для противодействия киберпреступности.

Во-вторых, важнейшим способом решения проблемы киберпреступности в экономической сфере является необходимость взаимодействия государства и частного сектора экономики. В данном случае, способом решения проблемы может выступать разработка стратегии и программного обеспечения в отношении кибербезопасности на уровне национальной экономики, а также – системное улучшение национального законодательства.

В силу отсутствия у клиентов финансовых организаций (преимущественно, физических лиц) необходимого опыта для противодействия кибератакам, основная задача в борьбе по предупреждению киберпреступности, особенно, в годы, набирающей популярность цифровизации, лежит на правоохранительных органах и структурных подразделениях финансовых организаций, осуществляющих информационную безопасность.

Центральным банком Российской Федерации в 2019 году было разработано положение¹, которое устанавливает обязательное требование к кредитным организациям. Так, кредитные организации обязаны обеспечить защиту информационной инфраструктуры, используемой для обработки, передачи и хранения защищаемой информации в целях осуществления банковских операций.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. URL : <http://pravo.gov.ru>
2. X Уральский форум – Дмитрий Скобелкин (Банк России): Ключевой доклад. URL : <https://youtu.be/yvFiwpu8yvM>;
3. Положение Банка России от 17 апреля 2019 г. № 683-П «Об установлении обязательных для кредитных организаций требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента».
4. *Маныч Е.Г.* Кража финансовых данных или данных банковских карт – один из видов киберпреступления / Е.Г. Маныч // Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции: Сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 января 2021 года. М. : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2021. С. 156–158. EDN QAGKSC.

¹ Положение Банка России от 17 апреля 2019 г. № 683-П «Об установлении обязательных для кредитных организаций требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях

финансовых операций в сети Интернет обязаны использовать только то программное обеспечение, которое сертифицировано в системе сертификации Федеральной службы по техническому и экспертному контролю на соответствие требованиям безопасности информации. Стоит так же отметить, что кредитные финансовые организации должны проводить ежегодные плановые тестирования на возможность проникновения к базам данных и анализировать все уязвимые места объектов информационной инфраструктуры.

Однако, на наш взгляд, наряду с техническими методами прогнозирования и борьбы с кибератаками, нужно использовать социально-психологические методы. Так, необходимо обеспечить стабильное и доступное для каждого лица информирование о способах защиты от киберпреступлений. Так, регулярное транслирование в сети Интернет и в средствах массовой информации красочных, коротких и доступных к пониманию видео-роликов позволило бы в разы сократить количество кибер-атак в отношении клиентов финансовых организаций.

Информационные технологии совершенствуются ежедневно, как следствие, меняются виды и способы совершения преступлений в сети Интернет, поэтому крайне важно создать специальную нормативно-правовую, техническую и образовательную базу, которая бы позволила оперативно реагировать на появление новых схем киберпреступлений.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation № 203 of 09.05.2017 On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030. URL : <http://pravo.gov.ru>
2. X Ural Forum — Dmitry Skobelkin (Bank of Russia): Key Report. URL : <https://youtu.be/yvFiwpu8yvM>
3. Regulation of the Bank of Russia dated April 17, 2019 № 683-P «On the establishment of mandatory requirements for credit institutions to ensure the protection of information during banking activities in order to counteract the implementation of money transfers without the consent of the client».
4. *Manych E.G.* Theft of financial data or bank card data is one of the types of cybercrime / E.G. Manych // Digital technologies in the fight against crime: problems, state, trends : Collection of materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, January 27, 2021. M. : Federal State State Educational Institution of Higher Education «University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation», 2021. P. 156–158. EDN QAGKSC.

противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента».

Бялт Виктор Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
victorkvr@mail.ru

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Косолапов Алексей Дмитриевич

кандидат педагогических наук,
доцент,
начальник кафедры управления
персоналом воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
a.kosolapov@mail.ru

**ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА
ПРЕДЕЛОВ КОМПЕТЕНЦИИ ПОЛИЦИИ
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ: В КОНТЕКСТЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные вопросы правовой регламентации сферы функционирования китайской полиции, с акцентом на уточнение ареала компетенций в области общественной безопасности, предопределяющих общий вектор профессиональной деятельности отмеченной правоохранительной институции. Выявляя особый характер работы полиции КНР в решении задач по достижению в обществе социального согласия, авторы приходят к выводу о наличии прочной корреляции нормативных установлений национального законодательства страны стандартным положениям, в части организации полицейского дела, с учетом китайской специфики.

Ключевые слова: полиция, общественная безопасность, компетенция, обязанности, служебные полномочия, нормативные положения.

■ ■ ■

Viktor S. Byalt

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University Ministry
of Internal Affairs of Russia
victorkvr@mail.ru

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg university of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Alexey D. Kosolapov

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
a.kosolapov@mail.ru

**THE LEGAL PARADIGM OF THE LIMITS
OF THE COMPETENCE OF THE CHINESE
POLICE PEOPLE'S REPUBLIC: IN THE
CONTEXT OF NATIONAL LEGISLATION**

■ ■ ■

Annotation. The article deals with certain issues of legal regulation of the sphere of functioning of the Chinese police, with an emphasis on clarifying the range of competencies in the field of public security, which predetermine the general vector of professional activity of the noted law enforcement institution. Revealing the special nature of the work of the PRC police in solving the tasks of achieving social harmony in society, the authors come to the conclusion that there is a strong correlation between the normative provisions of the country's national legislation and standard provisions regarding the organization of police affairs, taking into account Chinese specifics.

Keywords: police, public safety, competence, duties, official powers, regulations.

■ ■ ■

Фактор обращения к национальному опыту нормативного правового закрепления существенных основ национальной модели полицейской деятельности различных государств, в части регламентации пределов компетенции правоохранительной институции и требований к ее личному составу, несомненно, имеет важное значение для уяснения зарубежного опыта конструирования общей модели функционирования полицейского учреждения конкретного зарубежного государства. С учетом отмеченного, мы считаем необходимым акцентировать внимание на национальных аспектах законодательства Китайской Народной Республики (далее – КНР), в части исследования правовой парадигмы пределов функционирования полиции данной страны. Широта спектра служебных полномочий народной полиции (далее-полиция) КНР наиболее обстоятельно представлена в работе В.И. Внукова и Д.В. Кайргалиева [1]. Указанные авторы обращают внимание на следующие направления деятельности рассматриваемого ведомства, с привязкой к соответствующим службам:

- а) обеспечение общественной безопасности;
- б) бытовая регистрация;
- в) уголовный розыск;
- г) обеспечение безопасности дорожного движения;
- д) вопросы миграционного дела;
- е) несение пограничной службы, включая решение вопросов по поддержанию общественной безопасности в пограничных областях;
- ж) обеспечение пожарной безопасности;
- з) несение охранной службы;
- и) обеспечение интернет-безопасности.

Кроме того, на полицию КНР возложено решение специальных задач, сопряженных с функционалом полиции на железнодорожном и морском транспорте, а также - лесной полиции и полиции по борьбе с контрабандой.

Согласно ст. 2 Закона КНР «О народной полиции Китайской Народной Республики (кит. «中华人民共和国人民警察法»), вступившего в силу 28 февраля 1995 г. и вновь отредактированного в августе 2017 г. [2], используемый в отмеченной редакции Закона термин «народная полиция», относится к сотрудникам органов общественной безопасности, выполняющим функции по обеспечению:

- 1) общественной безопасности;
- 2) правопорядка;
- 3) уголовного правосудия, и которым присвоено звание народной полиции.

Как следует из установлений ст. 5 Закона, общая идея учреждения полиции должна корреспондировать замыслу ее политического устройства,

обеспечивать качественное решение возложенных на полицию правоохранительных задач, а также строгое управление данным ведомством и благосклонное восприятие его действий (кит. «从优待警») со стороны общества. Акцентируя внимание на важности верности личного состава полиции Коммунистической партии Китая, стране, народу, Конституции и законам страны, указанный Закон закрепляет принципы деятельности полиции и ее служащих. Определяя методологию профессиональной деятельности полицейских, данные принципы сформулированы следующим образом:

- а) защита полиции национальным законом;
- б) верховенство права;
- в) умеренность (т.е., соразмерность) при осуществлении властных полномочий;
- г) объединение социальных групп.

Отмечая тождественность содержания первых трех принципов общепринятым положениям российского законодательства, мы считаем необходимым раскрыть содержание принципа «г». Под объединением социальных групп законоположение закрепляет:

– во-первых, приверженность сочетанию специализированной работы и массовых направлений по консолидации общества;

– во-вторых, совершенствование механизма мобилизации различных организаций социального обеспечения, включая осуществление массовой профилактики и группового управления вопросами социального сплочения, а также содействие процессу социального управления в КНР.

При решении сугубо профессиональных задач, личному составу полиции предписано поддерживать тесный контакт с народом, прислушиваться к его мнению и предложениям, правильно воспринимать надзор за деятельностью полиции со стороны народа, проявляя при этом «чистосердечное ему служение». Примером реагирования на пожелания китайских граждан в отношении работы полиции является соответствующее «Объявление Министерства общественной безопасности» от 16 марта 2020 г. [3].

Сфера ответственности (кит. «职责范围») полиции КНР закреплена в ст. 12 Закона (глава II «Обязанности и полномочия»), в соответствии с которой, на полицию возложено:

- 1) предупреждение, пресечение и расследование преступной деятельности;
- 2) задержание подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам, осуществление надзора за ними, применение уголовных наказаний и обеспечение в отношении них медицинского обслуживания;
- 3) обеспечение национальной безопасности и социальной стабильности, предотвращение терроризма и борьба с ним;

4) предотвращение, пресечение, расследование и наказание действий, нарушающих административное управление общественной безопасностью;

5) осуществление надзора за лицами, задержанными в административном порядке или в отношении которых были применены меры административного принуждения к ограничению их личной свободы, принудительной изоляции и дезинтоксикации;

6) внедрение управления безопасностью дорожного движения;

7) надзор и управление противопожарными работами;

8) соблюдение порядка обращения с огнестрельным оружием и боеприпасами, контрольным оборудованием, легковоспламеняющимися, взрывоопасными, токсичными и радиоактивными и другими опасными товарами и веществами, а также порядка работы с химическими веществами – прекурсорами.

Исходя из специфики современного развития КНР, результирующий вектор деятельности китайской полиции детализирован в специальном

Литература:

1. Внуков В.И. Организация и управление служебной деятельностью полиции Китая / В.И. Внуков, Д.В. Кайргалиев // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11(90). С. 362–363.

2. Закон о народной полиции Китайской Народной Республики (Пересмотренный проект). URL : <https://npcobserver.com/wp-content/uploads/2017/08/peoples-police-law-2016-draft-revision.pdf> (дата обращения 14.06.2022).

3. Объявление Министерства общественной безопасности от 16 марта 2020 г. О комментариях общественности к «Закону о народной полиции Китайской Народной Республики» (пересмотренный проект). URL : <http://gaj.gxhz.gov.cn/dczj/t1653949.shtml> (дата обращения 15.06.2022).

4. Положение о народной полиции Китайской Народной Республики. (обнародовано приказом Министерства общественной безопасности от 28.10.2021 № 161) / Официальный сайт «Ministry of Public Security of the People's Republic of China». URL : <https://app.mps.gov.cn/gdnps/zc/content.jsp?id=8280075> (дата обращения 10.06.2022).

5. Чимаров С.Ю. Нормативное правовое регулирование служебной дисциплины и профессиональной этики в рядах народной полиции Китая / С.Ю. Чимаров, А.В. Тонышев, К.В. Шеянов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 174–177.

«Положении» [4], согласно ст. 3 которого, личный состав полиции обязан соблюдать строго регламентированный порядок своей службы, профессиональной учебы и стиля поведения в жизни, постоянно «выковывая» в себе законопослушный и бдительный дух, прочные идеалы и убеждения, соответствующие новым требованиям эпохи модернизации всей системы общественной безопасности в стране и центральному направлению происходящих в ней революционных изменений.

Таким образом, «фактор закрепления в национальном законодательстве Китайской Народной Республики правовых ориентиров, в части моральных пределов допустимого поведения, способствует дальнейшему укреплению полицейских рядов страны и создает необходимые предпосылки для упрочения доверия к народной полиции со стороны китайского общества» [5, с. 176].

Подводя итог изложенному, мы констатируем соответствие общих нормативных предписаний в законодательстве КНР, в части регламентации пределов функционирования полиции, универсальным положениям организации полицейского дела, которые адаптированы под китайскую специфику и особенности социалистических реформ в данной стране.

Literature:

1. Vnukov V.I. Organization and management of official activities of the Chinese police / V.I. Vnukov, D.V. Kairgaliev // Eurasian Legal Journal. 2015. № 11(90). P. 362–363.

2. Law on the People's Police of the People's Republic of China (Revised draft). URL : <https://npcobserver.com/wp-content/uploads/2017/08/peoples-police-law-2016-draft-revision.pdf> (date of application 06/14/2022).

3. Announcement of the Ministry of Public Security dated March 16, 2020 «On public Comments on the Law on the People's Police of the People's Republic of China» (revised draft). URL : <http://gaj.gxhz.gov.cn/dczj/t1653949.shtml> (date of application 06/15/2022).

4. Regulations on the People's Police of the People's Republic of China. (published by Order of the Ministry of Public Security No. 161 of 10/28/2021) / Official website of the Ministry of Public Security of the People's Republic of China. URL : <https://app.mps.gov.cn/gdnps/zc/content.jsp?id=8280075> (date of application 10.06.2022).

5. Chimarov S.Yu. Normative legal regulation of service discipline and professional ethics in the ranks of the People's Police of China / S.Yu. Chimarov, A.V. Tonyshchev, K.V. Sheyanov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. № 4. P. 174–177.

Вислогубова Оксана Игоревна
Краснодарский университет
МВД России
kiap_krdu@mvd.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ ЗА ПЕРЕДВИЖЕНИЕМ НА ЭЛЕКТРОСАМОКАТАХ

Аннотация. В статье отмечаются общие для большинства стран проблемы, связанные с передвижением на электросамокатах. Анализируются предпринимаемые различными государствами меры, направленные на повышение уровня защищенности всех участников дорожного движения, в связи с массовым и стихийным появлением новых видов транспортных средств. Дедуцируются наиболее эффективные механизмы государственного управления, реализуемые мировым сообществом, в сфере контроля за передвижением на электросамокатах. Обосновываются треки повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации с учетом передового международного опыта.

Ключевые слова: появление новых видов транспортных средств, стихийное распространение электросамокатов, отсутствие нормативной базы, неурегулированность правового статуса новых участников дорожного движения, международный опыт государственного управления, необходимость совершенствования национального законодательства, повышение эффективности государственного управления в сфере безопасности дорожного движения.

Проблемы, связанные с массовым распространением электросамокатов на улицах и дорогах, являются общими для большинства государств. Наиболее остро встает вопрос повышения защищенности всех участников дорожного движения при нарастающем спросе на электросамокаты и, соответственно, увеличении их доли в общем транспортном потоке. Лица, передвигающиеся на данных механических транспортных средствах, зачастую, игнорируют не только имеющиеся Правила дорожного движения, но и здравый смысл, что в конечном результате приводит к травмам, а также гибели, как самих водителей электросамокатов, так и окружающих людей. При этом, несмотря на удручающие цифры статистики, популярность новых видов транспортных средств только продолжает расти.

Востребованность электросамокатов как средств передвижения и развлечения обуславливается небольшой стоимостью, компактностью,

Oksana I. Vislogubova
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kiap_krdu@mvd.ru

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE FIELD OF CONTROL OF MOVEMENT ON ELECTRIC SCOOTERS

Annotation. There is a commonality of problems associated with the movement of electric scooters for most countries. The measures taken by various states aimed at increasing the level of protection of all road users in connection with the massive and spontaneous appearance of new types of vehicles are analyzed. The most effective mechanisms of public administration implemented by the world community in the field of control over movement on electric scooters are deduced. The tracks of improving road safety in the Russian Federation are substantiated, taking into account the best international experience.

Keywords: emergence of new types of vehicles, the spontaneous spread of electric scooters, the lack of a regulatory framework, the unsettled legal status of new road users, international public administration experience, the need to improve national legislation, improving the efficiency of public administration in the field of road safety.

мобильностью, а также, наиболее лояльным правовым режимом (или же отсутствием такового) допуска к управлению ими, по сравнению с традиционными средствами передвижения.

Некоторые страны на настоящий момент приняли ряд мер государственного управления, реализация которых позволила снизить количество дорожно-транспортных происшествий связанных с использованием электросамокатов. В целях выработки наиболее эффективных треков совершенствования государственного контроля за передвижением электросамокатов в Российской Федерации предпримем попытку проанализировать современные национальные нормативные правовые акты иных государств.

Для большей объективности исследования, следует определиться с конкретными странами, опыт которых можно признать положительным, адаптировав его к реалиям российской

действительности. Критериями выбора таких государств должны быть:

- наличие проблем, связанных с передвижением электросамокатов;
- схожесть страны (географически, исторически, законодательно, ментально) с Российской Федерацией.

Проблемы, обусловленные масштабированным распространением электросамокатов, имеются в большинстве развитых стран. Государства Евросоюза рассматривают электросамокат как средство «последней мили», то есть, для передвижения от дома или офиса до станции метро или остановки общественного транспорта. При этом заявленное стремление европейских стран снизить долю транспортных средств с традиционными видами топлива, заменив их электромобилями, в той или иной степени, детерминирует столь масштабное распространение электросамокатов на европейском континенте. Учитывая, что Российская Федерация исторически развивалась как европейское государство, имеющее при этом интересы и в закавказском, и азиатском регионах, то в качестве опыта государственного управления по контролю за передвижением электросамокатов следует рассмотреть опыт таких государств, как: Федеративная Республика Германия (Германия), Китайская Народная Республика (Китай), Турецкая Республика (Турция). Процессы, происходящие в Германии, как наиболее экономически развитого представителя Евросоюза, могут служить своеобразным лакмусом ситуации во всем ЕС. Опыт Китая будет полезен как опыт мирового лидера в сфере производства и использования электросамокатов. Предпринимаемые меры государственного управления в Турции, как в курортной стране, позволят оценить перспективы развития подобных средств передвижения в южных регионах Российской Федерации.

И так, Германия. Электросамокаты достигли наибольшей популярности в Германии в 2019 году, вместе с популярностью кратно возросло количество происшествий, связанных с их использованием и передвижением на них. Новостные ленты средств массовой информации Германии были переполнены сообщениями следующего содержания: «В Потсдаме прохожие подрались из-за электросамокатов»; «В Берлине женщина упала с самоката и получила тяжелые травмы»; «В Эрфурте несколько полицейских ранены в драке с прохожими, которые вступились за пьяную водительницу самоката»; «В Бонне врачи борются за жизнь водителя самоката, который на полном ходу врезался в машину такси» [1]. Правительство Германии отреагировало на подобную неблагоприятную ситуацию, вызванную резко возросшим количеством электросамокатов и отсутствием какого-либо правового регулирования, издав в 2019 году соответствующее постановление [2]. Согласно принятого документа, электросамокаты, как и иные механические транспортные средства, приводимые в движения с помощью маломощных электродвигателей, в Германии стали относить к категории малых

электромобилей. Передвижение на малых электромобилях, в соответствии с принятым в Германии федеральным постановлением, получило правовую основу, а именно были четко регламентированы:

- требования к разрешению на управление и ввод в эксплуатацию электросамокатов;
- требования к освещению, станциям зарядки; требования к разрешённым местам передвижения, а также, иные требования безопасности и ответственности лиц, управляющих электросамокатами.

Лицам, которые управляют электросамокатами в Германии, разрешено двигаться по проезжей части дороги, при условии оборудования транспортного средства элементарными системами активной безопасности, а также – со скоростью, не превышающей 20 км/ч. Иными словами, Правительство Германии, реализуя механизмы государственного управления в сфере контроля за передвижением на электросамокатах, пошло по пути принятия отдельного нормативно-правового акта, обособившего и закрепившего правовой статус новых категорий участников дорожного движения – водителей малых электромобилей (электросамокатов).

В Китае, несмотря на мировое лидерство по производству электросамокатов, данные транспортные средства не пользуются популярностью (наиболее востребованными средствами передвижения являются велосипеды). Вместе с тем, меры государственного контроля за передвижением на электросамокатах, по сравнению с иными странами, являются наиболее суровыми. Так, согласно действующего в Китае законодательства, передвижение на электросамокате допускается при выполнении следующих условий:

- регистрация в дорожной полиции и получение регистрационного знака;
- наличие мотошлема;
- наличие электродвигателя, не превышающего мощность в 400 Вт.

Кроме того, в ряде городов Китая использование электросамокатов в общественных местах официально запрещено, а при управлении ими в иных местах требуется наличие водительского удостоверения [3, с. 277].

Таким образом, государственное управление за передвижением электросамокатов в Китае характеризуется в большей степени ограничительными мерами, устанавливающими для лиц их использующих требования аналогичные требованиям, предъявляемым к мотоциклистам (регистрация в полиции, наличие мотошлема и водительского удостоверения).

Правительство Турции, в лице Министерства транспорта, обновило действующие правила дорожного движения. Согласно новым требованиям, действующим на территории Турецкой Республики с 2021 года, к управлению

электросамокатом не допускаются лица [4] младше 16 лет, при этом с 16 до 18 лет разрешается управлять электросамокатом, но при наличии водительского удостоверения категории «М» (мопеды), а с 18 лет не предъявляются требования по наличию водительского удостоверения. Новым нормативно-правовым актом национального законодательства Турции был введен запрет на движение и на парковку электросамокатов на тротуарах и в пешеходных зонах (оставлять транспортные средства на хранение разрешается лишь на специально оборудованных для этого площадках). Следует отметить, что наравне с иными государствами, Турция в полной мере ощутила те трудности, которые связаны с бесконтрольным распространением электросамокатов; это и дорожно-транспортные происшествия, и проблема хаотично брошенных на тротуарах электросамокатов, а также ряд других проблемных моментов. Вместе с тем, турецкие власти, несмотря на предпринятые серьезные регулятивные меры, не намерены запрещать управление электросамокатами, а наоборот, планируют расширять возможности данного вида транспорта, но в условиях государственного регулирования за его передвижением.

Таким образом, анализ мирового опыта предпринимаемых мер государственного управления в сфере контроля за передвижением электросамокатов дает право утверждать, что к числу наиболее востребованных мер, принимаемых на государственном уровне в иных странах относятся:

1. Принятие нормативного акта, регламентирующего правовой статус новых категорий участников дорожного движения (лиц, управляющих электросамокатом).
2. Введение обязательной регистрации электросамокатов в дорожной полиции с присвоением им регистрационных знаков.
3. Обозначение возможных для передвижения мест с одновременным запретом на движение электросамокатов по тротуарам и пешеходным зонам.
4. Запрет на оставление электросамокатов на стоянку в пешеходной зоне либо же на тротуаре.

Указанные выше меры государственного контроля за передвижением электросамокатов могут и должны быть адаптированы для российской действительности, однако, с определенной долей доработки.

Отмечая необходимость законодательного урегулирования правового статуса новых категорий участников дорожного движения, в том числе, и лиц, передвигающихся на электросамокатах, всё же, следует не вводить в правовое поле новый источник права, а внести изменения в существующую систему нормативно-правовых актов в сфере безопасности дорожного движения. Международный опыт свидетельствует о том, что в большинстве стран электросамокаты рассматриваются как транспортные средства, поэтому издавать отдельные Правила, регламентирующие

управление конкретным видом транспортных средств (электросамокатом), не логично и не целесообразно. Переноса положительный международный опыт на российскую систему государственного управления, следует внести изменения в действующие Правила дорожного движения, изложив содержащееся в п. 1.2 определение механического транспортного средства в следующей редакции:

«Механическое транспортное средство – транспортное средство, приводимое в движение двигателем. Термин распространяется на любые тракторы и самоходные машины, а также электросамокаты, гироскутеры, моноколеса, сигвеи».

Регистрация электросамокатов является обязательным условием допуска к участию в дорожном движении, причем, регистрировать данные механические транспортные средства следует именно в подразделениях ГИБДД. Введение обязательной регистрации электросамокатов позволит решить сразу несколько проблемных моментов.

Во-первых, электросамокаты перестанут быть «безликими транспортными средствами» с передвигающимися на них водителями лихачами, а также, брошенными, бесхозными средствами передвижения, создающими препятствия для иных участников дорожного движения. Обнаружив подобный «лихач» или брошенный электросамокат, любой гражданин может проявить сознательность и сообщить о нарушениях ПДД лицом управляющим электросамокатом.

Во-вторых, решение проблем с идентификацией электросамокатов в процессе движения создаст перспективы для включения данного вида транспортных средств в общероссийскую систему автоматической фиксации административных правонарушений, что, в свою очередь, позволит добиться кратного снижения нарушений ПДД со стороны лиц, передвигающихся на них.

Следующая мера, а именно – обозначение возможных для передвижения мест с одновременным запретом на движение электросамокатов по тротуарам и пешеходным зонам, также может быть интегрирована в действующие ПДД. Не возникает сомнения в том, что смешение транспортных и пешеходных потоков повышает аварийную опасность, а разграничение этих потоков будет способствовать повышению защищенности всех участников дорожного движения. Механическим транспортным средствам не место на тротуаре либо же в исключительно пешеходной зоне. Для движения на электросамокатах должны использоваться проезжие части дорог или велосипедные дорожки. В целях исключения возможности появления электросамокатов на тротуаре, пешеходной дорожке, следует законодательно обозначить разрешенные места для их передвижения. В этих целях следует дополнить, содержащееся в ПДД понятие «велосипедная дорожка», изложив ее в следующей редакции:

«Велосипедная дорожка – конструктивно отделенный от проезжей части и тротуара элемент дороги (либо отдельная дорога), предназначенный

для движения велосипедистов, электросамокатов, гироскутеров, моноколес, сигвеев и обозначенный знаком 4.4.1.».

Брошенные на проезжей части электросамокаты, как свидетельствует международный опыт, также являются общей проблемой для большинства государств, решение которой лежит в плоскости частно-государственного партнерства. Так, государство может предоставлять хозяйствующим субъектам в аренду земельные участки, на которых последние будут оборудовать специальные стоянки для электросамокатов. При этом стоянки должны отвечать требованиям безопасности и не иметь возможности непреднамеренного прохода или проезда для других категорий участников дорожного движения. Создание таких стоянок потребует разработки технического регламента и внесения изменений в Федеральный закон «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности».

Литература:

1. Страх и ненависть в Берлине: за что немцы ополчились на электросамокаты // Аргументы недели. URL : [https:// argumenti.ru](https://argumenti.ru) (дата обращения 22.05.2022).
2. Verordnung über die Teilnahme von Elektrokleinstfahrzeugen am Straßenverkehr (Elektrokleinstfahrzeuge-Verordnung eKFV) // ADAC. URL : [https://www.gesetze-im-internet.de/ekfv/BJNR075610019.html#:~:text=\(1\)%20Wer%20ein%20Elektrokleinstfahrzeug%20f%C3%BChrt,zu%20fahren%2C%20nicht%20abgewichen%20w%20erden](https://www.gesetze-im-internet.de/ekfv/BJNR075610019.html#:~:text=(1)%20Wer%20ein%20Elektrokleinstfahrzeug%20f%C3%BChrt,zu%20fahren%2C%20nicht%20abgewichen%20w%20erden) (дата обращения 21.05.2022).
3. *Карabanov Г.О.* Анализ рынка средств индивидуальной мобильности в РФ и в мире / Г.О. Карabanov // Проблемы функционирования систем транспорта: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Тюмень, 02–04 декабря 2020 года. Тюмень : Тюменский индустриальный университет, 2020.
4. В Турции ограничили использование самокатов // Российская газета. URL : <https://rg.ru/2020/09/14/v-turcii-ogranichili-ispolzovanie-samokatov.html> (дата обращения 21.05.2020).
5. Верховный суд не признавал самокаты транспортным средством // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL : https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/30940 (дата обращения 22.05.2022).

В завершении статьи следует отметить, что Российская Федерация не единственная страна, которая столкнулась с проблемой массового распространения электросамокатов. Большинство развитых стран также ощутили определенные негативные последствия от неконтролируемого развития данной сферы общественных отношений, связанной с появлением электросамокатов, причем, в довольно короткий промежуток времени смогли предпринять определённые шаги, направленные на государственное регулирование передвижения электросамокатов. Субъектам государственного контроля в сфере безопасности дорожного движения Российской Федерации надлежит незамедлительно внести соответствующие изменения в законодательное регулирование и пересмотреть организационные вопросы контроля. Принятие указанных выше мер позволит повысить уровень защищенности участников дорожного движения.

Literature:

1. Fear and hatred in Berlin: why the Germans took up arms against electric scooters // Arguments of the week. URL : [https:// argumenti.ru](https://argumenti.ru) (date of application 05/22/2022).
2. Verordnung über die Teilnahme von Elektrokleinstfahrzeugen am Straßenverkehr (Elektrokleinstfahrzeuge-Verordnung eKFV) // ADAC. URL : [https://www.gesetze-im-internet.de/ekfv/BJNR075610019.html#:~:text=\(1\)%20Wer%20ein%20Elektrokleinstfahrzeug%20f%C3%BChrt,zu%20fahren%2C%20nicht%20abgewichen%20werden](https://www.gesetze-im-internet.de/ekfv/BJNR075610019.html#:~:text=(1)%20Wer%20ein%20Elektrokleinstfahrzeug%20f%C3%BChrt,zu%20fahren%2C%20nicht%20abgewichen%20werden) (date of application 05/21/2022).
3. *Karabanov G.O.* Analysis of the market of means of individual mobility in the Russian Federation and in the world / G.O. Karabanov // Problems of functioning of transport systems: materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists, Tyumen, 02–04 December 2020. Tyumen : Tyumen Industrial University, 2020.
4. The use of scooters has been restricted in Turkey // Rossiyskaya Gazeta. URL : <https://rg.ru/2020/09/14/v-turcii-ogranichili-ispolzovanie-samokatov.html> (date of application 05/21/2020).
5. The Supreme Court did not recognize scooters as a vehicle // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL : https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/30940 (date of application 05/22/2022).

Зеленский Владимир Дмитриевич

доктор юридических наук,
профессор,
руководитель магистратуры
юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
juristic@kubsau.ru

Куемжиева Светлана Александровна

доктор юридических наук,
профессор,
декан юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина
juristic@kubsau.ru

**ОБ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ
ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО
ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация. Первоначальный этап занимает особое место в системе расследования. В статье изложены теоретические вопросы понятия первоначального этапа, его структура и содержание. Кратко рассмотрены вопросы организации расследования; исследованы проблемы сочетания организационных средств и методов с положениями криминалистической методики. Уделено внимание определению (конкретизации) предмета расследования как основной организационно-методической проблеме первоначального этапа. Изложены вопросы планирования расследования. Даны научно-практические рекомендации по осуществлению организации первоначального этапа расследования.

Ключевые слова: первоначальный этап расследования, организация, предмет расследования, целеопределение, планирование.

Криминалистическое значение первоначального этапа расследования общеизвестно. Это напряженный, ответственный период, в течение которого решаются основные задачи расследования или создается фактическая основа для их дальнейшего успешного разрешения. Поэтому важно и необходимо исследование теоретических вопросов организационно-методических элементов первоначального этапа и разработка научно-практических рекомендаций по их практической реализации.

О понятии и пределах первоначального этапа расследования высказаны различные, но, в общем, схожие взгляды. Известно общее определение, данное Р.С. Белкиным о том, что пределы первоначального этапа определяется в

Vladimir D. Zelensky

Doctor of Law,
Professor,
Head of the Magistracy
of the Faculty of Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
juristic@kubsau.ru

Svetlana A. Kuemzhieva

Doctor of Law,
Professor,
Dean of the Faculty of Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
juristic@kubsau.ru

**ON THE MAIN PROVISIONS
OF THE ORGANIZATION OF THE INITIAL
STAGE OF THE INVESTIGATION**

Annotation. The initial stage takes a special place in the system of investigation. The theoretical questions of the concept of the initial stage, its structure and content are stated in the article. Questions of the organization of investigation are briefly considered; problems of a combination of organizational means and methods with provisions of criminalistics methodology are investigated. Attention is paid to the definition (concretization) of the subject of the investigation as the main organizational and methodological problem of the initial stage. The issues of planning of the investigation are outlined. Scientific and practical recommendations are given as to the implementation of the organization of the initial stage of the investigation.

Keywords: initial stage of investigation, organization, subject of investigation, goalsetting, planning.

зависимости от степени производства необходимых следственных действий [1, с. 260]. Общепринятым считается, что расследование делится на период до привлечения лица к уголовной ответственности – вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и последующий этап. Нами в одной из работ отмечается, что протяженность первоначального этапа зависит от криминалистической сложности расследования [3, с. 18–19]. В простых и усложненных расследованиях первоначальный этап длится до вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В сложных и особо сложных расследованиях первоначальный этап завершается формированием (конкретизацией) предмета расследования и составлением развернутого плана по уголовному делу.

Поскольку криминалистическая сложность на начальном этапе расследования только предполагается, то протяженность первоначального этапа определяется в зависимости от характера и содержания следственной ситуации.

Первоначальный этап расследования – это период его организации. Организационные средства и методы используются для решения основных вопросов криминалистической методики. Организация расследования – это процесс структурирования деятельности и упорядочения его содержания для активного функционирования.

Вопрос структуры и содержания организации расследования в криминалистике дискуссионный. В понимании сущности организации расследования полагаем обоснованную позицию большинства криминалистов, основанную на понимании организационных процессов в социальной деятельности. Организация понимается как процесс (интеллектуальная деятельность и действия) создания структуры расследования, упорядочения ее элементов. Управление – это процесс удержания созданной структуры в заданном состоянии и руководства деятельностью. В организации отдельного расследования – основном уровне организации – управление сливается с организацией в единый процесс и носит название организация [2, с. 5–6].

Что касается структуры организационного процесса, то здесь преобладающей и, на наш взгляд, научно обоснованной, является позиция, в которой выделены основные структурные элементы организации. К ним относятся целеопределение, планирование, создание условий для качественного производства следственных действий, взаимодействие, руководство расследованием [3, с. 51–52]. Стержневым элементом организации как процесса, является структурирование. Структурирование является одним из видов метода системно-структурного анализа. Это интеллектуальный процесс анализа содержания какого-либо явления и выделения отдельных структурных элементов этого явления. Применительно к рассматриваемому явлению, структурирование встречается в определении (конкретизации) отдельных элементов расследования как вида социальной деятельности. Напомним, что основные структурные элементы расследования – это предмет расследования, цели, следственные и иные действия, субъекты и участники этих действий [7, с. 26–27].

Вторым структурным элементом организации расследования является упорядочение – интеллектуальный процесс выявления связей между структурными элементами деятельности, процесс взаимосвязи всех структурных элементов расследования в единую деятельность, регламентированную уголовно-процессуальным законом. Упорядочение является методом организации, позволяющим определить место каждого элемента расследования, прежде всего, и главным образом, следственного или иного действия, взаимосвязи между действиями. Посредством упорядочения, расследование формируется как единое целое, как деятельность, выполняемая

подсистемой процессуального содержания, а также, оперативно-разыскные действия и средства использования специальных знаний (судебная экспертиза и др.) [6, с. 125].

Первоначальный этап начинается с неотложных следственных действий. Эти действия, их сочетания определены положениями криминалистической методики применительно к расследованию каждого вида преступлений. Следователь выбирает (конкретизирует) их в каждом отдельном случае расследования.

В результате неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, создается основа для построения развернутых (т.е. полных) следственных версий по делу, в том числе, версий о событии преступления и субъекте его совершения.

Построение версий, реально допустимых в каждом конкретном случае – обязательный элемент целеопределения, необходимо осуществляемых на первоначальном этапе расследования. Это общеизвестно. Но почему-то, нередко опускают второй основной элемент целеопределения – выведение логических следствий из версий. Версия является средством познания, возможным и обоснованным объяснением известных фактических данных. В этом ее основная роль, но только одна из ролей. Связанное с познавательной функцией выведение логических следствий – обязательное продолжение познания, одновременно носящее и организационное значение [7, с. 50–52].

Логические следствия – это факты, которые должны (могут) быть случаи, если следственная версия верна. Установление этих фактов процессуальным путем – цель следственных действий в сочетании с оперативно-разыскными мероприятиями. Принципиально обязательно правило – перечень выводимых из версий логических следствий должен быть по возможности исчерпывающим. Почему по возможности? Да потому, что для нас в данном случае важны те факты, которые имеют значение для расследования конкретного преступления. Определить исчерпывающий круг логических следствий можно с помощью данных криминалистической характеристики вида преступления, прежде всего, следовой картины преступления [5]. Сведения о типовых следах и иных фактических данных дают возможность выявлять обстоятельства, связанные с образованием этих следов. Таким путем можно определять круг логических следствий. Разумеется, возможность упущения легка, т.к. результат зависит от субъективного фактора – профессионально-психологического уровня следователя и условий расследования. Нейтрализовать, устранить данный негативный фактор можно только путем исследования информационных технологий в расследовании [4, с. 77–83].

Следовая картина преступления позволяет следователю посредством последовательного сопоставления ее содержания с фактическими данными, установленными в ходе неотложных следственных действий, выявлять (предположить о

существовании) возможные недостающие следы и, имея фактические данные, строить версии об их существовании. Таким путем определяются (конкретизируются) все возможные сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению по данному уголовному делу. Система (или совокупность) этих сведений образует предмет расследования. Последний, как известно, включает обстоятельства предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) и промежуточные факты – косвенные свидетельства, обосновывающие эти обстоятельства [8, с. 140–144]. Промежуточные факты – это, в основном, логические следствия из версий, а также, данные криминалистической характеристики преступления, выявленные путем изложенного сопоставления следовой картины преступления со сведениями по конкретному уголовному делу.

В определении (конкретизации) предмета расследования используются данные криминалистической методики о типичных обстоятельствах, подлежащих установлению по виду преступлений, сведения криминалистической характеристики этого вида преступления и результаты неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Формирование предмета расследования, как интеллектуальная деятельность, начинается с момента получения исходной информации и продолжается весь первоначальный этап расследования. В этом процессе используются организационные средства и методы: целеопределение, структурирование, упорядочение.

Целеопределение – это процесс определения обстоятельств, имеющих значение для расследования [3, с. 67]. Сущность этого процесса состоит в анализе следователями доказательственной и иной информации и определении обстоятельств, подлежащих установлению по делу. Это вышеизложенный процесс, осуществляемый с момента начала расследования и в основном завершаемый на первоначальном этапе расследования. Предмет расследования и представляет собой систему тактических целей.

Содержание предмета расследования должно включать факты, позволяющие обосновать (доказать) обстоятельства события конкретного преступления и виновность определенного лица в его совершении. В этом состоит первая предпосылка полного раскрытия преступления – выполнения задачи, содержащейся в ст. 73 УПК РФ.

Второй важной организационно-методической задачей первоначального этапа расследования является планирование. Планирование осуществляется почти одновременно с целеопределением, производится параллельно с ним. Планирование является интеллектуальным процессом анализа обстоятельств предмета расследования и выбора средств и методов их установления. Посредством планирования формируется умственная, а затем и фактическая модель расследования. Расследование превращается в единое целое, в систему, в которой функционирует следственные и иные действия, иные обеспечивающие (инфраструктурные) мероприятия.

В процессе планирования выделяется ряд взаимосвязанных этапов:

- анализ следственной ситуации первоначального этапа расследования и системы обстоятельств предмета расследования (тактических целей);
- определение следственных и иных действий, необходимых для установления этих обстоятельств; определение последовательности (сочетания) следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, времени, места, участников и тактики их производства.

На первоначальном этапе решается ряд вопросов организации иных мероприятий. В числе их взаимодействие следователя и иных участников, создание условий для качественного расследования. В сложных ситуациях решается вопрос о создании следственно-оперативной группы.

В криминалистических сложных ситуациях взаимодействие следователя с органами полиции приобретает особое значение. Во взаимодействии как сочетании процессуальной и непроцессуальной деятельности необходимо обязательное соблюдение и реализация двух основных организационно-методических принципов:

- разграничение и кооперация функций следователя и оперативных работников;
- централизация расследования и руководящей роли следователя в нем.

В реализации указанных и иных криминалистических положений взаимодействия имеет значение соблюдение процессуального подчинения. Это – ограниченное рамками отдельного расследования строгое и точное выполнение участниками взаимодействия и всего расследования поручений, указаний, постановлений и распоряжений следователя в пределах функций участников.

Таким образом, организация первоначального этапа расследования преступлений состоит в интеллектуальной деятельности по формированию предмета расследования, планированию и практических действиях по созданию условий для качественного производства следственных и иных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Для качественной организации расследования необходимо осуществить следующее:

- целеопределение, включающее построение следственных версий, выведение исчерпывающего перечня логических следствий из каждой версии;
- определение (конкретизация) предмета расследования – системы обстоятельств, подлежащих доказыванию и промежуточных фактов, обосновывающих эти обстоятельства;
- планирование расследования, формирование расследования как деятельности, как системы, включающей взаимосвязанные подсистемы процессуальной деятельности по собиранию доказательств и доказыванию; по поиску и получению

ориентирующей информации и использование специальных знаний в расследовании.

Литература:

1. *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики. М., 1979. Т. 3. С. 260.
2. *Зеленский В.Д.* О современном состоянии учения об организации расследования преступлений / В.Д. Зеленский // Криминалистические проблемы организации расследования преступлений: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2021. С. 5–6.
3. *Зеленский В.Д.* Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар, 2011. С. 18–19; 51–52; 67.
4. *Исаенко В.Н.* Цифровые технологии в криминалистической методике расследования преступлений / В.Н. Исаенко // Криминалистические проблемы организации расследования преступлений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2021. С. 77–83.
5. *Корноухов В.Е.* Методика расследования преступлений: теоретические основы. М., 2016.
6. *Куемжиева С.А.* Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. М., 2018. С. 125.
7. *Куемжиева С.А.* Общие положения криминалистической методики / С.А. Куемжиева, В.Д. Зеленский. Краснодар, 2015. С. 26–27; 50–52.
8. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. М. : «Юрид. лит.», 1973. С. 140–144.

Качественная организация первоначального этапа способствует реализации целей расследования.

Literature:

1. *Belkin R.S.* Course of the Soviet Criminalistics. M., 1979. Vol. 3. P. 260.
2. *Zelensky V.D.* On the current state of the doctrine of the organization of the investigation of crimes / V.D. Zelensky // Criminological problems of the organization of the investigation of crimes: Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Krasnodar, 2021. P. 5–6.
3. *Zelensky V.D.* Theoretical issues of the organization of the investigation of crimes. Krasnodar, 2011. P. 18–19; 51–52.
4. *Isayenko V.N.* Digital technologies in forensic methodology of investigation of crimes / V.N. Isayenko // Criminological problems of organizing the investigation of crimes. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Krasnodar, 2021. P. 77–83.
5. *Kornoukhov V.E.* Methodology of the investigation of crimes: theoretical foundations. M., 2016.
6. *Kuemzhieva S.A.* Methodology of investigation of crimes against the family and minors. M., 2018. P. 125.
7. *Kuemzhieva S.A.* General provisions of criminalistic technique / S.A. Kuemzhieva, V.D. Zelensky. Krasnodar, 2015. P. 26–27; 50–52.
8. Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure / Editor-in-chief N.V. Zhogin. M. : «Yuridicheskaya literatura», 1973. P. 140–144.

Зяблова Татьяна Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
tizet69@mail.ru

Комарова Яна Бахрузовна

старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический
институт Федеральной службы
исполнения наказаний России
Ya.Ireland@mail.ru

ПРОБЛЕМА

**«ПОЛЬСКИХ ЯКОБИНЦЕВ»
В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ
НАУКЕ**

Аннотация. Статья посвящена одному из практически неизвестных феноменов польской истории XVIII в. – «польским якобинцам». Характеризуя его как многоаспектную проблему в постановочном плане, авторы затрагивают вопрос об обозначаемом его термине, а также пытаются установить статус группы якобинцев и их политические требования. В своем исследовании авторы проводят сопоставление общепринятого представления о якобинцах, сформированного Б. Лесьнодорским в 50–60-е гг. XX в и современную трактовку проблемы, выражаемую П. Угневским. Актуальность темы статьи обусловливается тем, что ее изучение способствует дополнению исторического знания об эпохе польского Просвещения, о становлении моральных и общественных ценностей и, опосредованно, объяснению особенностей самосознания и самоидентификации поляков, детерминирующих их отношение к русским и русской истории.

Ключевые слова: интеллигенция, Кузница Коллонтая, польские якобинцы, разделы Польши, французская революция, якобинство.

Французская революция XVIII в., была одним из тех значительных событий, которые отразились на истории других европейских государств, в том числе Польши, находившейся в то время в трудной ситуации. В частности, это проявилось в том, что в Речи Посполитой, находившейся в то время в трудной ситуации, государства-участники разделов видели проявления якобинства.

Tatiana E. Zyablova

Candidate of Law,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia
tizet69@mail.ru

Yana B. Komarova

Senior Lecturer of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia
Ya.Ireland@mail.ru

THE PROBLEM

**OF THE «POLISH JACOBINS» IN POLISH
HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE**

Annotation. The article is devoted to one of the virtually unknown phenomena of the Polish history of the XVIII century – the «Polish Jacobins». Describing it as a multidimensional problem in terms of formulation, the authors touch upon the question of the term denoting it, and also try to establish the status of the Jacobin group and their political demands. In their study, the authors compare the generally accepted idea of the Jacobins, formed by B. Lesnodorsky in the 50–60s of the twentieth century and the modern interpretation of the problem expressed by P. Ugnevsky. The relevance of the topic of the article is due to the fact that its study contributes to the addition of historical knowledge about the era of the Polish Enlightenment, about the formation of moral and social values and, indirectly, to the explanation of the peculiarities of self-consciousness and self-identification of Poles, determining their attitude to Russians and Russian history.

Keywords: intelligentsia, Kollontai Forge, Polish Jacobins, partitions of Poland, French Revolution, Jacobinism.

Изучению этого феномена уделялось очень мало внимания. В настоящее время знания о нем остаются на уровне, достигнутом в единственном, посвященном ему, фундаментальном труде Б. Лесьнодорского «Польские якобинцы: страница истории восстания 1794 года», изданном в 1960 г. [3], хотя, продолжение исследования могло бы способствовать решению целого ряда проблем польской истории, связанных с эпохой

Просвещения, становлением польской интеллигенции, формированием моральных и общественных ценностей и, в конечном итоге – объяснению особенностей самосознания и самоидентификации поляков, в свою очередь детерминирующих их отношение к русским и русской истории.

В российской справочной литературе практически неизвестный феномен «польских якобинцев» определяется довольно лаконично как «революционная группа радикальной настроенной части польской интеллигенции, призывавшей использовать опыт французской революции» [1].

В польском «Словаре истории Польши» 1973 г., наиболее общие сведения о якобинцах, называемых также гугонистами по имени возглавлявших их Г. Коллонтая, позволяют сформировать представление о радикальной группе сторонников революционных общественных перемен, действующей с 1793 по 1796 гг., требующей полного права и ограничения привилегий церкви, а в период восстания Т. Костюшки – установления республики и наказания предателей нации.

После революционных событий в Варшаве в 09 мая и 28 июня 1794 г. клуб якобинцев был распущен. Впоследствии, часть их участвовала в других оппозиционных группировках, а некоторые – занимали посты в правительственных органах Княжества Варшавского. На некоторое время их деятельность возобновилась во время ноябрьского восстания [4, с. 142.].

До последнего времени, сложившаяся под влиянием работы Б. Лесьнодорского трактовка идей и деятельности польских якобинцев, разделялась как научным сообществом, так и любителями истории и не вызывали вопросов.

Прежде всего, следует отметить, что сам термин «якобинцы» применительно к польским революционерам без каких-либо пояснений используется в научной литературе в области литературоведения, например, в исследованиях А. Гас и Р. Калеты, посвященных поэзии последней трети XVIII в.

Якобинским клубом названа группа Г. Коллонтая в тексте на мемориальной доске, помещенной на Дворце министра финансов в Варшаве в 1952 г.

Таким образом, создается впечатление от злоупотребительности данного термина и, соответственно, общего признания без каких-либо оговорок существования политической группировки, разделяющей идеи французских якобинцев, в Польше.

Однако в 2020 г. профессором Института истории Варшавского университета П. Угневским была высказана точка зрения во многом, не совпадающая с принятой ранее. П. Угневский отмечает, что само явление «якобинцев» следует характеризовать как, выражаясь современным языком, виртуальное. Он полагает что, термин для его обозначения был введен Б. Лесьнодорским для

обозначения группы людей-представителей интеллигенции, связанной с польским Просвещением, по аналогии с французскими якобинцами [2]. Б. Лесьнодорский, в свою очередь, упоминает о том, что термин «якобинцы» был перенесен на польскую почву Екатериной II, которая использовала его как аргумент при проведении двух последних разделов [3, с. 13].

Однако следует различать якобинство как теоретические воззрения, оцениваемые в Польше как «французская зараза», и якобинцев как членов политической организации.

По мнению П. Угневского, применительно к Польше термин «якобинцы» не является научным историческим понятием, а само слово «якобинство» воспринимается, скорее, как уничижительное, как обвинение. Более того, при всем желании «якобинцы» вряд ли бы, так себя называли, поскольку в то время это было слишком рискованно

Причиной, по которой, Б. Лесьнодорский использовал термин «якобинцы», было стремление создания генеалогии польской леворадикальной интеллигенции, повышение авторитета левых идей в Польше XX в. посредством соотнесения их с французской революцией. В первой половине XX в., когда автор проводил исследования, этому способствовала политическая конъюнктура [2].

Практически неисследованной проблемой является определение статуса группы, именуемой «польскими якобинцами»: были ли они политическим клубом, группировкой или «левым крылом патриотического движения»?

П. Угневский, выражая мнение современных польских историков, полагает, что, в отличие от якобинцев французских, польские не являлись политическим клубом, поскольку эта группа интеллигенции была немногочисленна, хотя и относительно однородна в идеологическом и политическом отношении. Их собрания не были регулярными и происходящее не протоколировалось. По причине отсутствия достаточной историко-историографической базы трудно четко определить статус, так называемой, Кузницы Коллонтая. Несколько или несколько десятков человек встречались неформально, темы и содержание их дискуссий точно не установлены. На основании анализа их писем и публицистики можно лишь судить о том, что они обсуждали те же идеи, что и французские революционеры, мировоззрение которых сформировалось под влиянием произведений Вольтера и Руссо. Но в этом они были не уникальны, поскольку ту же литературу читали и консервативно настроенные политики, в том числе, и король Станислав Август.

Таким образом, «польские якобинцы» до сих пор остаются интригующим историческим феноменом, требующим специального исследования в силу сосредоточения в себе многих проблемных вопросов из таких областей историко-правового знания, как история государства и права и история политико-правовых учений Польши. Полагаем, что, несмотря на немногочисленность

источников, можно воссоздать объективную картину образа мыслей и деятельности людей – политических деятелей, публицистов и писателей,

Литература:

1. Большая советская энциклопедия : в 30 т. 3-е изд. / Глав. ред. А.М. Прохоров. М. : «Советская энциклопедия», 1969–1978. URL : dic.academic.ru (дата обращения 01 июня 2022).

2. Hugo Kołłątaj i jakobini polscy. Rozmowa z Piotrem Ugniewskim // Portal internetowy Teologia Polityczna. 03.30.2020. URL : teologiapolityczna.pl (дата обращения 2 июня 2022).

3. *Leśnodorski B.* Polscy jakobini. Karta z dziejów insurekcji 1794 roku. Warszawa : Książka i wiedza, 1960. 680 p.

4. Słownik historii Polski / Kom. red. Tadeusz Łepkowski. 6. wyd. Warszawa : Wiedza powszechna, 1973. XIII. 941 p.

призывавших мобилизовать все силы для борьбы за независимость.

Literature:

1. The Great Soviet Encyclopedia : in 30 vol. . 3rd ed. / Editor-in-chief A.M. Prokhorov. M. : «Soviet Encyclopedia», 1969–1978. URL : dic.academic.ru (date of the application June 01, 2022).

2. Hugo Kołłątaj and the Polish Jacobins. Conversation with Piotr Ugniewski // Internet portal Teologia Polityczna. 03.30.2020. URL : teologiapolityczna.pl (date of the application June 2, 2022).

3. *Leśnodorski B.* Polish Jacobins. A charter from the history of the insurrection of 1794. Warsaw : Book and knowledge, 1960. 680 p.

4. Dictionary of Polish history / Com. edited by Tadeusz Łepkowski. 6. ed. Warsaw : Wiedza powszechna, 1973. XIII. 941 p.

Курбатова Светлана Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры,
Красноярский государственный
аграрный университет
sveta_kurbatova@mail.ru

Svetlana M. Kurbatova

Candidate of Law Science,
Associate Professor,
Krasnoyarsk State Agrarian University
sveta_kurbatova@mail.ru

**О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЛИЦ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД
С 1960 ПО 1990 ГГ.**

**ON THE LEGAL STATUS OF PERSONS
WITH DISABILITIES IN THE CRIMINAL
PROCEEDINGS OF THE SOVIET STATE
IN THE PERIOD FROM 1960 TO 1990**

Аннотация. В статье анализируются нормы советского уголовно-процессуального законодательства периода 1960–1990 г.г. Рассматриваются вопросы, связанные с правовым регулированием особенностей участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями в обозначенные годы. Автором представлена характеристика особенностей правового статуса лиц, которые в силу возраста, болезни и иных причин имеют ограниченные возможности в самостоятельном осуществлении своего полноправного участия в уголовном судопроизводстве того периода.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, ограниченные возможности, процессуальный статус, советское государство, право.

Принятие и вступление в силу Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. [1] ознаменовало новый этап гуманизации советского уголовного судопроизводства, отраженный в некоторых положениях ранее действовавших нормативных правовых актов источников этой отрасли права. Данный кодекс вывел правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений на новый, более высокий, уровень, отразив в своем содержании накопленный теоретический и практический опыт в данной сфере; причем, это наблюдается во всем периоде его действия и внесения в него соответствующих изменений и дополнений. Это наблюдается и на примере института участников уголовного судопроизводства:

– среди обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, ст. 5 УПК РСФСР 1960 г. изначально содержится норма, по которой лицо (несовершеннолетний), не достигшее к моменту совершения преступного деяния возраста уголовной ответственности, не подлежит привлечению к ней (п. 5), а с законом 1996 г. появилось положение про то, что дело подлежит прекращению и в отношении несовершеннолетнего,

Annotation. The article analyzes the norms of the Soviet criminal procedure legislation of the period 1960–1990. The issues related to the legal regulation of the peculiarities of participation in criminal proceedings of persons with disabilities in the designated years are considered. The characteristics of the features of the legal status of persons who, due to age, illness and other reasons, have limited opportunities in the independent exercise of their full participation in criminal proceedings of that period are presented.

Keywords: participants in criminal proceedings, limited opportunities, procedural status, soviet state, law.

который достиг данного возраста, «но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими»;

– Ст. 8 регламентировала основание и порядок прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия: этим полномочием наделялись суд, прокурор, а также следователь с согласия прокурора, если несовершеннолетним было впервые совершено преступление небольшой или средней тяжести и если будет признано, что его исправление может быть достигнуто посредством применения к нему таких мер (контроль за исполнением данной меры несовершеннолетним возлагался судом на специализированный орган, и в случае ее ненадлежащего исполнения эта мера отменялась, и тогда производство по делу возобновлялось в общем порядке.

– Были закреплены принципы уголовного судопроизводства, отражающие гуманистические ценности в его началах:

- неприкосновенность личности (ст. 11);
- равенство граждан перед законом и судом (ст. 14);
- язык судопроизводства (ст. 17);
- гласность судебного разбирательства, при том, что «по мотивированному определению суда или постановлению судьи по делам о преступлениях лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, по делам о половых преступлениях, а также, по другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц» допускается закрытое (ст. 18);
- всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, включая в том числе запрет применения насилия, угроз и иных незаконных мер (ст. 20) и др.
- Прокурорский надзор за исполнением закона в сфере уголовного судопроизводства, включая обязанность по принятию мер к устранению выявленных нарушений (ст. 25).

– Ст. 34 кодекса, разъясняя содержание ряда используемых в его тексте терминов, в том числе давала определение законным представителям: это «родители, усыновители, опекуны, попечители обвиняемого или потерпевшего, представители учреждений и организаций, на попечении которых находится обвиняемый или потерпевший» (п. 8).

Появилась отдельная, самостоятельная глава – «Участники процесса, их права и обязанности» (гл. 3), содержащая статьи, закрепившие виды участников уголовного судопроизводства, а также, их основные права и обязанности (в УПК РФ 2001 г. это трансформируется уже в отдельный раздел, включающий пять самостоятельных глав, посвященных правовому статусу участников, а также обстоятельствам, исключающим возможность их участия).

В числе норм, отражающих социально-гуманистические идеи, можно выделить следующее.

Ст. 47, перечисляя ситуации, когда к участию в деле допускается защитник, включает в этот перечень, в том числе то, что если в отношении лица назначается судебно-психиатрическая экспертиза, то защитник участвует с момента объявления этому лицу о назначении данной экспертизы.

В этой же статье (в ред. ФЗ от 15.06.1996 г. № 73-ФЗ) указано, кто может быть защитником:

- адвокат по предъявлении им ордера юридической консультации;
- представитель профессионального союза или другого общественного объединения, являю-

щийся защитником, по предъявлении им соответствующего протокола, а также документа, удостоверяющего его личность;

– а по решению суда – близкие родственники, законные представители обвиняемого и другие лица.

В ст. 49 УПК 1960 г. к случаям обязательного участия защитника по-прежнему относится производство по уголовным делам в отношении «немых, глухих, слепых и других лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту», а также, отдельно выделяются дела в отношении «несовершеннолетних» и «лиц, не владеющих языком судопроизводства». И если обвиняемый из числа данных категорий заявит отказ от защитника, то это не является обязательным для суда (следователя, прокурора) (определено в ст. 50 кодекса).

Интересна статья 58 УПК РСФСР 1960 г., которая возлагает на суд, прокурора, следователя, дознавателя обязанность разъяснить лицам, участвующим в деле, их права и обеспечить возможность осуществления этих прав (выд. авт. – С.М.). В УПК РФ 2001 г. это положение станет частью принципа «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» (ст. 11).

В УПК РСФСР 1960 г. также отдельно выделяется глава «Доказательства», в которой содержатся нормы:

- о необходимости установления обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (п. 3 ст. 68, в ред. ФЗ от 12.12.1996 г. № 160-ФЗ);
- о признании не имеющими юридической силы доказательств, полученных с нарушением требований закона (ст. 69);
- оценка доказательств производится по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в совокупности, руководствуясь при этом законом и социалистическим правосознанием (ст. 71).

«Лицо, которое в силу своих физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания», по-прежнему не может быть допрошено в качестве свидетеля (п. 2 ст. 72).

Сохранилась норма, касающаяся обязательного проведения экспертизы, если необходимо определить психическое состояние участника, причём содержание ее расширено – она проводится:

- если есть сомнение в отношении подозреваемого, обвиняемого, когда есть по поводу вменяемости или способности его к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими;

– для определения психического или физического состояния свидетеля или потерпевшего в случаях, когда возникает сомнение в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания;

– для установления возраста обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего в тех случаях, когда это имеет значение для дела, а документы о возрасте отсутствуют (ст. 79).

Среди мер пресечения выделяется специальная мера, применяемая только к несовершеннолетним участникам, при наличии к тому оснований, – отдача под присмотр (ст. 89).

Ст. 142 закрепила, что если лицо в силу физических недостатков не может подписать протокол следственного действия, в котором участвовало, то об этом должна быть сделана отметка в протоколе, заверенная подписью следователя и понятых. А если это обвиняемый, подозреваемый, свидетель или потерпевший, и если речь идет о протоколе допроса, то следователь должен пригласить постороннее лицо, которое с согласия допрошенного лица удостоверит своей подписью правильность записи его показаний. Этот протокол подписывает и следователь, производивший допрос.

В ст. 146 УПК РСФСР 1969 г. сохранилась норма о том, что считается уважительной причиной неявки обвиняемого по вызову следователя болезнь и иные обстоятельства.

В порядке проведения допроса свидетелей, появилось положение, что «вызов в качестве свидетеля лица, не достигшего шестнадцати лет, производится через его родителей или иных законных представителей» (ст. 156), хотя тут же имеется оговорка, что при необходимости допускается и иной порядок.

Отдельно закреплены особенности несовершеннолетнего свидетеля: «При допросе свидетелей в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению следователя и при допросе свидетелей в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет вызывается педагог. В случае необходимости вызываются также законные представители несовершеннолетнего или его близкие родственники. Перед началом допроса этим лицам разъясняются их права и обязанности, что отмечается в протоколе допроса.

Указанные лица присутствуют при допросе и могут с разрешения следователя задавать свидетелю вопросы. Следователь вправе ответить заданный вопрос, однако отведенный вопрос должен быть занесен в протокол. По окончании допроса присутствующие своей подписью подтверждают правильность записи показаний» (ст. 159).

Правила вызова и допроса свидетеля распространяются и на потерпевшего (ст. 161).

Появляется норма, что «в случае психического или иного тяжелого заболевания обвиняемого, удостоверяемого врачом, работающим в

медицинском учреждении», предварительное следствие может быть приостановлено (п. 2 ст. 195), а после выздоровления – возобновлено (ст. 198). Аналогичное положение и относительно возникновения такой ситуации на стадии судебного разбирательства (ст. 257).

Целая глава в Уголовно-процессуальном кодексе 1960 г. посвящена надзору прокурора за исполнением законов при производстве дознания и предварительного следствия (гл. 18).

В правовом регулировании производства по уголовным делам на судебных стадиях можно отметить наличие ряда принципов в главе 21 «Общие условия судебного разбирательства»:

– непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства (ст. 240), равенство прав участников (ст. 245) и др.;

– обязанность суда разъяснить участникам их права (ст. 273–275), рассмотреть и разрешить заявленные ходатайства (ст. 276) и др.

Уделяется внимание допросу несовершеннолетних свидетелей в гл. 23 «Судебное следствие»:

– свидетелям, не достигшим 16 лет, председательствующим должно быть разъяснено значение обязанности свидетелей давать полные и правдивые показания; об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний эти свидетели не предупреждаются, и подписка у них не отбирается (ст. 282).

– При допросе свидетелей в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению суда – и при допросе свидетелей в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет вызывается педагог. В случае необходимости вызываются также родители или иные законные представители несовершеннолетнего. Указанные лица могут, с разрешения председательствующего, задавать свидетелю вопросы.

– Допрос несовершеннолетнего свидетеля, согласно ст. 285, когда этого требуют интересы установления истины, может быть по решению суда проведен в отсутствие подсудимого. После возвращения подсудимого в зал судебного заседания ему должно быть сообщено показание свидетеля и предоставлена возможность задавать вопросы этому свидетелю (это положение с учетом редакции Закона Российской Федерации от 29.05.92 г. № 2869-1).

– Свидетель, не достигший шестнадцати лет, должен быть удален из зала заседания по окончании его допроса, кроме случаев, когда суд «признает необходимым дальнейшее присутствие этого свидетеля» (ст. 285).

В тех случаях, когда во время дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства возникал вопрос о вменяемости подсудимого, суд обязан при постановлении приговора еще раз обсудить этот вопрос. Признав, что подсудимый во время совершения деяния находился в невменяемом состоянии или после совершения

преступления заболел душевной болезнью, лишаящей его возможности отдавать отчет в своих действиях или руководить ими, суд выносит определение в порядке главы 33 УПК РСФСР «Производство по применению принудительных мер медицинского характера» (ст. 305).

В ст. 361 (глава 29 «Исполнение приговора») сохранились положения предыдущего Кодекса о предоставлении отсрочки исполнения приговора в связи с социально значимыми обстоятельствами, но также они были дополнены новыми: «Исполнение приговора об осуждении лица к лишению свободы или исправительным работам без лишения свободы может быть отсрочено при наличии одного из следующих оснований (с учетом редакции Закона РФ от 18.02.93 г. № 4510-1):

1) тяжелой болезни осужденного, препятствующей отбыванию наказания, – до его выздоровления;

2) беременности осужденной или наличия у осужденной женщины детей в возрасте до восьми лет – до достижения младшим ребенком восьмилетнего возраста, кроме осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности (в редакции ФЗ от 21.12.96 г. № 160-ФЗ);

3) когда немедленное отбывание наказания может повлечь за собой особо тяжкие последствия для осужденного или его семьи ввиду пожара или иных стихийных бедствий, тяжкой болезни, смерти единственного трудоспособного члена семьи или других исключительных обстоятельств – на срок, установленный судом, но не более трех месяцев (пункт в редакции Закона РФ от 12.06.92 г. № 2988-1).

Также, появилась самостоятельная статья – «Освобождение от наказания в связи с болезнью» (ст. 362), по которой, с учетом ее редакции Федеральными законами от 21.12.1996 г. № 160-ФЗ и от 07.08.2000 г. № 119-ФЗ, предусматривалось: «В случае, если у осужденного во время отбывания наказания наступило психическое расстройство, лишаящее его возможности осознавать фактический характер своих действий (бездействия) либо руководить ими, судья (мировой судья) по представлению начальника органа, ведающего исполнением наказания, на основании заключения врачебной комиссии выносит постановление о его освобождении от дальнейшего отбывания наказания. Такому лицу суд может назначить принудительные меры медицинского характера или передать его на попечение органов здравоохранения.

При заболевании осужденным во время отбывания наказания иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, судья в порядке, предусмотренном УПК РСФСР, вправе освободить его от дальнейшего отбывания наказания.

Ст. 363 (с учетом ее редакции Федеральным законом от 15.11.1997 г. № 142-ФЗ) предусматривала возможность условно-досрочного

освобождения от отбывания уголовного наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, а в исключительных случаях – в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте от восемнадцати до двадцати лет.

Однако новеллами УПК РСФСР 1960 г. стали две его главы, 32 и 33: «Производство по делам несовершеннолетних» и «Производство по применению принудительных мер медицинского характера».

В этих главах законодатель заложил дополнительные правовые гарантии при расследовании и рассмотрении в суде таких уголовных дел, исходя из понимания их социальной уязвимости по отношению к другим категориям лиц, в отношении которых осуществляется уголовное судопроизводство.

Так, согласно ст. 392, при производстве предварительного следствия и судебного разбирательства по делам несовершеннолетних должностным лицам, в чьем производстве они находятся, необходимо выяснить:

- возраст несовершеннолетнего (число, месяц, год рождения);
- условия жизни и воспитания;
- причины и условия, способствовавшие совершению преступления несовершеннолетним;
- наличие взрослых подстрекателей и иных соучастников.

Если имелись данные об умственной отсталости несовершеннолетнего, не связанной с душевным заболеванием, следовало также устанавливать, мог ли он полностью сознавать значение своих действий.

Для установления этих обстоятельств должны быть допрошены родители несовершеннолетнего, его учителя и воспитатели и другие лица, которые могли дать нужные сведения, а равно истребованы необходимые документы и проведены иные следственные и судебные действия.

В ст. 393 уточнялись обстоятельства того, когда можно было применить в отношении несовершеннолетнего задержание и заключение под стражу – «в исключительных случаях, когда это вызывается тяжестью совершенного преступления»; при том, что содержаться они должны отдельно от взрослых лиц и от осужденных несовершеннолетних.

Ст. 394 УПК раскрывала содержание специальной меры пресечения – присмотр за несовершеннолетним. Отдача несовершеннолетнего под присмотр родителей и других родственников, опекунов, попечителей или иных заслуживающих доверия лиц, а несовершеннолетнего, воспитывающегося в специальном детском учреждении, – администрации данного учреждения состояла в принятии на себя

кем-либо из указанных лиц письменного обязательства обеспечить надлежащее поведение несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого и его явку к лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или в суд.

Если несовершеннолетний участвовал в совершении преступления вместе со взрослыми, дело о нем должно быть по возможности выделено в отдельное производство в стадии предварительного следствия (ст. 396). Но если такое выделение может создать трудности для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, к несовершеннолетнему обвиняемому, привлеченному по одному делу со взрослыми, подлежали применению правила гл. 32 УПК РСФСР.

Отдельного внимания заслуживает ст. 397, регулирующая участие педагога в допросе несовершеннолетнего. Согласно ей, в допросе несовершеннолетнего обвиняемого, не достигшего 16-ти лет, по усмотрению следователя или прокурора либо по ходатайству защитника может участвовать педагог. Участие педагога было возможно и при допросе несовершеннолетнего старше шестнадцати лет, если он признан умственно отсталым.

Участвующий в допросе педагог был вправе, с разрешения следователя, задавать вопросы обвиняемому. По окончании допроса участвовавший в нем педагог имел право ознакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте имеющихся в нем записей. До начала допроса несовершеннолетнего следователь был обязан разъяснить педагогу его права, о чем должна была быть сделана отметка в протоколе допроса.

Согласно ст. 396, при объявлении несовершеннолетнему об окончании предварительного следствия и предъявлении ему для ознакомления материалов дела должен быть допущен законный представитель обвиняемого, если он ходатайствует об этом. Однако у следователя было право не допускать его, если он признает, что это может противоречить интересам несовершеннолетнего.

Законные представители несовершеннолетнего должны были вызываться в судебное заседание, где наделялись правом участвовать в исследовании доказательств, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, что суд разъяснял им при открытии судебного заседания. Они присутствовали в зале судебного заседания в течение всего судебного разбирательства (явка их, по общему правилу, не приостанавливала рассмотрения дела), и при необходимости их могли допросить в качестве свидетелей. Однако если их участие могло причинить вред интересам несовершеннолетнего подсудимого, как и на досудебном производстве, у суда было право устранять таких законных представителей (ст. 399).

В целях усиления воспитательного воздействия судебного разбирательства дела о несовершеннолетнем, суд имел право известить школу или

иное учебно-воспитательное учреждение, в котором учился несовершеннолетний, а также - общественные организации по месту его учебы или работы о времени и месте рассмотрения дела, а если считал нужным, то и вызвать для участия представителя от них (ст. 400).

При постановлении приговора несовершеннолетнему суд, наряду с общими вопросами, перечисленными в ст. 303 УПК РСФСР, был обязан обсудить вопрос об условном осуждении, о назначении наказания, не связанного с лишением свободы, а также, об освобождении от наказания в случаях, предусмотренных ст. 92 Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 401 УПК).

Ст. 402 наделяла суд правом, постановив обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего подсудимого от отбывания наказания и применить к нему принудительные меры воспитательного воздействия, а ст. 402.1 – освободить несовершеннолетнего от отбывания наказания, если при рассмотрении дела о преступлении средней тяжести будет признано, что цели наказания могут быть достигнуты путем помещения несовершеннолетнего, совершившего это преступление, в специальное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение для несовершеннолетних.

Глава 33 УПК РСФСР 1960 г. ввела особое производство по применению принудительных мер медицинского характера.

Данные меры подлежали применению судом к лицам:

- а) совершившим преступные деяния в состоянии невменяемости;
- б) у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания;
- в) совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости;
- г) совершившим преступление и признанным нуждающимися в лечении от алкоголизма или наркомании.

Принудительные меры медицинского характера применялись, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц. Если же лица не представляли опасности по своему психическому состоянию, суд мог передать необходимые материалы органам здравоохранения для решения вопроса о лечении этих лиц или направлении их в психоневрологические учреждения социального обеспечения (ст. 403).

При производстве предварительного следствия по таким делам должны были выясняться, в том числе, наличие у лица, совершившего общественно опасное деяние, душевных заболеваний в прошлом, степень и характер душевного

заболевания в момент совершения общественно опасного деяния и ко времени расследования дела; поведение лица, совершившего общественно опасное деяние, как до его совершения, так и после (ст. 404).

Также, закреплялись нормы, что:

- лицо направлялось на судебно-психиатрическую экспертизу лишь при наличии достаточных данных, указывающих, что именно это лицо совершило общественно данное опасное деяние;
- если в силу психического состояния производство следственных действий с участием лица, совершившего общественно опасное деяние, является невозможным, следователь должен был составить об этом протокол;
- по таким делам участие защитника было обязательным;
- судебное разбирательство происходит с обязательным участием прокурора и защитника;
- в судебном заседании должно быть, в том числе, заслушано заключение экспертов о психическом состоянии обвиняемого и проверены другие обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера;
- при вынесении определения суд разрешает такие вопросы, как:

Совершило ли данное лицо общественно опасное деяние в состоянии невменяемости?

Заболело ли данное лицо после совершения преступления душевной болезнью, лишаящей его возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими? Не является ли это заболевание временным расстройством

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // КонсультантПлюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2916
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

душевной деятельности, требующим лишь приостановления производства по делу? Подлежит ли применению принудительная мера медицинского характера и какая именно (ст. 404–410 УПК РСФСР 1960 г.)?

В дальнейшем, если лицо выздоравливало, суд, по представлению администрации медицинского учреждения, в котором оно содержалось, основанному на заключении комиссии врачей, рассматривал вопрос об отмене или изменении принудительной меры медицинского характера. Те же правила применялись и в отношении лица, заболевшего после совершения преступления хронической душевной болезнью, если было установлено, что это лицо вследствие наступившего изменения в состоянии здоровья не нуждается в дальнейшем применении принудительных мер медицинского характера, хотя и остается душевнобольным (ст. 412).

И хотя УПК РСФСР 1960 г. заметно отличался по количеству содержащихся в нем институтов и качественному их наполнению по сравнению с предыдущими уголовно-процессуальными кодексами, что особенно отразилось в вопросах правового регулирования производства в отношении и с участием ряда социально уязвимых категорий граждан, тем не менее, процессы, начавшиеся с сер. 80-х гг. XX в. в советском государстве, повлекшие политические и экономические изменения 1990-х гг., не могли не отразиться на законодательстве. Сказалось и влияние международного права [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], а также – общемировых ценностей [8; 9; 10], в том числе, и в сфере обеспечения прав человека [11; 12; 13]. Как результат – необходимость обновления уголовно-процессуального законодательства стала очевидной уже к началу 1990-х гг., а после распада СССР и появления вместо РСФСР Российской Федерации – государства с новой формацией, стала закономерной.

Literature:

1. The Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on October 27, 1960) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40. Art. 592.
2. Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome 04.11.1950) // ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160
3. International Covenant on Civil and Political Rights (adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of December 16, 1966) // United Nations website. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
4. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of December 16, 1966) // United Nations website. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml

5. Декларация о правах инвалидов (принята резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи от 09 декабря 1975 г.) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml
6. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995) // Консультант-Плюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6966
7. Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.) // Сайт Организации Объединенных Наций. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
8. *Капитонов Е.А.* Современный фазис понимания соотношения свободы личности и необходимого поведения в обществе и его отражение в международных правовых актах / Е.А. Капитонов // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7. № 2 (26).
9. *Пашенцев Д.А.* Российская правовая традиция перед вызовом глобализации / Д.А. Пашенцев // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 29–32.
10. *Лунеев В.В.* Глобализация мира и наднациональное право / В.В. Лунеев // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2. С. 18–19.
11. *Дорская А.А.* Универсальные международно-правовые стандарты в обеспечении прав человека и правовые традиции России / А.А. Дорская // Юридическая наука. 2016. № 5. С. 133–138.
12. Международная защита прав человека : учебник / А.Х. Абашидзе, А.И. Абдуллин, Е.С. Алисиевич [и др.]. М. : Изд-во РУДН, 2020. 510 с.
13. *Карташкин В.А.* Права человека в системе международной безопасности / В.А. Карташкин // Международный правовой курьер. 2019. № 1(30). С. 48–53.
5. Declaration on the Rights of Persons with Disabilities (adopted by General Assembly resolution 3447 (XXX) of December 09, 1975) // United Nations website. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml
6. The Convention of the Commonwealth of Independent States on Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Minsk on 26.05.1995) // ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6966
7. Convention on the Rights of the Child (adopted by General Assembly resolution 44/25 of November 20, 1989) // United Nations website. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
8. *Kapitonov E.A.* The modern phase of understanding the correlation of individual freedom and necessary behavior in society and its reflection in international legal acts / E.A. Kapitonov // Nauka. Society. State. 2019. Vol. 7. № 2(26).
9. *Pashentsev D.A.* The Russian legal tradition before the challenge of globalization / D.A. Pashentsev // Legal science. 2016. № 1. P. 29–32.
10. *Luneev V.V.* Globalization of the world and supranational law / V.V. Luneev // Russian Journal of Legal Studies. 2015. № 2. P. 18–19.
11. *Dorskaya A.A.* Universal international legal standards in ensuring human rights and legal traditions of Russia / A.A. Dorskaya // Legal science. 2016. № 5. P. 133–138.
12. International protection of human rights : textbook / A.H. Abashidze, A.I. Abdullin, E.S. Alisieich [et al.]. M. : RUDN Publishing House, 2020. 510 p.
13. *Kartashkin V.A.* Human rights in the system of international security / V.A. Kartashkin // International Legal Courier. 2019. № 1(30). P. 48–53.

Лабашева Наталья Александровна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 1,
Кубанский государственный
технологический университет
Labdoc23@mail.ru

Трубчанинова Ирина Ивановна
кандидат педагогических наук
доцент кафедры языкознания
и иностранных языков,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
Svt57@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЮРЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. Эволюция технологии и программного обеспечения, цифровизация языковых средств русского, английского, немецкого, латинского в юрислингвистике является актуальной в процессе сближения с математическими, компьютерными и естественными науками. Задача статьи – рассмотреть функционирование объекта юрислингвистики в процессе цифровизации, в частности, определить роль, место и значение как единого термина в нормативных правовых актах на федеральном уровне; рассмотреть взаимодействие языка и права с позиции научной дисциплины юрислингвистики. Вместе с этим, стоит задача определить может ли лингвистика, в частности юрислингвистика сейчас оставаться чисто гуманитарной наукой? В статье использовались методы анализа, сравнения, обобщения и систематизации данных теоретического материала по проблематике в контексте цифровизации лингвистики. Применялась современная методика и методология юрислингвистических исследований. Всесторонне рассмотренные факты, выявили слабые и сильные стороны, дали глубокое понимание картины мира в эпоху неопределенности. Перспектива изучения данной темы заключается в том, что юрислингвистика занимает совершенно особое место в системе наук, отличаясь по сравнению с другими гуманитарными науками. Тема является предметом научных исследований и рекомендуется преподавателям филологических и юридических факультетов вузов, лингвистам-экспертам, аспирантам и соискателям.

Ключевые слова: цифровизация, юридический, технологии, профессиональный, правоприменительный, юрислингвистика.

Natalya A. Labasheva
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of Department
Foreign Language № 1,
Kuban State Technological University
Labdoc23@mail.ru

Irina I. Trubchaninova
Candidate of Pedagogical Sciences
Associate Professor of Linguistics
and Foreign Languages,
North Caucasian branch
of the Russian State University of Justice
Svt57@mail.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF DIGITALIZATION OF JURISLINGUISTICS

Annotation. Evolution of technology and the software, digitalization of language means of Russian, English, German, Latin in a jurislinguistics is relevant in the course of rapprochement with mathematical, computer and natural sciences. A task of article to consider functioning of an object of a jurislinguistics in the course of digitalization, in particular, to define a role, the place and value as a uniform term in regulations at the federal level; to consider interaction of language and the right from a position of scientific discipline of jurislinguistics. Together with it there is a task to define whether the linguistics can, in particular a jurislinguistics remain now is clean the humanity? In article methods of the analysis, comparison, generalization and systematization of data of theoretical material on a perspective in the context of digitalization of jurislinguistics were used. The modern technique and methodology of jurislinguistics researches was applied. Comprehensively considered facts were elicited weak and strengths, gave deep understanding of a picture of the world during an uncertainty era. The prospect of studying this subject is that the legal linguistics holds absolutely specific place in the system of sciences, differing in comparison with other humanities. The subject is a subject of scientific research and is recommended to teachers of philological and law departments of higher education institutions, linguists experts, graduate students and applicants.

Keywords: digitalization, legal, technologies, professional, law-enforcement, linguistics.

Познание междисциплинарного сближения ведет к поиску новых решений с позиции интеграции. Синтез языка и права лингвоправовой феномен: язык права, юридический язык, как средство выражения воли законодателя, и как средство деятельности. Процесс правовой гармонизации ведет к вопросам межъязыковой коммуникации в сфере права, в свою очередь, именно продукт синтеза юридического и лингвистического аспекта является объектом изучения юрислингвистики. Создание понятного гражданам языка права стало требованием общества и времени и результатом обобщения теоретических и практических научных разработок отечественных и зарубежных ученых.

К задачам юрислингвистики относятся:

- изучение конфликтного функционирования языка;
- соблюдать принципы юридического регулирования языковых конфликтов;
- изучение и практическая разработка юрислингвистических аспектов государственного языка, языковой политики;
- разработка юридического языка (языка закона), способного обслуживать специальную правовую коммуникацию и коммуникацию бытовую. Субъектами последней является народ и государственная власть;
- разработка единых правил судебной экспертизы различных видов;
- терминологическое, и лексикографическое обеспечение юридической деятельности;
- лингвистическое, переводческое и лексикографическое обеспечение юридической деятельности; изучение бытового языко-правового сознания.

Согласно национальному проекту, на период с 2019 по 2024 годы меняются формы передачи информации. Эволюция информационных технологий позволяет обеспечить переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую, что, собственно, и называется цифровизацией. Цифровизация рассматривается как процесс внедрения цифровых технологий во все сферы современной жизни. Сюда можно отнести не только статистические данные, но и любую информацию, которая может обрести цифровую форму[1].

Цели и задачи цифровизации очевидны:

- создание и применение новых подходов различных исследований;
- открыть все больше новых возможностей для удаленной коммуникации, повышения уровня комфорта и скорости при совершении операций.

Использование больших массивов данных требует удобного хранения, обработки, передачи и анализа, имеющейся информации.

Предназначение цифровизации – максимально роботизировать процессы обмена информацией населением. Всесторонняя вовлеченность во все сферы жизни цифровых технологий человеческой деятельности позволяет продемонстрировать новые подходы в решении многих задач в различных научных направлениях. Это коснулось юрислингвистики: традиционно всегда считалось, что юрислингвистика – это гуманитарная наука, однако, сейчас это не совсем так. Под влиянием цифровизации происходит слияние с точными, естественнонаучными и математическими науками.

В.Д. Соловьев выделил три этапа эволюции лингвистики:

1 этап – сближение с естественными науками как результат разработка программного обеспечения первых ЭВМ.

2 этап – интернет.

3 этап – искусственный интеллект Deep Learning [2].

Важность последнего этапа еще предстоит изучить:

- заметно улучшился машинный перевод текстов;
- существует тест GLUE на понимание текстов;
- создан словарь искусственного интеллекта ничем не отличающийся от словаря, созданного людьми, и другие примеры, подтверждающие эволюционные процессы в лингвистике.

Что касается непосредственно юрислингвистики, то и в этом направлении есть особые инструменты, которые повлекут заметные изменения. В частности, уже имеются технологии, которые объединяют понятием «LegalTech» (является заимствованным из английского языка и сокращением от словосочетания legal technology).

Созданное программное обеспечение предназначено для всех видов деятельности, направленной на оказание юридической помощи населению. Это может быть:

- доступ к юридическим данным и их обработку;
- вспомогательные решения;
- материально-правовые решения.

Можно прокомментировать каждую категорию, чтобы:

- уточнить функции вспомогательных инструментов, направленных на обеспечение доступа к юридическим данным, исследованиям и поиск информации;
- улучшить технологии поддержки юридической деятельности, а именно, управление человеческим ресурсом, бухгалтерского учета, выставление счетов и финансирование развития бизнеса.

Категория «материально-правовые решения» предполагает поддержку или даже замену юристов при выполнении конкретных юридических задач. Это означает:

- автоматизированное составление и анализ контрактов;
- электронное обнаружение, онлайн-разрешение споров;
- юридическую аналитику и решения на основе технологии блокчейн [3].

Рынок информационных технологий LegalTech предлагает, в данный момент, сервисы, программы и алгоритмы, успешно действующих автоматизированных юридических процессов:

- справочно-правовые системы;
- экспертно-аналитические системы; системы автоматизации деятельности юридических компаний;
- юридические онлайн-сервисы;
- онлайн-биржи юридических услуг.

Сквозные технологии используются сегодня для имитации мышления и вызывают особый интерес пристального изучения возможностей. При наличии различных технологий нам представляется не менее интересной обработка естественного языка (Natural Language Processing, NLP).

Необходимо понять, что путь к оптимизации процессов во много раз ускоряется при использовании таких инструментов, как приложение лингвистики, статистики и информатики к программам, связанным с устной или письменной речью, включая сленг, региональные диалекты и социальный контекст, способные понимать контракты и дела, самостоятельно исследовать юридические темы и прогнозировать потенциальные результаты.

Исследовательская работа в семантике и прагматике позволит компьютерам «понимать» письменный текст или разговорный язык.

Литература:

1. *Барабаш О.В.* Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы / О.В. Барабаш // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 2(6).
2. *Соловьев В.Д.* Когнитивные исследования. Сборник научных трудов. Вып. 7 / В.Д. Соловьев; Под общ. ред. В.Д. Соловьев. М. : Когито-центр, 2017.
3. *Джихия М.Д.* Роль «LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности / М.Д. Джихия, А.В. Шкаленко, А.А.Джихия // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 114–119. URL : <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-114-119>

Юрислингвистика является, в этом случае, неотъемлемой частью происходящего процесса разработки лингвистических правовых систем для семантического перевода текстов, обработки текстовой юридической информации.

Надо понимать, что любая технология не может создать или заменить процессы, она направлена ускорить, систематизировать, существенно оптимизировать и тем самым открыть новые возможности для правильного определения векторов развития. В современных рыночных условиях отслеживать тренды и адаптироваться к ним означает иметь стратегическое преимущество [4].

Несомненно, обеспечение всего вышеперечисленного требует введение новых профессий, таких как цифровой лингвист, IT-юрист. Регулярная работа в качестве лингвистов-экспертов позволяет им гибко реагировать на любые изменения, как в законодательстве, так и в конкретной практике рассмотрения дел, связанных с анализом конфликтных текстов в суде. Перспективы формирования новой экосистемы профессиональной деятельности с участием не только юристов, но и ученых обуславливают спрос на экспертов в области разработки навыков межотраслевой коммуникации.

Взаимодействие человека и искусственного интеллекта должно быть простым и понятным. Сближение информатики, иностранных языков и математики в процессе эволюции технологии и программного обеспечения, цифровизации языковых средств подтверждает тот факт, что юрислингвистика сейчас не может оставаться чисто гуманитарной наукой. Накопленная методологическая база юрислингвистики достаточно надежна, однако, есть возможность пополнения, углубления и расширения этой базы за счет изучения возникающих правовых и лингвистических явлений.

Юрислингвистика занимает совершенно особое место в системе наук, отличаясь по сравнению с другими гуманитарными науками наивысшим уровнем цифровизации.

Literature:

1. *Barabash O.V.* Yurislilingvistik: sources, problems, prospects / O.V. Barabash // Bulletin of the Penza state university No. 2 (6), 2014
2. *Solovjev V.D.* Cognitive researches. Collection of scientific works. Iss. 7 / V.D. Solovjev; Under a general edition V.D. Solovyov. M. : Kogito-center, 2017.
3. *Dzhikiya M.D.* A role of «LegalTech» in modernization of professional legal activity / M.D. Dzhikiya, A.V. Shkalenko, A.A. Dzhikiya // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2021. № 6. P. 114–119. URL : <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-114-119>

4. *Голев Н.Д.* Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: межвузовский сборник научных трудов / Н.Д. Голев; Под ред. Н.Д. Голева. Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 454 с.

4. *Golev N.D.* Yurisingvistika-9: The truth in language and the right: the interuniversity collection of scientific works / N.D. Golev; Under the editorship of N.D. Golev. Kemerovo; Barnaul : Publishing House of Altai University, 2008. 454 p.

Лаптев Дмитрий Борисович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Западно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия, г. Томск
Lapa612@mail.ru

Dmitry B. Laptev

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law,
West Siberian branch
Russian State University of Justice, Tomsk
Lapa612@mail.ru

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ
И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА**

**ALTERNATIVE AND ADDITIONAL
CRIMINAL LAW MEASURES**

Аннотация. В статье рассматриваются нормы раздела VI УК РФ. Констатируется дискуссионность категории «иные меры уголовно-правового характера» в части понятия, признаков и перечня соответствующих мер. Делается вывод о том, что рассматриваемые меры представлены уголовно-правовыми средствами, применяемыми в дополнение либо в качестве альтернативы реализации уголовной ответственности в форме осуждения виновного, как с назначением наказания, так и без его назначения. Автором предлагаются иные меры уголовно-правового характера законодательно дифференцировать на альтернативные и дополнительные меры.

Annotation. The article considers the norms of section VI of the Criminal Code of the Russian Federation. The discussion of the category «other measures of a criminal law nature» in terms of the concept, signs and the list of relevant measures is stated. It is concluded that the measures under consideration are represented by criminal legal means applied in addition to or as an alternative to the implementation of criminal liability in the form of conviction of the perpetrator, both with and without punishment. Other measures of a criminal law nature are proposed to be legally differentiated into alternative and additional measures.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, уголовная ответственность, альтернативные и дополнительные меры, судебный штраф, конфискация имущества, принудительные меры медицинского характера.

Keywords: other measures of a criminal law nature, criminal liability, alternative and additional measures, a judicial fine, confiscation of property, compulsory medical measures.

Появление в уголовном законодательстве категории «иные меры уголовно-правового характера» как второй колеи правовых последствий общественно опасного деяния привело к наличию не завершенных по сей день дискуссий относительно ее содержания. В частности, А.И. Чучаев, А.П. Фирсова справедливо обращают внимание на «ограниченный гносеологический потенциал» дефиниции «меры уголовно-правового характера» [10, с. 1330–1346]. А.С. Пунигов полагает, что данный термин слишком объемный и потому не позволяет строго определить сферу применения отдельных из них [8, с. 458–466]. Отсутствие единства в понимании «меры уголовно-правового характера» логично предreshает неопределенность и в отношении круга «иных» мер уголовно-правового характера.

мер уголовно-правового в УК РФ не обеспечивает соблюдение требований правовой определенности и однозначности правового регулирования.

Исходя из содержания раздела VI Общей части УК РФ, объединившего такие инструменты, как принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судебный штраф, можно заключить, что вторая колея правовых последствий совершения преступления (общественно опасного деяния) включает меры, применяемые в дополнение либо в качестве альтернативы реализации уголовной ответственности в форме осуждения виновного с назначением, либо без назначения наказания.

Недосказанность законодателя относительно понятия, классификации, целей иных мер уголовно-правового характера обуславливает наличие коллизий в уголовном законодательстве применительно к статусу отдельных уголовно-правовых средств, не являющихся наказанием, но формально не отнесенных к «иным» мерам. Очевидно, что действующий формат изложения иных

Мы сознательно используем формулировку, что иные меры уголовно-правового характера являются альтернативой либо дополнением не наказания, как это преимущественно представлено на страницах юридической печати [9], а именно реализации уголовной ответственности в форме осуждения виновного с назначением либо без назначения наказания. Подобное уточнение считаем существенным, поскольку оно позволяет наиболее полно раскрыть специфику применения

иных мер уголовно-правового характера с учетом положений ч. 5 ст. 302 УПК РФ. К примеру, сказать, что такая мера, как судебный штраф выступает альтернативной именно наказанию будет не совсем точным, поскольку в случае ее не реализации и продолжения уголовного преследования исход дела может заключаться в обвинительном приговоре и без назначения наказания. В частности, при применении принудительных меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ).

Соответственно, принудительные меры медицинского характера могут быть, во-первых, назначены в качестве альтернативы таким формам реализации уголовной ответственности как вынесение обвинительного приговора с назначением наказания либо без его назначения (пункты 2, 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ); во-вторых, могут дополнять объем уголовной ответственности при осуждении виновного (п. а, ч. 1, ст. 99 УК РФ).

Конфискация имущества может быть, во-первых, назначена в дополнение к таким формам реализации уголовной ответственности, как вынесение обвинительного приговора с назначением наказания либо без его назначения (пункты 2, 3 ч. 5 ст. 302 УПК РФ); во-вторых, решение о применении конфискации имущества может быть принято в случае прекращения судом уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям (п. 13 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17) [7]. Во втором случае конфискацию имущества сложно отнести к альтернативной уголовной ответственности мере, поскольку она применяется не вместо уголовной ответственности, а скорее независимо от ее реализации. В случае прекращения уголовного дела (уголовного преследования) конфискация имущества, в большей степени, выступает дополняющим уголовно-правовое воздействие инструментом.

Судебный штраф, в соответствии со ст. 104.4 УК РФ, применяется при освобождении виновного от уголовной ответственности и, соответственно, выступает уголовно-правовой мерой, альтернативной реализации уголовной ответственности в форме вынесения обвинительного приговора как с назначением наказания, так и без его назначения.

Приведенный анализ позволяет выявить отличительные свойства, присущие иным мерам уголовно-правового характера, напрямую указанным законодателем в качестве таковых. Признаками иных мер уголовно-правового характера можно назвать их «дополнительность» либо «альтернативность» по отношению к наказанию (формам реализации уголовной ответственности). Данный вывод вытекает из системного толкования положений уголовного закона, но напрямую не следует из содержания действующего раздела VI УК РФ. Очевидно, что формулировки «иные меры» без какой-либо конкретизации в законодательстве признаков рассматриваемых мер недостаточно для уяснения их сущности. Сложившиеся правила юридической техники предполагают, что правовая терминология должна отвечать

определенным требованиям: точности в обозначении того или иного понятия; единства его восприятия, а также однозначности, краткости, ясности и простоты [4, с. 183–193]. Именно с помощью соотнесения грамматического, логического смысла нормы с ее целью можно добиться того, чтобы правовая форма активно способствовала развитию регулируемых отношений [5, с. 27–28].

Полностью согласны с утверждением профессора В.В. Ершова, что право ничтожно вследствие его неопределенности (*voidforvagueness*); объективная необходимость непрерывного движения от неопределенности права к определенности права обусловлена его социальной природой как равной меры свободы в пределах несвободы, установленной правотворческими органами и лицами для участников динамических правоотношений [3, с. 41].

Движение от неопределенности содержания права к его определенности осуществляется посредством конкретизации [2, с. 32–44]. Правотворческая конкретизация – это объективно обусловленная, закономерная деятельность компетентных органов по установлению норм права, осуществляемая с помощью уменьшения объема понятий общей абстрактной нормы на основе расширения их содержания с целью повышения точности и определенности правовой регламентации общественных отношений [11, с. 85]. В этой связи, мы полагаем, что «абстрактную» регламентацию иных мер уголовно-правового характера важно именно на уровне закона привести в более конкретное состояние. Иные меры уголовно-правового характера необходимо законодательно дифференцировать на альтернативные и дополнительные меры, что обеспечит соблюдение требований правовой определенности и однозначности правового регулирования отношений, связанных с установлением отличных от наказания уголовно-правовых средств, применяемых в связи с совершением общественно опасного деяния. Далее, как нам представляется, фактически, круг альтернативных и дополнительных мер не ограничен напрямую указанными в разделе VI УК РФ правовыми средствами и включает в себя некоторые другие правовые инструменты. В этой связи, важно отграничить от иных мер уголовно-правового характера меры, относящиеся к элементам системы наказаний, освобождения от наказания, освобождения от уголовной ответственности, судимости и др. С нашей точки зрения, все указанные правовые институты пересекаются в общей (рядоположенной) категории «уголовно-правовое воздействие», но имеют принципиальные отличия между собой, в целом, и от иных мер уголовно-правового характера, в частности. Решение этой задачи осложняется тем, что в нормах Общей части УК РФ имеются внутренние противоречия.

Весьма проблематичным является статус условного осуждения, которое, следуя логике законодателя, требуется рассматривать в системе норм, регулирующих порядок назначения наказания. С одной стороны, это справедливо и соответствует положениям ст. 60 УК РФ. С другой стороны, поскольку испытание при условном

осуждении охватывает выполнение осужденным ряда обязанностей, назначаемых судом, правоотношение по исполнению условного осуждения приобретает длящийся характер и сближается с правоотношениями в сфере исполнения наказания. Однако с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ необходимо отметить, что исполнение наказания имеет место только тогда, когда осужденный пребывает в месте отбывания наказания [6]. В силу ст. 74 УК РФ, возможна отмена условного осуждения и обращение приговора к исполнению. Это сближает условное осуждение с правовым режимом отсрочки отбывания наказания, однако, не в полном объеме. При условном осуждении субъект состоит на учете в уголовно-исполнительной инспекции, контролирующей его поведение, и до тех пор, пока он надлежащим образом соблюдает возложенные обязанности, течет испытательный срок. При отсрочке отбывания наказания этого не происходит. Вызывает сомнения статус принудительных мер воспитательного воздействия. Регламентируя их в гл. 14 УК РФ, законодатель исходил, очевидно, из того, что они применимы исключительно к несовершеннолетним субъектам. Это, отчасти, справедливо (хотя ст. 96 УК РФ допускает искусственное «продление» пребывания лица в статусе юридически несовершеннолетнего), однако, не в полной мере учитывает содержание и специфический статус данных мер. Отсутствует баланс между правовой характеристикой судебного штрафа в ст. 76.2 УК РФ как вида освобождения от уголовной ответственности и его статусом как иной меры уголовно-правового характера в главе 15.2 УК РФ. Освобождение от уголовной ответственности в случае возмещения ущерба или иного заглаживания вреда выступает, в данном случае, своеобразной льготой, применяемой судом в тех случаях, когда он признает, что лицо совершило эти действия и тем самым продемонстрировало низкую степень общественной опасности. В то же время, исключительно судебный порядок наложения судебного штрафа ограничивает его от иных видов освобождения от ответственности, применяемых другими субъектами, осуществляющими производство по уголовному делу. Фактически, статус судебного штрафа дифференцирован в рамках двух самостоятельных уголовно-правовых институтов.

Недостаточно ясности относительно критериев соотношения иных мер уголовно-правового характера с некоторыми видами освобождения от наказания (в частности, условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождения от наказания в связи с болезнью и др.), а также, с заменой назначенного наказания более строгим (например, при злостном уклонении от уплаты штрафа, отбывания обязательных или исправительных работ). С нашей точки зрения, дискуссионность рассматриваемого вопроса обусловлена, в том числе, отсутствием «устойчивого» основания отбора иных мер уголовно-правового характера.

Считаем, что нахождению консенсуса в данной научной дискуссии, которая, по справедливой оценке ученых, зашла в тупик [1, с. 96], будет способствовать выработка отличительной системы

признаков альтернативных и дополнительных мер.

Как нам представляется, признаки иных мер уголовно-правового характера проявляются в том, что данные меры:

- установлены уголовным законодательством;
- являются первичными правовыми последствиями совершения общественно опасного деяния;
- применяются в качестве альтернативы либо дополнения реализации уголовной ответственности;
- обладают принудительным потенциалом;
- имеют некарательный характер;
- реализуются вне уголовно-исполнительных отношений.

Сопоставив все имеющиеся уголовно-правовые инструменты с предложенными нами признаками, приходим к следующим выводам.

Альтернативными мерами уголовно-правового характера являются:

- принудительные меры медицинского характера (пункты «б» – «г» ч. 1 ст. 99 УК РФ);
- судебный штраф (ст. 104.4. УК РФ);
- принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ).

Дополнительными мерами уголовно-правового характера являются:

- конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ);
- принудительные меры медицинского характера (п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ);
- возложение обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ст. 72.1 УК РФ).

Таким образом, уголовное законодательство устанавливает два самостоятельных вида иных мер уголовно-правового характера: альтернативные и дополнительные меры. Альтернативные меры уголовно-правового характера есть меры реального либо потенциального государственного принуждения, исключающие реализацию уголовной ответственности в форме осуждения виновного с назначением либо без назначения наказания и применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния. Дополнительные меры уголовно-правового характера есть меры реального либо потенциального государственного принуждения применяются одновременно с реализацией уголовной ответственности в форме осуждения виновного с назначением либо без назначения наказания и в исключительных случаях при освобождении от уголовной ответственности, в связи с совершением общественно опасного деяния.

Литература:

1. Андрианов В.К. Закономерности развития и функционирования системы мер уголовно-правового характера / В.К. Андрианов, Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. 2021. № 7.
2. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения / Н.А. Власенко // Журнал российского права. 2013. № 2.
3. Ершов В.В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» / В.В. Ершов // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции : в 3 ч. М. : РГУП, 2018.
4. Исаенко В.Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций / В.Н. Исаенко // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1.
5. Насырова Т.Я. Телеологическое толкование советского права и нормотворчества / Т.Я. Насырова, В.В. Лазарев // Правоведение. 1988. № 2.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 5-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации // Российская газета. 07 апреля. 2016.
7. Постановление Пленума Верхов. Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 22 июня. 2018.
8. Пунигов А.С. Меры уголовно-правового характера: проблемы определения понятия / А.С. Пунигов // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1.
9. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благгов [и др.]; Отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М. : КОНТРАКТ, 2017. 384 с.; Акутаев Р.М. Судебный штраф как альтернатива уголовной ответственности (уголовному преследованию): компаративистский аспект / Р.М. Акутаев, М.Ю. Юсупов // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 25; Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / И.С. Власов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина [и др.]; Отв. ред. В.П. Кашепов. М. : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018.
10. Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие: сущность и характеристика / А.И. Чучаев, А.П. Фирсова // Lex Russica. 2008. № 6.
11. Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988.

Literature:

1. Andrianov V.K. Patterns of development and functioning of the system of measures of a criminal law nature / V.K. Andrianov, Yu.E. Pudovochkin // Journal of Russian law. 2021. № 7.
2. Vlasenko N.A. Uncertainty in law: nature and forms of expression / N.A. Vlasenko // Journal of Russian law. 2013. № 2.
3. Ershov V.V. Paired categories «certainty of law» and «uncertainty of law» // Certainty and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice: materials of the XII International Scientific and Practical Conference : in 3 vol. M. : RGUP, 2018.
4. Isaenko V.N. State prosecution in the system of criminal procedural functions / V.N. Isaenko // Actual problems of Russian law. 2019. № 1.
5. Nasyrova T.Ya. Teleological interpretation of Soviet law and rule-making / T.Ya. Nasyrova, V.V. Lazarev // Jurisprudence. 1988. № 2.
6. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.04.2016 № 5-P in the case of resolving the issue of the possibility of execution in accordance with the Constitution of the Russian Federation of the decision of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in the case of Anchugov and Gladkov v. Russia in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation // Rossiyskaya gazeta. Apr. 07. 2016.
7. Resolution of the Plenum of Verkhov. Court of the Russian Federation of June 14, 2018 № 17 «On some issues related to the use of confiscation of property in criminal proceedings» // Rossiyskaya gazeta. June 22. 2018.
8. Punigov A.S. Measures of a criminal law nature: problems of defining the concept / A.S. Punigov // Actual problems of Russian law. 2007. № 1.
9. Criminal law of Russia. General and Special parts : textbook / A.A. Aryamov, T.B. Basova, E.V. Blagov, etc.; holes ed. Yu.V. Gracheva, A.I. Chuchaev. M. : CONTRACT, 2017. 384 s; Akutaev R.M., Yusupov M.Yu. Judicial fine as an alternative to criminal liability (criminal prosecution): a comparativist aspect//Russian justice. 2018. № 1. P. 25; Criminalization and decriminalization as a form of transformation of criminal legislation : monograph / I.S. Vlasov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina [et al]; holes ed. V.P. Kashenov. M. : IZiSP, CONTRACT, 2018.
10. Chuchaev A.I. Criminal law impact: essence and characteristic / A.I. Chuchaev, A.P. Firsova // Lex Russica. 2008. № 6.
11. Shmeleva G.G. Specification of legal norms in legal regulation. Lviv, 1988.

Лисица Ксения Эдуардовна
преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
Lisitsa.k.e@mail.ru

Туркулец Валентина Алексеевна
старший преподаватель
кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
Turvalin@yandex.ru

«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ СТИГМАТИЗАЦИИ

■ ■ ■

Аннотация. Сегодня все больший интерес для социально-правовых исследований приобретает феномен «культуры отмены», или «канселинга» (от англ. canceling – отмена, вычеркивание, аннулирование), зародившийся в западном интернет-сообществе в 2014–2016 годах, благодаря движениям «BLM» и «#MeToo», направленным на защиту прав отдельных категорий лиц. В статье авторы размышляют о социальных и правовых аспектах данного феномена, а также, выражают опасения о возможном негативном влиянии канселинга, в частности, на современную молодежь.

Ключевые слова: культура отмены, стигматизация, девиантное поведение, молодежь, институт репутации, «канселинг».

И спокон веков для человека как социального животного одним из наиболее страшных, унижительных и позорных наказаний выступало изгнание из сообщества.

Историческое развитие цивилизаций приводило к появлению новых способов избавления общества от «неудобных» элементов – тех людей, чьи мысли или действия противоречат общепризнанным правилам, моральным и правовым нормам, политическим или идеологическим установкам.

Так, при первобытнообщинном строе было принято просто изгонять человека из племени, что фактически приравнивалось к его казни – выжить в условиях дикой природы в одиночку было практически невозможно. В Древней Греции это был непосредственно остракизм – суд черепков, по результатам которого гражданин полиса лишался данного статуса и высылался за его пределы. В Средние века изгнание стало применяться, как правило, в тех случаях, когда смертная казнь или телесные наказания были по различным причинам нежелательны. Однако применение

Kseniya E. Lisitsa
Lecturer of the Department
of Criminal Law Disciplines,
Far Eastern State Transport University
Lisitsa.k.e@mail.ru

Valentina A. Turkulets
Senior Lecturer of the Department
of Criminal Law Disciplines,
Far Eastern State Transport University
Turvalin@yandex.ru

«CANCEL CULTURE» AS A FORM OF STIGMATIZATION

■ ■ ■

Annotation. The phenomenon of «cancel culture» or «cancelling», which originated in the Western Internet community in 2014–2016 due to the «BLM» and «#MeToo», aimed at protecting the rights of certain categories of people. In the article the authors reflects on the social and legal aspects of this phenomenon, and also express concerns about the possible negative impact of cancellation, in particular on youth.

Keywords: cancel culture, stigmatization, deviant activities, youth, reputation, cancelling.

отдельных видов телесных наказаний (например, клеймения, отрезания конечностей) также приводило к тому, что общество само прекращало контакты с таким лицом, явные внешние признаки наказания которого давали остальным знак о том, что контакты с ним нежелательны или запрещены. Кроме того, широкое распространение стали получать прилюдно исполняемые наказания, связанные с унижением человека: привязывание к позорному столбу, порка, которые сопровождались агрессией со стороны «зрителей» – толпы обычных граждан. То есть, к судилищу над виновным оказывалось причастным и само общество, а не только представители власти в лице, например, палача.

В период Возрождения и Нового времени стали применяться и «более гуманные» способы для привлечения нарушителей к социальной и правовой ответственности. Начинает формироваться институт социального порицания поступков, которые не всегда противоречат закону, но жестко пресекаются обществом. Ярким примером можно назвать прелюбодеяние, наказанием за которое в

молодом американском обществе переселенцев XVIII века выступала, так называемая, «Алая буква», описанная в одноименном романе Натаниэля Готорна – наказание, выраженное в прикалывании на одежду виновного лица специального знака – вырезанной из красной ткани большой буквы «А», символизирующей прелюбодея, нарушителя церковных и моральных норм, запрещающих супружескую измену. Контакты с виновным резко прекращались, а вынужденное общение (для решения бытовых вопросов) сводилось к минимуму и могло сопровождаться явно выраженным негативным отношением к виновному лицу со стороны окружающих.

Таким образом, в обществе постепенно формировался институт социального осуждения, который получил интересное воплощение в форме товарищеских судов в СССР во второй половине XX века. Однако в отличие от наказания, стигматизации и позора, данный суд, являясь одним из элементов построения и поддержания социалистической идеологии, имел целью не наказать виновного, а помочь оступившемуся члену советского общества вернуться на «путь истинный», признать свои ошибки, перевоспитаться и вернуться к совместному построению коммунистического общества. К сожалению, данный положительный опыт социального воздействия был практически забыт после распада СССР [8].

Ускорение развития мирового сообщества в эпоху бурного внедрения современных коммуникационных технологий 2000-х годов, переход к постиндустриальному обществу и повышение благосостояния в отдельных странах позволило обратить внимание на необходимость решения проблем, которые раньше по различным историческим, политическим, экономическим причинам отвергались или отодвигались на задний план. Внимание уделяется, в частности, проблемам защиты прав отдельных категорий лиц, чьи права во вроде бы равноправном обществе ущемляются: женщин, представителей ЛГБТ, лиц с особенностями психического или физиологического развития и др. Именно такие движения и породили феномен «культуры отмены».

Термин «отмена» (от англ. *cancel* – отмена, вычеркивание) в значении «общественное порицание, прекращение контактов, творческого и профессионального взаимодействия и т.п. с лицом, нарушившим чьи-то права действием или словом» впервые был использован в 2014 г. в рамках распространения общественного движения за права женщин и их защиту от сексуального домогательства #MeToo. Так, например, в социальных сетях Twitter и Facebook в 2014 г. стали распространять хэштег #cancelColbert, призывающий к «отмене» телеведущего Стивена Колберта и его юмористического шоу, в котором неоднократно звучали шутки, имеющие расовый или сексистский характер.

Объектами «отмены», как правило, становятся публичные личности, а иногда – и целые компании, корпорации и бренды. Причиной могут стать отдельная фраза, позиция или действие, которое, по мнению интернет-сообщества, нарушает чьи-

либо права, оправдывает насилие, носит дискриминационный характер или иным образом вызывает негодование публики. Так, жертвами «отмены» уже стали:

- создательница серии книг о Гарри Поттере Джоан Роулинг – за её высказывание в Twitter о биологических женщинах, гендерах и присущих им физиологических особенностях, которое было агрессивно воспринято пользователями, относящими себя к транс-сообществу;
- американский рэпер Тревис Скотт – за плохую организацию его концерта, которая привела к давке и гибели нескольких десятков людей;
- известный актёр Джонни Депп – за неподтвержденные обвинения в домашнем насилии со стороны бывшей супруги; и другие [4–6].

Постепенно это явление стало проявляться и на просторах российского сегмента интернета. Согласно показателям Google Trends за 2020–2021 гг., стабильный интерес российского интернет-сообщества к данной теме стал отмечаться, начиная с первой половины 2020 года [9]. Именно тогда одним из первых объектов российского канселинга стала популярная телеведущая, блогер и певица Регина Тодоренко – за её неоднозначные высказывания, направленные против жертв домашнего насилия в одном из интервью, а также, последовавшие за ним попытки оправдаться перед своими зрителями [3]. Однако стоит отметить, что в России «отмена» пока не носит тотальный характер, в связи с чем, Р. Тодоренко все-таки удалось, отчасти, восстановить репутацию и провести общественно полезную «работу над ошибками» – она сняла документальный фильм о жертвах домашнего насилия, направленный на широкое освещение данной проблемы и поиски путей ее решения, тем самым «загладив вину» перед жертвами домашнего насилия [1].

«Отмена» носит быстрый, стихийный характер, что объясняется скоростью распространения информации в интернете, особенно если она затрагивает какую-либо актуальную повестку (бодипозитив, права меньшинств, домашнее насилие и др.) [5]. Публичному человеку достаточно сделать одно неосторожное заявление во время онлайн-трансляции или в «сторис» в соцсети, чтобы спустя пару часов весь мир был готов его «запретить».

Феномен «культуры отмены» постепенно завоевывает интерес российских ученых, поскольку вызывает ряд опасений в безопасности и адекватности его существования. Мы допускаем, что «канселинг» изначально был призван стать формой общественного порицания и способом привлечения к ответственности перед обществом тех лиц, чьи поступки противоречат интересам общества, но по каким-либо причинам не могут служить основанием для привлечения к юридической ответственности, предусмотренной нормами права. Однако та форма, в которой он проявляется, в реальной жизни несет в себе больше вреда, чем общественной пользы.

«Культура отмены» предполагает социальную «отмену» человека (компании, бренда – любого участника публичных отношений) при совершении каких-либо аморальных действий (в том числе выраженных в словесной форме), противоречащих интересам общества. Несмотря на его пол, возраст, благосостояние, статус и заслуги, с ним разрываются социальные и профессиональные контакты, коммерческие отношения, предаются запрету или забвению результаты труда и т.п. При этом лица, отказывающиеся поддержать «отмену» и продолжающие взаимодействие с этим лицом, сами могут подвергнуться осуждению. «Канселинг» без суда и следствия, по желанию толпы, посчитавшей действия человека оскорбительными для неё, клеймит человека как виновного и устраняет его из социума.

Так, в своей книге «Как разговаривать с сумасшедшими» Марк Гоулстон приводит примеры того, как неосторожное поведение в виртуальной среде может уничтожить карьеру и социальные связи, и показывает, как усложняются правила соблюдения личных границ, обсуждения «острых» вопросов [10]. Многие аспекты, которые раньше были обыкновенным объектом обсуждения, оказываются табуированными, что всячески усложняет коммуникацию. Любой контакт превращается в своеобразное хождение «по лезвию бритвы», в котором стороны боятся лишней раз сказать лишнее слово, из-за которого в одиночку можно лишиться всего и даже стать жертвой.

Учитывая специфику существования данной «культуры» в интернет-пространстве, можно заметить, что формой её проявления выступает кибербуллинг – массовая травля в социальных сетях и иных формах интернет-коммуникации [7]. Парадокс заключается в том, что, зачастую, сторонниками публичной «отмены» тех, чьи взгляды противоречат их собственным, являются те же люди, которые борются против интернет-травли и выступают в защиту прав отдельных категорий лиц.

В связи с вышесказанным, можно признать, что «канселинг» является опасной современной формой социальной стигматизации, которая может в одночасье лишить человека его жизни: карьеры, друзей и сторонников, семьи, средств к существованию, что является крайне негуманным, несправедливым и неадекватным способом призвать его к ответственности за деяния, зачастую даже не являющиеся правонарушением.

Хотелось бы отметить правовые и социальные риски «культуры отмены».

Во-первых, жертва «канселинга» практически не имеет возможности объяснить свою позицию, поскольку любые попытки оправдания воспринимаются толпой как признание вины, что только подогревает агрессию со стороны сторонников

Литература:

1. «А что я сделала, чтобы помочь?» / О проблеме домашнего насилия // YouTube.com. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=LlqhcVakm6l&a>

публичного самосуда. Таким образом, жертва «канселинга» фактически лишается возможности защиты. Кроме того, это делает невозможным решение спорных или конфликтных ситуаций мирным путем посредством переговоров, потому что объекта «отмены» фактически лишают права слова.

Во-вторых, сторонники «культуры отмены» считают, что человек, проявивший недостойное поведение или высказавший противоречащее позиции большинства мнение, достоин не только персонального бойкота, но и запрета всех результатов его деятельности. Так, например, «отменяя» Джоан Роулинг, интернет-пользователи массово записывали видео, на которых выкидывали, рвали или уничтожали произведения автора или зачеркивали ее имя на обложках книг. Это влечет к нивелированию, обесцениванию положительного культурно-исторического, политического, экономического и иного вклада данного человека (компании) в развитие общества.

В-третьих, «культура отмены» может выступать инструментом социальной манипуляции и политической борьбы, а также, инструментом удержания или приобретения власти недобросовестными членами общества, формирования нужного общественного мнения.

В-четвертых, «канселинг» способствует разжиганию социальной вражды и ненависти к отдельной личности, группе лиц, организациям, обозначенным в качестве объекта «отмены», в том числе, посредством кибербуллинга.

В-пятых, такая культураспособствует формированию социума, не готового к компромиссу и дискредитирующего всех, кто готов вступить за объект «отмены».

В-шестых, данное явление нарушает основополагающие принципы защиты прав и свобод человека: принцип презумпции невиновности и принцип законности, соразмерности, разумности и справедливости наказания.

Любопытно, что Интернет как глобальная информационно-коммуникационная сеть, созданная, чтобы дать возможность людям на всей планете свободно выражать свои мысли и обмениваться любой информацией, в итоге, становится местом для распространения «культуры отмены» как формы современного остракизма и жесткой социальной цензуры, объектами которой, по сути, выступают отдельные личности.

На наш взгляд, данный феномен является спорным и сложным явлением, которое требует дальнейшего подробного изучения с целью разработки подходов для предотвращения его негативного влияния на современное общество.

Literature:

1. «What have I done to help?» / About the problem of domestic violence // YouTube.com. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=LlqhcVakm6l&a>

b_channel=РегинаТодоренко (дата обращения 30.01.2022).

2. *Баранова М.В.* Канселинг (cancelculture) как инновационный правовуюльтурный феномен / М.В. Баранова // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 123–128.

3. *Боржонов А.* Регину Тодоренко обвинили в оправдании домашнего насилия. Она извинилась, но Glamour уже лишил её звания «Женщина года» / А. Боржонов // TJournal. URL : <https://tjournal.ru/internet/162202-reginu-todorenko-obvinili-v-opravdanii-domashnego-nasiliya-ona-izvinilas-no-glamour-uzhe-lishil-ee-zvaniya-zhenshchina-goda> (дата обращения 28.01.2022).

4. *Быков И.А.* Культура отмены в политическом дискурсе современной России / И.А. Быков, Ю.Д. Ахмедова // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 14–26.

5. Культура отмены (Cancelculture) – что это такое и почему стирают знаменитостей // Что такое.NET. URL : <https://chto-takoe.net/chto-takoe-kultura-otmeny-cancel-culture> (дата обращения 28.01.2022).

6. *Лейзаренко Д.* Способ привлечь знаменитостей к ответственности или травля: что такое cancelculture и не зашла ли она слишком далеко / Д. Лейзаренко // TJournal. URL : <https://tjournal.ru/internet/182917-sposob-privlech-znamenitostey-k-otvetstvennosti-ili-travlya-chto-takoe-cancel-culture-i-ne-zashla-li-ona-slishkom-daleko> (дата обращения 30.01.2022).

7. *Мальцева В.А.* Информационная безопасность детей в виртуальном пространстве. Кибербуллинг как стигматизационный фактор / В.А. Мальцева, Н.С. Барей // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1(143). С. 107–110.

8. Положение о товарищеских судах // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL : <https://docs.cntd.ru/document/9056374> (дата обращения 30.01.2022).

9. Cancelculture – динамика популярности в России // TrendsGoogle. URL : <https://trends.google.ru/trends/explore?date=today%205-y&geo=RU&q=cancel%20culture> (date of application 28.01.2022).

10. *Goulston Mark.* Talking to Crazy: How to Deal with the Irrational and Impossible People in Your Life. 2018.

b_channel=ReginaTodorenko (date of application 01/30/2022).

2. *Baranova M.V.* Canceling (cancelculture) as an innovative legal cultural phenomenon / M.V. Baranova / M.V. Baranova // Legal technique. 2021. № 15. P. 123–128.

3. *Borzhonov A.* Regina Todorenko was accused of justifying domestic violence. She apologized, but Glamour had already stripped her of the title of «Woman of the Year» / A. Borzhonov // TJournal. URL : <https://tjournal.ru/internet/162202-reginu-todorenko-obvinili-v-opravdanii-domashnego-nasiliya-ona-izvinilas-no-glamour-uzhe-lishil-ee-zvaniya-zhenshchina-goda> (date of application 01/28/2022).

4. *Bykov I.A.* The culture of cancellation in the political discourse of modern Russia / I.A. Bykov, Yu.D. Akhmedova // Bulletin of the Kabardino-Balkarian State University: Journalism. Education. Literature. 2021. Vol. 1. № 1. P. 14–26.

5. Cancellation culture (Cancelculture) – what is it and why are celebrities being erased // What is .NET. URL : <https://chto-takoe.net/chto-takoe-kultura-cancel-cancel-culture> (date of application 01/28/2022).

6. *Leizarenko D.* A way to bring celebrities to justice or bullying: what is cancelculture and has it gone too far / D. Leizarenko // TJournal. URL : <https://tjournal.ru/internet/182917-sposob-privlech-znamenitostey-k-otvetstvennosti-ili-travlya-chto-takoe-cancel-culture-i-ne-zashla-li-ona-slishkom-daleko> (date of application 01/30/2022).

7. *Maltseva V.A.* Information security of children in the virtual space. Cyberbullying as a stigmatizing factor / V.A. Maltseva, N.S. Barey // Theory and practice of social development. 2020. № 1(143). P. 107–110.

8. Regulations on friendly courts // Electronic fund of legal and normative-technical documents. URL : <https://docs.cntd.ru/document/9056374> (date of application 01/30/2022).

9. Cancelculture – динамика популярности в России // TrendsGoogle. URL : <https://trends.google.ru/trends/explore?date=today%205-y&geo=RU&q=cancel%20culture> (date of application 28.01.2022).

10. *Goulston Mark.* Talking to Crazy: How to Deal with the Irrational and Impossible People in Your Life. 2018.

Некоз Аркадий Сергеевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия
89832494011@mail.ru

Arkady S. Nekoz
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor.
Department of Criminal Law,
The East Siberian branch of the Russian
State University of Justice
89832494011@mail.ru

МЕЛКОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

SMALL-SCALE BRIBERY: LAW ENFORCEMENT ISSUES

Аннотация. Коррупция и коррупционные практики являются одной из самых актуальных проблем современности. Автором рассматривается проблематика установления уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). На основе диалектического, общенаучного и историко-правового методов автор формулирует некоторые предложения по совершенствованию правоприменительной практики в указанной сфере уголовно-правового регулирования.

Annotation. Corruption and corrupt practices are one of the most pressing problems of our time. The author examines the problem of establishing criminal responsibility for a crime under Art. 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal Code of the Russian Federation). On the basis of dialectical, general scientific and historical-legal methods, the author formulates some proposals for improving law enforcement practice in this area of criminal law regulation.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, судебная практика, наказание, квалифицирующие признаки.

Keywords: bribery, corruption, jurisprudence, punishment, qualifying signs.

Коррупция и коррупционные практики являются одной из самых актуальных проблем современности. Государства, как в рамках внутренней политики, так и на международной арене стремятся выработать наиболее действенные механизмы по предупреждению указанных практик и созданию эффективной системы уголовно-правовых запретов.

формируя отрицательную установку, являясь подпиткой для развития правового нигилизма [2].

Не стала исключением и Российская Федерация. В последние годы мы можем наблюдать известные успехи в предупреждении коррупции, но стоит признать, что до создания идеальной системы еще далеко [1]. Одно из приоритетных направлений, на наш взгляд, это работа по уничтожению т.н. «низовой» (бытовой) коррупции, которая в первом приближении размывает тот самый авторитет государственной и муниципальной власти, фактически развращая общество,

Решением указанной проблемы в рамках уголовного права стало появление в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) в 2016 году ст. 291.2, которая установила уголовную ответственность за мелкое взяточничество. Хотя указанный шаг и стоит признать позитивным и направленным на закрытие лагун, которые могли бы использовать преступники, все же стоит признать наличие известных проблем [3; 4; 5; 6, 7].

Стоит отдельно отметить, что в структуре т.н. «коррупционных преступлений» (ст. 290, 291, 291.1 УК РФ) состав мелкого взяточничества занимает лидирующие позиции с точки зрения данных судебной статистики [8].

Таблица № 1

«Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 291.2 УК РФ»

Год	2017	2018	2019	2020	2021
Кол-во осужденных	2495	2408	1884	1622	2144

С одной стороны, нам представляется, что основная задача по борьбе с «низовыми» коррупционными практиками показывает известные успехи; это иллюстрируется вышеприведенными

данными официальной судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. Вместе с тем, стоит признать, что с юридико-технической стороны

конструкция нормы ст. 291.2 УК РФ обладает, как нам кажется, известными дефектами.

Во-первых, законодатель в ч. 1 рассматриваемой статьи объединил самостоятельные по характеру и степени общественной опасности противоправные деяния. Если обратиться к положениям частей первых ст. 290 и 291 УК РФ, мы увидим, что дача и получение взятки по наиболее строгому наказанию в виде лишения свободы отличается: до 3-х и 2-х лет соответственно. Посредничество же (ч. 1 ст. 291.1 УК РФ) наказывается еще строже: до 4-х лет лишения свободы.

Во-вторых, стоит считать грубой технической ошибкой положения ч. 2 ст. 291.2 УК РФ в части вида наказания «исправительные работы». Так, законодатель указал верхнюю границу в 3 года, тогда как положения Общей части УК РФ устанавливают такой предел в 2 года.

В-третьих, представляется, что ч. 2 ст. 291.2 УК РФ также получила неудачную конструкцию. Дело в том, что предложенная формулировка – лицом, имеющим судимость за совершение преступлений – используется в составах статей (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 3 ст. 133, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135,

ч. 2 ст. 204.2, ч. 2 ст. 264.1, ч. 2 ст. 264.2, ч. 1 ст. 284.1), где призвана закрепить устойчивую антисоциальную и преступную установку в поведении лица, что влечет за собой назначение потенциально более строго наказания. В конструкции же ч. 2 ст. 291.2 УК РФ мы видим увеличение верхнего предела наказания в виде лишения свободы: с одного до трех лет (Обратная ситуация же в ст. 204.2 УК РФ. При анализе положений о наказании в рамках данной статьи видно, что по ч. 2 данной статьи появляется уже наказание в виде лишения свободы (до 1 года), что свидетельствует о нарастании репрессии.). Получается, что лицо, которое имеет судимость по ч. 1 ст. 291.2 УК РФ и лицо, имеющее судимость по ч. 5 ст. 290 УК РФ, становятся в равное положение по потенциальной тяжести наказания в виде лишения свободы.

По нашему мнению, решение обозначенных проблем возможно, как в ситуации ординарной законопроектной деятельности в рамках «работы над ошибками», так и через проведение глубокого анализа учета характера и степени общественной опасности при конструировании новых норм об ответственности за коррупционные практики.

Литература:

1. *Гарбатович Д.А.* Проблемы внедрения и соблюдения в России международных антикоррупционных стандартов / Д.А. Гарбатович // Закон. 2022. № 4 (апрель). С. 91–101.
2. *Трунцевский Ю.В.* Бытовая (повседневная) коррупция: понятие и социальное значение / Ю.В. Трунцевский // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 157–168.
3. *Сидоров Б.В.* Мелкое взяточничество или взяточничество небольшой тяжести / Б.В. Сидоров, Д.Р. Ахунов // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 3. С. 73–79.
4. *Гончаров Д.Ю.* Мелкое взяточничество как одно из проявлений бытовой коррупции / Д.Ю. Гончаров, Ж.Е. Зырянова // Виктимология. 2016. № 4(10). С. 46–50.
5. *Гребнева Н.Н.* Мелкое взяточничество: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы квалификации, расследования и рассмотрения в суде / Н.Н. Гребнева // Вестник СурГУ. 2020. № 2(28). С. 17–22.
6. *Киршина Е.А.* Мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ): особенности квалификации / Е.А. Киршина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 257–260.
7. *Жестков К.В.* Проблемы квалификации мелкого взяточничества / К.В. Жестков // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 152–155.
8. Судебная статистика. URL : <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения 02.06.2022). Форма № 10.1.

Literature:

1. *Garbatovich D.A.* Problems of corruption prevention in Russia: implementation and compliance with international anti-corruption standards / D.A. Garbatovich // Law. 2022. № 4. P. 91–101.
2. *Truntsevsky Yu.V.* Petty (Everyday) Corruption: Concept and Social Value / Yu.V. Truntsevsky // Journal of Russian Law. 2018. № 1. P. 157–168.
3. *Sidorov B.V.* Petty bribery or bribery of minor gravity / B.V. Sidorov, D.R. Akhunov // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2021. № 3. P. 73–79.
4. *Goncharov D.Yu.* Petty bribery as one of the manifestations of everyday corruption / D.Yu. Goncharov, Zh.E. Zyryanova // Victimology. 2016. № 4(10). P. 46–50.
5. *Grebneva N.N.* Petty bribery: criminal law and criminal procedure problems of qualification, investigation and consideration in court / N.N. Grebneva // Vestnik SurGU. 2020. № 2(28). P. 17–22.
6. *Kirshina E.A.* Petty bribery (art. 291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): features of qualification / E.A. Kirshina // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (40). P. 257–260.
7. *Zhestkov K.V.* Problems of qualifying petty bribery / K.V. Zhestkov // Bulletin of economic security. 2019. № 3. P. 152–155.
8. Judicial statistics. URL : <http://www.cdep.ru/?id=79> (date of application 02.06.2022). Form № 10.1.

Сагитов Артем Марсович
аспирант по профилю подготовки
«уголовное право и криминология,
уголовно-исполнительное право»,
Юридический
государственный университет
Artem.sagitov.oo@mail.ru

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению практики реализации прогрессивной системы исполнения наказаний в зарубежных странах. В статье рассматриваются особенности прогрессивной системы исполнения наказаний в Англии, Ирландии, Франции, Германии и других странах с целью исследования механизма внедрения механизма облегчения режима содержания заключенных в зависимости от их поведения и срока нахождения в исправительном учреждении. В качестве объектов исследования выступает зарубежная пенитенциарная практика, по результатам изучения которой исследование формирует полную картину реализации прогрессивной системы в разных государствах.

Ключевые слова: прогрессивная система исполнения наказаний, уголовно- правовая доктрина, научные исследования, уголовно-исполнительная практика, научные положения, пенитенциарная система.

Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний зародилась в странах англосаксонской правовой семьи. История применения прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний в иностранных государствах развивается на протяжении нескольких веков. По этой причине, на текущий момент сложилась внушительная зарубежная пенитенциарная практика, рассмотрение которой представляется чрезвычайно важным для сравнительно-правового анализа.

Анализ практики применения прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний предпочтительно начинать с анализа пенитенциарной системы Англии как страны-основателя прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний. Особенность развития прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний Англии, заключается в ее консерватизме. Об этом свидетельствует положительно зарекомендовавшая себя в XIX веке марочная или звездная пенитенциарная система, которая продолжает активно развиваться и сегодня.

Суть современной марочной системы заключается в том, что осужденным присваивается свой класс в зависимости от уровня общественной

Artem M. Sagitov
Postgraduate Student in the Profile
of Training «Criminal Law and Criminology,
Criminal Enforcement Law»,
State University of Law
Artem.sagitov.oo@mail.ru

FOREIGN PRACTICE OF IMPLEMENTING A PROGRESSIVE SYSTEM OF PUNISHMENTS

Annotation. This article is devoted to the study of the practice of implementing a progressive system of execution of punishments in foreign countries. The article discusses the features of the progressive system of execution of sentences in England, Ireland, France, Germany and other countries in order to study the mechanism for introducing a mechanism for facilitating the regime of detention of prisoners, depending on their behavior and length of stay in a correctional institution. The objects of study are foreign penitentiary practice, based on the results of the study of which the study forms a complete picture of the implementation of the progressive system in different states.

Keywords: progressive system of punishment execution, criminal law doctrine, scientific research, criminal-executive practice, scientific provisions, penitentiary system.

опасности совершенного преступления, а также наличия рецидивов.

Итак, первый класс получают осужденные впервые за преступления незначительной общественной опасности.

Второй класс присваивается осужденным, которые ранее были осуждены за преступления незначительной общественной опасности, а также те осужденные, которые по своему моральному облику не достойны быть причисленными к первому классу.

К третьему классу относятся рецидивисты и осужденные за тяжкие преступления, а также лица, которые нарушили общественный порядок после условно-досрочного освобождения.

Наконец, к четвертому классу относят тех заключенных, которые были осуждены за тяжкие преступления на длительный срок, более 10 лет.

Нетрудно заметить, что пенитенциарная система России переняла данный зарубежный опыт, что подтверждается положениями статьи 58 Уголовного кодекса Российской Федерации, предус-

матривающей категории исправительных учреждений, отбывания наказаний в которых назначают в зависимости от степени тяжести совершенного преступления. Аналогичным образом, экстраполируя классы английской марочной системы, в российской пенитенциарной системе можно выделить четыре класса осужденных:

- первый класс (колонии-поселения) – осужденные, совершившие преступления по неосторожности или впервые совершившие преступления небольшой или средней тяжести;
- второй класс (колонии общего режима) – мужчины, впервые осужденные за совершения тяжких преступлений, а также - женщины, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе, при наличии любой разновидности рецидива;
- третий класс (колонии строгого режима) – мужчины, совершившие особо тяжкие преступления, а также при наличии опасного рецидива;
- четвертый класс (колонии особого режима) – мужчины, осужденные к пожизненному лишению свободы или при особо опасном рецидиве.

Несмотря на активно развивающуюся долгие годы марочную систему в Англии, прогрессивная система исполнения уголовных наказаний имеет некоторые проблемы. Иностранцы ученые отмечают, что недостаток марочной системы заключается в отсутствии проработанного механизма социализации заключенных после освобождения. Марочная система сосредоточена на выработке мобильности и стадийности изменения условий содержания заключенного в период исполнения наказания, но не предусматривает постнаказательного периода исправления заключенного.

Проблемы социальной адаптации начали решать в Ирландии и Бельгии путем внедрения системы, так называемого, переходного заключения. При переходном заключении осужденные получали ряд прав, которые позволяли им мобильнее адаптироваться к обществу после освобождения. Например, заключенные получали права выходить на работу без конвоя, получать отпуск и находиться в исправительном учреждении в полусвободном режиме.

Подобные механизмы прогрессивной системы исполнения наказания проявляются и российской уголовно-исполнительной системе. Например, право на отпуск для работающих осужденных, предусмотрено частью 4 статьи 104 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, о внедрении механизма поэтапной социальной адаптации заключенных, срок заключения которых подходит к завершению, могут свидетельствовать положения статьи 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. В данной статье говорится о том, что заключенным, которые положительно характеризуются и проявляют добросовестное отношение к труду, может быть заменен вид исправительного учреждения, в частности, колонии строго и общего

режима могут быть заменены на колонии-поселения, где режим содержания считается относительно свободным.

Стоит отметить, что европейская пенитенциарная система применяет поэтапное изменение строгости содержания осужденного в зависимости от времени нахождения в заключении.

На первом этапе заключенный содержится в наиболее неблагоприятных условиях. Данный период является пробным периодом, при котором заключенный находится в условиях одиночной изоляции.

На втором этапе заключенного переводят на общие условия содержания, при которых он привлекается к труду и освобождается от одиночной изоляции. Затем, на третьем этапе заключения границы свободы в пределах исправительного учреждения начинают расширяться, и заключенный переводится на полусвободный режим, для которого характерен выход на работу без конвоя, общение с другим заключенными и внешним миром.

Наконец, на третьем этапе разрешается вопрос об условно-досрочном учреждении.

Некоторое сходство механизма изменения содержания заключенных можно наблюдать и в российской уголовно-исполнительной системе. Об этом свидетельствуют положения ряда статей уголовного закона. В частности, в статье 79 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрены требования для условно-досрочного освобождения, которые устанавливают возможность его применения только при отбытии части наказания осужденным в зависимости от тяжести совершенного преступления.

Во Франции долгие годы применялась Оборонская система исполнения наказаний, при которой осужденные совместно выполняют трудовые обязанности и работают, но отдельно содержатся в одиночных камерах. Основным критерием для применения прогрессивной системы исполнения наказаний в отношении осужденного является добросовестное выполнение труда и соблюдение требований внутреннего распорядка. При соблюдении данных требований осужденным предоставляются различные льготы, предоставляется возможность для посещения родственников и наконец, рассматривается вопрос об условно-досрочном освобождении.

В Германии также применяется модель поэтапного исправления осужденного. Первые полгода осужденные находятся в наиболее строгих условиях содержания, когда они отбывают наказание в одиночных камерах. Данный этап характерен тем, что администрации исправительных учреждений собирают информацию о заключенном, о состоянии его здоровья, устанавливают психическо-психологические особенности. Для этих целей устанавливается медицинский надзор и воспитательный надзор. Затем происходит оценка показателей эффективности исправления поведения осужденного, после чего он переводится на облегченный режим отбывания наказания и

наконец, может решаться вопрос о возможности условно-досрочного освобождения.

Подобного рода мероприятия предварительного медицинского изучения предусмотрены и в российских исправительных учреждениях. Отличительной особенностью является лишь их кратковременность, если в Германии он составляет 6 месяцев, то в России – 15 суток. Согласно положения пунктов 8 и 9 Приказа Минюста России от 16.12.2016 № 295, осужденные после прибытия в исправительное учреждение проходят комплексную санитарную обработку и размещаются в карантинном отделении, где в суточный срок проходят медицинское освидетельствование, и за ними устанавливается медицинское наблюдение продолжительностью до 15 суток. Вместе с тем, помимо медицинского освидетельствования, осужденные знакомятся с порядком и условиями отбывания наказания, со своими правами и обязанностями, распорядком дня исправительного учреждения, проходят инструктаж о мерах пожарной безопасности, предупреждаются об ответственности за нарушения установленного порядка отбывания наказания.

Американская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний, как и европейские страны, поддерживает разграничение условий отбывания наказаний в зависимости от характера совершённого преступления. В связи с этим, выделяются пять типов исправительных учреждений: спермаксимальный, максимальный, средний, полуоткрытый, открытый.

Высшим уровнем по строгости содержания заключенных является супермаксимальный уровень. Для данного вида исправительного учреждения характерно одиночное содержание заключенных под строгим ежесуточным контролем со стороны администрации учреждения путем личного и видео-наблюдения. В учреждениях подобного типа содержатся рецидивисты, лица, совершившие преступления, которые отличаются особой жестокостью, а также те, кто склонен к побегам.

Литература:

1. *Bassiouni M.C.* Crimes against humanity: historical evolution and contemporary application: Crimes Against Humanity: Historical Evolution and Contemporary Application 2011. P. 84.
2. *Wells L.E.* Patterns of rural and urban crime: a county-level comparison / L.E. Wells, R.A. Weisheit // *Criminal Justice Review*. P. 200.
3. *Rombouts H.* Importance and difficulties of victim-based research in post-conflict societies / H. Rombouts // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2002. Vol. 10. № 2-3. P. 216–232.4. Vol. 29. № 1. P. 20.
4. *Van Zyl Smit D.* The place of criminal law in contemporary crime control strategies / Van Zyl Smit D. //

В исправительных учреждениях максимального типа осужденные не содержатся в одиночных камерах, а преимущественно находятся в коммуникации с другими заключенными. Вместе с тем, в исправительных учреждениях максимального типа осужденным разрешено выходить за пределы камеры, общаться и выполнять работы с другими осужденными.

Средний уровень американской пенитенциарной системы направлен не столько на изоляцию осужденного, а сколько, на общественную ресоциализацию. Путем различного рода обучения заключенные получают возможность участия в социальных мероприятиях и программах. Осужденные, находящиеся в данном виде исправительных учреждений, как правило, не склоны к побегу.

Наконец, учреждения полуоткрытого и открытого типа, главным образом, сосредоточены не на строгой изоляции, а на работе по формированию у заключенных навыков по регулированию поведения, повышению самообладания и повышения чувства ответственности за собственные поступки. В данных типах исправительных учреждений открыт режим, который не предусматривает наличие вооруженной охраны и не предполагает строго режима содержания. В связи с тем, что условия содержания в открытых учреждениях не отличаются абсолютной строгостью, заключенные имеют ряд льгот, в том числе, возможность выбора вида работы (работа на ферме, строительство зданий, дорог, ремонт автомобилей и пр.), а также – возможность получения отпуска после отбытия 75 % срока наказания.

В российской пенитенциарной системе исправительным учреждением с похожим режимом содержания являются колонии-поселения. При этом, учитывая то обстоятельство, что в американских исправительных учреждениях открытого типа, в значительной степени заключенные заняты на различных работах, то можно определить некоторые похожие черты с режимом нахождения на территории исправительных центров при исполнении принудительных работ.

Literature:

1. *Bassiouni M.C.* Crimes against humanity: historical evolution and contemporary application: Crimes Against Humanity: Historical Evolution and Contemporary Application 2011. P. 84.
2. *Wells L.E.* Patterns of rural and urban crime: a county-level comparison / L.E. Wells, R.A. Weisheit // *Criminal Justice Review*. P. 200.
3. *Rombouts H.* Importance and difficulties of victim-based research in post-conflict societies / H. Rombouts // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2002. Vol. 10. № 2-3. P. 216–232.4. Vol. 29. № 1. P. 20.
4. *Van Zyl Smit D.* The place of criminal law in contemporary crime control strategies / Van Zyl Smit D. //

European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. 2000. Vol. 8. № 4. P. 372.

5. *Emmert F.* Administrative and court reform in central and eastern Europe / F. Emmert // *European Law Journal*. 2003. Vol. 9. № 3. P. 300.

6. Приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295 (ред. от 27.06.2019) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL : <http://www.pravo.gov.ru> / Order of the Ministry of Justice of Russia dated 16.12.2016 No. 295 (as amended on 27.06.2019) «On Approval of the Internal Regulations of Correctional Institutions» // *Official Internet Portal of Legal Information*. URL : <http://www.pravo.gov.ru>

7. *Gubanski Ja.* Comparative criminal justice / Ja. Gubanski // *Crime, Law and Social Change*. 2004. Vol. 41. № 1. P. 17.

8. The use of incarceration in the united states / Ja.Austin [et al.] // *Critical Criminology*. 2001. Vol. 10. № 1. P. 29.

European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. 2000. Vol. 8. № 4. P. 372.

5. *Emmert F.* Administrative and court reform in central and eastern Europe / F. Emmert // *European Law Journal*. 2003. Vol. 9. № 3. P. 300.

6. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 12/16/2016 № 295 (ed. dated 06/27/2019) «On approval of the Internal Regulations of correctional institutions» // *Official Internet portal of Legal Information*. URL : <http://www.pravo.gov.ru> / Order of the Ministry of Justice of Russia dated 16.12.2016 No. 295 (as amended on 27.06.2019) «On Approval of the Internal Regulations of Correctional Institutions» // *Official Internet Portal of Legal Information*. URL : <http://www.pravo.gov.ru>

7. *Gubanski Ja.* Comparative criminal justice / Ja. Gubanski // *Crime, Law and Social Change*. 2004. Vol. 41. № 1. P. 17.

8. The use of incarceration in the united states / Ja.Austin [et al.] // *Critical Criminology*. 2001. Vol. 10. № 1. P. 29.

Силкин Артем Михайлович
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет
МВД России
timsil@ya.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К БАЗОВЫМ ПРИЗНАКАМ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 200.4 УК РФ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается необходимость законодательной регламентации понятий государственных и муниципальных нужд в рамках ст. 200.4 УК РФ для однозначного и правильного подхода к квалификации указанного деяния. Автор обосновывается вывод о необходимости дополнить ст. 200.4 примечанием, где следует раскрыть понятия «государственные и муниципальные нужды» с сохранением их в прежней редакции, используемой в Федеральном законе от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ.

Ключевые слова: контрактная система, должностные лица, муниципальные закупки, государственные закупки, криминализация деяний, законодательная регламентация, преступления коррупционной направленности.

В стратегии национальной безопасности Российской Федерации в числе стратегических национальных интересов страны, а также, стратегических национальных приоритетов указано укрепление законности и искоренение коррупции [1].

По оценкам экспертов Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ объем коррупционного рынка при осуществлении государственных закупок составляет 6,6 трлн руб., что эквивалентно трети бюджета России. В среднем, по их расчетам, взятка обходится компании, претендующей на госконтракт, в 22,5 процента его суммы. Для сравнения: 6,6 трлн – это 6,2 % ВВП России (107 трлн руб. за 2020 год), или 35,3 % от доходной части федерального бюджета (18,7 трлн руб.). Объем коррупционных выплат в закупках выше, чем расходы консолидированного бюджета на образование или здравоохранение. С коррупцией при прохождении конкурсных

Artem M. Silkin
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
timsil@ya.ru

CURRENT TRENDS IN LEGISLATIVE APPROACHES TO THE BASIC FEATURES OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CORPUS DELICTI PROVIDED FOR IN ARTICLE 200.4 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: TOPICAL ISSUES FOR PROPER QUALIFICATION

Annotation. The article considers the need for legislative regulation of the concepts of state and municipal needs within the framework of Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation for an unambiguous and correct approach to the qualification of this act. The conclusion is substantiated that it is necessary to supplement Article 200.4 with a note where to disclose the concepts of state and municipal needs while preserving them in the previous version used in Federal Law № 94-FZ of July 21, 2005.

Keywords: contract system, officials, municipal procurement, public procurement, criminalization of acts, legislative regulation, corruption crimes.

процедур сталкивались более двух третей (71 %) поставщиков [2].

Согласно положениям Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», государственные закупки представляют собой совокупность действий, осуществляемых в установленном настоящим Федеральным законом порядке заказчиком и направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд [3]. Согласно данным Всемирного банка, в 2018 г. на государственные закупки пришлось 11 трлн долл. США, что эквивалентно 12 % от общего объема мирового ВВП в 90 трлн долл.

Уголовно-правовая политика государства по противодействию преступлениям в сфере государственных закупок показательно процессом криминализации деяний, совершаемых лицами не являющихся должностными. Так, в рамках

реализации Федерального закона от 23.04.2018 № 99-ФЗ была установлена ответственность за преступления в сфере государственных закупок как для работников заказчика, руководствующегося при закупках Законом № 44-ФЗ, так и для лиц, которые подкупают таких работников в своих интересах. Целью нового закона стало усиление ответственности за нарушения в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд [4]. Таким образом, Уголовный кодекс РФ пополнился новыми статьями 200.4 и 200.5, которые дополнили Гл. 22. Правовой предпосылкой включения указанных статей в Особенную часть УК РФ, послужил вышеуказанный Закон № 44-ФЗ. Однако назвать такой подход законодателя оптимальным вряд ли возможно. Ученые не согласились с включением новых статей в Главу 22 в связи с нарушением принципа системности. И обоснованно предложили, исключив новеллы из Гл. 22, дополнить Гл. 30 УК РФ новыми составами аналогичного содержания [5]. Соглашаясь с мнением автора, по нашему мнению, такой подход был правильным с точки зрения законодательной техники.

Рассматриваемые составы преступлений, согласно Указания Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 г. «О введении в действие перечня статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», были включены в Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности [6].

Содержание Указания свидетельствует о том, что данные деяния являются исключениями, которые хотя и не отвечают указанным признакам коррупционных, перечисленным в п. 1 Перечня, но относятся к таковым в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством, а также, связанные с подготовкой условий для получения должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также – лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного представления такой выгоды [7].

Для обеспечения прозрачности процедур государственной закупки, расширения конкуренции, снижения издержек потенциальных поставщиков законодателем принят Федеральный закон от 31.12.2017 г. № 504-ФЗ, в рамках которого было предложено перевести закупки в электронную форму с начала 2019 года [8].

Следуя по пути дальнейшего совершенствования закона о государственных закупках Президентом РФ В.В. Путиным был подписан Федеральный закон от 02.07.2021 г. № 360-ФЗ явившейся оптимизационным, призванным усовершенствовать закупки, осуществляемые в рамках Федерального закона № 44-ФЗ [9].

Говоря о законодательной трансформации, в рамках которой система государственных закупок динамично совершенствуется и реформируется, тем не менее, необходимо отметить, что действующая на сегодня система мер по противодействию рассматриваемым преступлениям видится недостаточной при реализации мер по их предупреждению для осуществления правильной квалификации и формировании устойчивой судебной практики применения соответствующих уголовно-правовых норм.

Непосредственным объектом ст. 200.4 УК РФ выступает установленный порядок осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Этот аспект общественной опасности и стал определяющим для введения указанной нормы, равно как и для ст. 200.5 в Особенную часть УК РФ.

В качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ, выступают такие категории, как товар, работы и услуги.

Объективная сторона изложена в диспозиции ст. 200.4 УК РФ – это нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

В данном случае, диспозиция ст. 200.4 УК РФ носит исключительно бланкетный характер, отсылая правоприменителя к Федеральному закону от 03 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [10], сменившему Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд».

Базовые признаки понятия рассматриваемого состава, формирующие содержание объективной стороны этого преступления, заложены в вышеуказанном Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Необходимо отметить, что в ранее действовавшем законе содержались понятия государственных и муниципальных нужд. Под первыми понимались обеспечиваемые за счет средств федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников финансирования потребности Российской Федерации, государственных заказчиков в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций и полномочий Российской Федерации, государственных заказчиков (в том числе для реализации федеральных целевых программ), для исполнения международных обязательств Российской Федерации, в том числе, для реализации межгосударственных целевых программ, в которых участвует Российская Федерация (далее, также – федеральные нужды), либо потребности субъектов Российской Федерации, государственных заказчиков в товарах, работах, услугах,

необходимых для осуществления функций и полномочий субъектов Российской Федерации, государственных заказчиков, в том числе для реализации региональных целевых программ (далее, также – нужды субъектов Российской Федерации). Под нуждами федеральных бюджетных учреждений и бюджетных учреждений субъектов Российской Федерации понимались обеспечиваемые федеральными бюджетными учреждениями, бюджетными учреждениями субъектов Российской Федерации (независимо от источников финансового обеспечения) потребности в товарах, работах, услугах соответствующих бюджетных учреждений [11]. Под муниципальными нуждами понимаются – обеспечиваемые за счет средств местных бюджетов и внебюджетных источников финансирования потребности муниципальных образований, муниципальных заказчиков в товарах, работах, услугах, необходимых для решения вопросов местного значения и осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и (или) законами субъектов Российской Федерации, функции и полномочий муниципальных заказчиков. Под нуждами муниципальных бюджетных учреждений

понимались обеспечиваемые муниципальными бюджетными учреждениями (независимо от источников финансового обеспечения) потребности в товарах, работах, услугах данных бюджетных учреждений.

К сожалению, ни новый ФЗ-44, ни ФЗ-360 таких понятий не содержат, что, по сути, не раскрывает уголовно-правовой смысл и не понятен правоприменителю, в связи с чем, возникает вопрос о целесообразности такого законодательного решения для целей уголовного закона.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нет точного понимания всех признаков объективной стороны рассматриваемого состава преступления. По нашему мнению, для однозначного и правильного подхода к квалификации указанного деяния видется необходимым дополнить ст. 200.4 примечанием, в котором раскрыть понятия «государственные и муниципальные нужды» с сохранением их в прежней редакции, используемой в Федеральном законе от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд».

Литература:

1. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Эксперты оценили средний размер откатов при госзакупках. РБК. Экономика. 20 декабря 2021 г. URL : <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51> (дата обращения 05 мая 2022).
3. Ч. 1. п. 3 ст. 3 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок, товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. *Шурпаев Ш.М.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд : дис... канд. юрид. наук. М., 2021. С.14.
6. Указания Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России №1 от 24.01.2020г. «О введении в действие перечня статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности. URL : <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-3511-mvd-rossii/prilozhenie/perechen-n-23-prestuplenii-korrupcionnoi>

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation». Access from help.- the legal system «ConsultantPlus».
2. Experts estimated the average size of kickbacks in public procurement. RBC. Economy. December 20, 2021 Internet resource. URL : <https://www.rbc.ru/economics/20/12/2021/61bc5d059a794770833e7b51> (date of application May 05, 2022).
3. Part 1. Paragraph 3. Article 3 of Federal Law № 44-FZ dated 05.04.2013 «On the contract system in the field of procurement, goods, works, services for State and Municipal Needs. Access from help.- the legal system «ConsultantPlus».
4. Explanatory Note to the Draft Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». Access from help.- the legal system «ConsultantPlus».
5. *Shurpaev Sh.M.* Criminal-legal and criminological characteristics of corruption-related crimes in the field of procurement for state and municipal needs : dis. ... cand. jurid. M., 2021. P. 14.
6. Instructions of the Prosecutor General's Office of Russia № 35/11, the Ministry of Internal Affairs of Russia №1 dated 24.01.2020. «On the entry into force of the list of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting». List № 23 of corruption-related crimes. URL : <https://sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-3511-mvd-rossii/prilozhenie/perechen-n-23-prestuplenii-korrupcionnoi>

7. *Силкин А.М.* Реформа законодательства о государственных и муниципальных закупках как катализатор совершенствования норм уголовного законодательства в рамках статей 200.4 и 200.5 УК РФ в современных условиях.

8. Федеральный закон от 31.12.2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792>

9. Федеральный закон от 02.07.2021г. № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47053>

10. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от «03» апреля 2013 г № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. *Гладких В.И.* Преступление в сфере экономической деятельности / В.И. Гладких, А.К. Есаян. М., 2020. С. 319.

7. *Silkin A.M.* Reform of legislation on state and municipal procurement as a catalyst for improving the norms of criminal legislation within the framework of Articles 200.4 and 200.5 of the Criminal Code of the Russian Federation in modern conditions.

8. Federal Law № 504-FZ dated 31.12.2017 «On Amendments to the Federal Law «On the Contract System in the Field of Procurement of Goods, Works, services for State and Municipal Needs». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792>

9. Federal Law № 360-FZ dated 02.07.2021 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47053>

10. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs: Federal Law № 44-FZ of April 03, 2013. Access from help.- the legal system «ConsultantPlus».

11. *Gladkikh V.I.* Crime in the sphere of economic activity / V.I. Gladkikh, A.K. Yesayan. M., 2020. P. 319.

Скачко Анна Владиленовна

доктор юридических наук,
профессор кафедры организации
финансово-экономического,
материально-технического
и медицинского обеспечения,
Академия управления МВД России
s.matrix@mail.ru

Бадалов Артур Эдуардович

слушатель 1 курса
2 факультета группы 2ГО-2115,
Академия управления МВД России
Artyrm001@yandex.ru

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОГО
УЧЕТА В РОССИИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК СПОСОБ
РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ**

■ ■ ■

Аннотация. В современных условиях бюджетная политика России является одним из ключевых направлений государственной системы управления, в целом. Именно ее эффективность влияет на устойчивость и экономическую безопасность социально-экономического развития государства. В статье рассматриваются исторические аспекты становления и развития бюджетной системы России, так как неотъемлемая часть бюджетной политики государства для усиленного развития общественных отношений в разных сферах жизни общества с учетом ошибок, существовавших на разных этапах развития государства.

Ключевые слова: бюджетный учет, государственные средства, финансы, доходы и расходы, сбор, денежная система, экономическая безопасность.

■ ■ ■

В современных условиях бюджетная политика России является одним из ключевых направлений государственной системы управления, в целом. И именно ее эффективность влияет на устойчивость и экономическую безопасность социально-экономического развития государства.

Изучение исторического опыта является важным условием для успешного развития общественных отношений в тех или иных сферах с учетом ошибок, существовавших на разных этапах развития государства. Так, в частности, необходимым, на наш взгляд, является историко-правовой анализ некоторых аспектов появления и развития

Anna V. Skachko

Doctor of Law,
Professor of the Department
of Organization of Financial,
Economic, Logistical and Medical Support,
Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
s.matrix@mail.ru

Artur E. Badalov

Course 1 Student
2 faculties of the group 2GO-2115,
Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Artyrm001@yandex.ru

**SOME ASPECTS OF THE FORMATION
OF BUDGET ACCOUNTING IN RUSSIA:
HISTORICAL EXPERIENCE AS A WAY
OF RATIONAL USE OF PUBLIC FUNDS**

■ ■ ■

Annotation. In modern conditions, Russia's budget policy is one of the key areas of the state management system, on the whole. It is its effectiveness that affects the sustainability and economic security of the socio-economic development of the state. The article examines the historical aspects of the formation and development of the budget system of Russia, as an integral part of the budget policy of the state for the enhanced development of public relations in various spheres of society, taking into account the mistakes that existed at different stages of the development of the state.

Keywords: budget accounting, public funds, finance, income and expenses, collection, monetary system, economic security.

■ ■ ■

бюджетного права и процесса с учетом проблем бюджетной системы России на различных этапах ее развития, проявляющихся в современных условиях в той или иной степени.

Становление бюджетного процесса в нашей стране имеет богатую историю. Первые упоминания о бюджете как таковом имеются в первые годы правления Романовых.

Для формирования финансовой системы государства была необходима единая стабильная денежная система. Ее создание началось с реформы Е. Глинской 1534 г., в рамках которой был

введен в обращение серебряный рубль и унифицированы разрозненные денежные системы княжеств [1].

В 1656г. правительство начало выпуск медных денег, что привело к высокой инфляции и падению стоимости рубля. Социальный протест против этой меры был обусловлен еще одним обстоятельством: государственные подати должны были по-прежнему уплачиваться в серебряных деньгах. На «медной» афере хорошо заработали приказные дьяки и казна, скупавшая за бесценок у русских купцов экспортные товары и продавая их за границей на золото и серебро. После «медного бунта» в Москве (1662) было восстановлено серебряное обращение, а хождение медных денег прекращено [2].

В XV в. в России начинает складываться двухзвенная бюджетная система унитарного государства, которая состояла из казны и местных бюджетов, которые соответственно формировались за счет княжеских (т.е. государственных) налогов и местных сборов [3].

В конце XVII в. в России впервые возникнет идея составления государственного бюджета. В 1645 г. была составлена смета государственных доходов и расходов по всем приказам с предложением на будущий год. Но это не был в полном смысле слова бюджет, а скорее сумма доходов и расходов всех приказов. Однако ряд ученых считает этот документ первым бюджетом Руси [4]. В городах составлялись городские сметы доходов и расходов. Такая система действовала вплоть до петровских реформ. С этого времени начинается новый этап в эволюции бюджетной системы нашей страны, особенностью которого является становление и развитие практики документального оформления движения государственных финансовых потоков.

Необходимо отметить, что, как такового, бюджетного процесса в дореволюционный период не существовало, но органы, на которые были возложены эти функции, ставшие впоследствии прототипом современной структуры органов, наделенных полномочиями в бюджетной сфере, получили свое первоначальное развитие.

Так, уже в XVII в. из центра в области направляли сведения о суммах, необходимых для перечисления в государственный бюджет. Земские органы распределяли эту сумму по округам, что получило название «разруб».

Анализ исторических документов показывает, что сведения о существовании годовой большой сметы доходов и расходов относятся к первым годам царствования дома Романовых, как мы отметили ранее. Так, в одной грамоте 1623 г. говорится о присылке сметы, «... чтобы затем наша годовая большая смета и приходная и окладная книга не стала» [5].

Рассматривая бюджетные системы в указанные исторические промежутки необходимо отметить, что если в ней в государстве XVII в. преобладали косвенные налоги, то в бюджете петровской

России ведущее место заняли налоги прямые, когда Петр I ввел новую податную единицу – ревизскую душу.

В эпоху Петра I, эпоху больших экономических и политических преобразований, проводились реформы по увеличению доходов казны, создавались особые губернаторские съезды для сокращения местных расходов, чтобы полученными таким путем суммами покрыть государственный дефицит.

В 1717 г. Петром I были учреждены восемь коллегий – государственных органов отраслевого управления. Три коллегии были финансовыми. Главным органом финансового управления была Камер-коллегия. Она занималась вопросами государственных доходов, а также государственных подрядами, соляными промыслами, монетным двором, содержанием городских дорог, снабжением населения хлебом во время неурожая.

Как уже было отмечено, всеми доходами государства ведала Камер-коллегия. Другая финансовая коллегия – Штатс-контор-коллегия ведала государственными расходами и кассами на местах. Ревизион-коллегия осуществляла финансовый контроль за расходованием государственных средств [6]. То есть, можно сказать, что действовала трехуровневая система, предопределяющая финансовый контроль, цель функционирования которой была единой – контроль за расходованием бюджетных государственных средств.

Однако конкретно функции по финансовому контролю осуществлялись Ревизион-коллегией, но функций по исполнению «бюджетных документов», в современном понимании, не выполнялось, в связи с чем, при Екатерине II была учреждена должность Государственного казначея, которому были вменены обязанности по подаче ведомости о доходах, расходах и недоимках, табеля о доходах, расходах, остатках средств.

Эволюция развития государственной системы, сформированной в первой четверти XVIII в., продолжилось и в первой половине XIX в. и происходило в течение всего столетия.

В 1802 г. был принят Манифест об учреждении министерств, который лег в основу начала новой форме отраслевых управленческих органов. В отличие от коллегий, министерства обладали большей оперативностью в делах управления, в них усиливалась персональная ответственность руководителей и исполнителей, расширялись значение и влияние канцелярий и делопроизводства. В 1802г. было образовано восемь министерств: военных сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции, народного просвещения.

08 сентября 1802 г. Манифестом императора Александра I «Об учреждении Министерств» было создано Министерство финансов, которое было обязано ежегодно на основании смет министерств составлять подробную роспись доходов и расходов.

С 1803 г. начали составляться ежегодные государственные бюджеты, представляющие собой росписи доходов и расходов министерств. В 1810 г. был учрежден Государственный Совет, на рассмотрение которого вносились ежегодные сметы государственных доходов и расходов, им рассматривались штаты, устанавливаемые для всех государственных учреждений, он назначал суммы для удовлетворения непредвиденных издержек, встречающихся в течение года, обсуждал способы уравнивания доходов и расходов, устанавливал чрезвычайные финансовые меры, решал ряд других вопросов.

Новым, по существу, стали Министерство внутренних дел и Министерство просвещения. На Министерство внутренних дел, кроме задач по организации и поддержанию общественного порядка, возлагались задачи по управлению государственной промышленностью и строительством.

В задачи министерств входили организация «сношений с местами», подготовка справок о текущих делах и отчетов. Они действовали на основе подготовленных для них инструкций, обобщали проделанную работу и составляли перспективные планы на будущее. Министры ежегодно были обязаны представлять в Сенат отчеты о своей деятельности [7].

Местными учреждениями Министерства финансов в губерниях были казенные палаты и уездные казначейства. В первой половине XIX в. Было проведено пять ревизий (крепостных душ, имущества, сбора налогов, откупов, торговых книг и т.п.).

Главной задачей Министерства финансов явилось упорядочение бюджетного хозяйства, поскольку частым явлением выступали дефициты государственного бюджета.

Необходимо отметить, что составление бюджета как государственной росписи или сметы доходов и расходов началось в России с 1863 г. Этот период совпал с реформами, происходившими после Крымской войны с учреждением специальной комиссии под руководством В.А. Татаринова, который применил в российской практике рациональные основы бюджета, разработанные на Западе. В 1859 г. под его руководством была создана комиссия для составления правил о порядке счетоводства, отчетности и ревизии, которая и осуществила коренную реформу в учете государственного хозяйства. В.А. Татаринов изучал порядок проверки государственной отчетности за границей. Объехав множество европейских государств, он составил пять записок: «Государственная отчетность в Пруссии», «Государст-

венная отчетность во Франции», «Государственная отчетность в Австрии», «Государственная отчетность в Бельгии» и «Хозяйство и отчетность военного министерства во Франции».

Именно с утверждением «правил Татаринова» можно говорить о бюджете в настоящем значении этого слова. Эти правила создали единство бюджета, они предписывали направление кредитов на их прямое назначение (специальность кредита), а неизрасходованных остатков – в общие государственные средства, ограничение сверхсметных кредитов и систему единства кассы, по которой общими приходо-расходчиками всех казенных управлений сделались кассы Министерства финансов. 01 января 1863 г. Татаринов был назначен на должность Государственного контролера, в том же году впервые были применены новые сметные правила.

Один из важных этапов совершенствования бюджетного процесса в дореволюционной России связан с избранием в 1906 г. первой Государственной Думы.

Бюджетная реформа 1862 г. положила начало развитию российского бюджетного законодательства, а принятие Основных Государственных законов 23 апреля 1906 г. (по сути – первого конституционного документа России) и учреждение Государственной думы дали этим процессам сильнейший импульс.

В советский период развития бюджетного дела получило свое дальнейшее продолжение и к результатам предыдущих реформ добавился новый элемент – включение бюджета в систему государственных планов.

Итогом многовекового становления бюджетной системы как таковой и в последствии ее реформирования стало принятие в 1998 году Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ, закрепившего и четко регламентирующего бюджет страны, его доходы и расходы, субъектов данной деятельности, порядок их работы, контроль за выполнением возложенных полномочий на те или иные органы, занимающиеся вопросами бюджета, а также иные положения работы бюджетной системы в целом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реформы, проводимые государством в области бюджета, в истории нашей страны своей главной целью предполагали рациональное использование государственных средств при помощи тех или иных инструментов. В современных условиях эти цели остаются неизменными и обретают особую актуальность в условиях меняющейся экономической реальности.

Литература:

1. Бюджетная система Российской Федерации : учебник / Под общ. ред. Ю.С. Долгановой, Н.А. Истоминой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 356 с. С. 39. *Тимошина Т.М.* Экономическая

Literature:

1. The budget system of the Russian Federation : textbook / under the general editorship of Yu.S. Dolganova, N.A. Istomina. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2019. 356 p. P. 39. *Timoshina T.M.*

история России. М. : Информационно-издательский дом «Флинь», 1998, 432 с. С. 59.

2. *Исаев И.А.* История государства и права России : учебник. 4-е изд., стер. М. : Норма : ИНФА-М, 2019. 800 с. С. 240.

3. Бюджетная система Российской Федерации : учебник / Под общ. ред. Ю.С. Долгановой, Н.А. Истоминой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 39.

4. *Тимошина Т.М.* Экономическая история России. М. : Информационно-издательский дом «Флинь», 1998. С. 59.

5. *Мальцев В.* Финансовое право: учебник для студ. сред. проф. учеб. заведений. 3-е изд., испр. и доп. М. : Издательский центр «Академия», 2008. С. 74; 258 с.

6. *Исаев И.А.* История государства и права России : учебник. 4-е изд., стер. М. : Норма : ИНФА-М., 2019. С. 241.

7. *Исаев И.А.* История государства и права России : учебник. 4-е изд., стер. М. : Норма : ИНФА-М., 2019. С. 374.

Economic history of Russia. M. : Information and Publishing House «Flin», 1998. 432 p. P. 59.

2. *Ilsaev A.* History of the state and law of Russia : textbook. 4th ed., ster. M. : Norm : INFA-M, 2019. 800 p. P. 240.

3. The budget system of the Russian Federation : textbook / under the general editorship of Yu.S. Dolganova, N.A. Istomina. Yekaterinburg : Ural Publishing House. un-ta, 2019. P. 39.

4. *Timoshina T.M.* Economic history of Russia. Moscow: Information and Publishing House «Flin», 1998. P. 59.

5. *Maltsev V.* Financial Law: textbook for students. sred. Prof. studies. establishments. 3rd ed., ispr. And additional. M. : Publishing center «Academy», 2008. P. 74; 258 p.

6. *Ilsaev A.* History of the state and law of Russia : textbook. 4th ed., ster. M. : Norm : INFA-M, 2019. P. 241.

7. *Isaev I.A.* History of the state and law of Russia : textbook. 4th ed., ster. M. : Norm : INFA-M, 2019. P. 374.

Смирнова Анастасия Тельмановна
студентка факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
ekameron@gmail.com

Рябчиков Вадим Вячеславович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
9040315660@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС, ИММУНИТЕТЫ СВИДЕТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. В статье анализируется правовой статус свидетелей в уголовном процессе России, Англии и США, в том числе, особенности положения свидетелей и свидетельского иммунитета в указанных странах. Несмотря на ряд общих черт, правовой статус и иммунитеты свидетелей в России, Англии и США имеют значительные отличия. Во многом это, все-таки, объясняет разность правовых систем: романо-германская в России и англо-саксонская в Англии и США; а также – различный объем регламентации указанных правоотношений.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, свидетельский иммунитет, правовой статус свидетелей, участник уголовного судопроизводства.

Свидетелем, в соответствии со ст. 56 УПК РФ, является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний.

Свидетель как участник уголовного судопроизводства, отмечает А.С. Лекаревой, «играет важнейшую роль в решении одной из приоритетных задач уголовного процесса - установлении истины и восстановлении картины происшествия. В ходе расследования совершенного преступления следователю или дознавателю необходимо не только выявить и доказать все акты и обстоятельства преступления, но и дать им правильную правовую оценку» [4].

Лицо приобретает процессуальный статус свидетеля, а, следовательно, и вытекающие из этого

Anastasia T. Smirnova
Student of the Faculty
of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service of Russia
ekameron@gmail.com

Vadim A. Ryabchikov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service of Russia
9040315660@mail.ru

LEGAL STATUS AND IMMUNITIES OF WITNESSES IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation. The article analyzes the legal status of witnesses in criminal proceedings in Russia, England and the USA, including the peculiarities of the position of witnesses and witness immunity in these countries. Despite a number of common features, the legal status and immunities of witnesses in Russia, England and the USA have significant differences. In many ways, this still explains the difference in legal systems: Romano-Germanic in Russia and Anglo-Saxon in England and the USA; as well as the different scope of regulation of these legal relations.

Keywords: criminal procedure law, witness immunity, legal status of witnesses, participant in criminal proceedings.

права и обязанности, с момента вызова в установленном порядке для дачи показаний дознавателю, следователю или в суд.

Правовой статус свидетеля выражается в совокупности его прав и обязанностей, закрепленных в разных статьях Уголовно-процессуального кодекса. Так, свидетель обязан: явиться по вызову и дать правдивые показания, не разглашать данные предварительного расследования и т.д. В случае, если свидетель уклоняется от явки без уважительных причин, он может быть подвергнут приводу, а также, на него может быть наложено денежное взыскание в соответствии со ст. 117, 118 УПК. За отказ от дачи показаний, за ложную дачу показаний или за разглашение информации о расследовании он может быть привлечен к уголовной ответственности. Права свидетеля также закреплены в УПК РФ и включают в себя право отказаться свидетельствовать против себя и

своих близких, давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, являться на допрос с адвокатом, ходатайствовать о применении мер безопасности и др.

Правовой статус свидетелей в уголовном судопроизводстве зарубежных стран, на примере Англии и США, не сильно отличается от правового статуса свидетелей в РФ. Однако можно заметить несколько значимых отличий. Во-первых, свидетелем в Уголовном процессе этих стран является любое лицо, допрашиваемое по делу. В Российском законодательстве свидетельствование не есть признание лица свидетелем. В англо-саксонском праве к свидетелям относятся «и подсудимый (обвиняемый), и жертва преступления (термин, применяемый в Великобритании и США по отношению к потерпевшим), и, непосредственно, свидетель, и эксперт, а также иные лица дающие показания, например, полицейский, проводивший следственные мероприятия в рамках предварительного расследования» [5].

Также, стоит отметить, что потерпевший (жертва преступления) не является самостоятельным участником процесса, а имеет статус свидетеля обвинения, и к нему применяется те же требования, что и к обычному свидетелю. Во-вторых, существенные отличия наблюдаются в упомянутых ранее, мерах безопасности в отношении свидетелей. В России меры безопасности могут быть применены в случаях, если свидетелю или его близким угрожают убийством, применением насилия или иными опасными противоправными действиями. В качестве таких мер могут выступать: дача показаний под псевдонимом, проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым и т.п. Ряд мер, помимо УПК, предусмотрен также в ФЗ от 20.08.2004 г. № 119 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Однако например, Л.В. Брусницын отмечает, что «при существующей формулировке норм УПК РФ и УК РФ невозможно использовать меры безопасности в случаях, когда преступники или их окружение используют способы воздействия на потерпевших и свидетелей не запрещенные УК РФ: молчаливое преследование на улицах, подбрасывание к жилью трупов животных и многое другое. В достаточно закрытых социальных группах цели воздействия могут достигаться за счет создания атмосферы нарочитого отчуждения вокруг лиц, содействующих правосудию. Посткриминальное воздействие в таких формах не связано с противоправными действиями, но зачастую достигает цели» [2].

По мнению О.В. Журкиной, «данный вопрос намного более детально регламентирован в США. Большой интерес, представляет, например, Федеральная программа по защите свидетелей, осуществляемая с 1971 года и финансируемая государством. Ее осуществляет специальная служба – Служба маршалов США (подразделение Министерства юстиции). Кроме того, вопросы защиты свидетелей регламентирует отдельная глава Свода законов США, а также не один закон, связанный с данной деятельностью» [3]. Сам по

себе, механизм защиты свидетелей в США затрагивает более широкий круг лиц, подлежащих защите, а также, указывает расширенный перечень возможных мер безопасности.

Отдельное внимание стоит уделить такому явлению, как свидетельский иммунитет. Понятие «свидетельский иммунитет» в отечественном уголовно-процессуальном праве традиционно рассматривают с двух аспектов.

Первый: свидетельский иммунитет, как совокупность нормативно закрепленных правил, освобождающих некоторые категории свидетелей и потерпевших от предусмотренной законом обязанности давать показания по уголовному делу, а также, освобождающих любого допрашиваемого от обязанности свидетельствовать против самого себя [1].

Второй, более одобряемый: свидетельский иммунитет как субъективное право лица отказаться от дачи показаний в случаях, предусмотренных законом [8].

В зависимости от положения самого свидетеля, можно разделить иммунитет на абсолютный и ограниченный. В первом случае речь идет об обязанности не разглашать определенные сведения, ставшие известными лицу в связи с его профессиональной деятельностью, а во втором – о праве отказа от дачи показаний. Категории лиц, имеющие абсолютный иммунитет перечислены в пункте 3 статьи 56 УПК РФ, к ним относятся: судья, присяжный заседатель, адвокат, защитник, священнослужитель (об обстоятельствах, которые стали ему известны из исповеди), арбитр (третейский судья) и т.д. Ограниченный иммунитет в соответствии со ст. 51 Конституции РФ распространяется на свидетельствующих и их «близких родственников» указанных в статье 5 УПК РФ (супруги, дети, родители, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки).

Данный институт достаточно длительное время отрицался в российском законодательстве, и только сравнительно недавно произошло его возрождение, связанное с тенденциями гуманизации отечественного права, в целом. По большей части, именно из-за этого, а также, из-за разного подхода к свидетелям, как участникам уголовного процесса, существует значительная разница в содержании института свидетельского иммунитета в России и содержания данного института в Англии и США, где то, что в РФ имеет название «свидетельский иммунитет», именуется как свидетельские привилегии. К таким привилегиям относятся:

- привилегия против самообвинения;
- супружеская привилегия (право отказа от дачи показаний относительно информации, полученной супругами во время брака, в США данная привилегия действует и после расторжения брака);
- адвокатская привилегия;
- «привилегия «врач-пациент» (только пациент имеет право разглашать медицинскую

информацию в рамках судебного заседания, врач приобретает такое право только после согласования с пациентом);

– привилегия «тайны исповеди» (в Англии данная привилегия судами не признается) и др.» [6].

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что, несмотря на ряд общих черт, правовой статус и иммунитеты свидетелей в России, Англии и США имеют

Литература:

1. *Белкин А.Р.* УПК РФ: отменить нельзя поправить? Т. 2. Досудебное производство. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2017. 331 с.

2. *Брусницын Л.В.* Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК / Л.В. Брусницын // Российская юстиция. 2003. № 5. С. 48–50.

3. *Журкина О.В.* Сравнительный анализ государственной программы защиты свидетелей в РФ и США / О.В. Журкина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 4(165). С. 249–253.

4. *Лекарева А.С.* Свидетель как участник уголовного судопроизводства / А.С. Лекарева // Молодой ученый. 2017. № 52(186). С. 162–165.

5. *Лоскутова Т.А.* Особенности процессуального положения свидетеля в уголовном процессе Англии и США / Т.А. Лоскутова // Адвокатская практика. М. : Юрист, 2005. № 5. С. 39–42.

6. *Лоскутова Т.А.* Привилегии и иммунитет свидетеля в уголовном процессе Англии и США / Т.А. Лоскутова // Российский университет дружбы народов. 2007. № 4. С. 43–47.

7. *Решетникова И.В.* Доказательственное право Англии и США. М. : Городец, 1999. С. 108–110.

8. *Шевченко Ю.В.* Свидетельский иммунитет в российском уголовном судопроизводстве / Ю.В. Шевченко // Молодой ученый. 2019. № 11 (249). С. 116–120.

значительные отличия. Во многом это, все-таки, объясняет разность правовых систем: романо-германская в России и англо-саксонская в Англии и США, а также – различный объем регламентации указанных правоотношений. На данный момент, например, институт защиты свидетелей и свидетельского иммунитета, по нашему мнению, подлежат более детальному изучению и расширению, но далеко не все нормы зарубежных стран, в частности, Англии и США применимы для осуществления в России.

Literature:

1. *Belkin A.R.* Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: can't it be canceled or corrected? Vol. 2. Pretrial proceedings. 2nd ed., ispr. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2017. 331 p.

2. *Brusnitsyn L.V.* Ensuring the security of participants in the process: opportunities and prospects for the development of the Criminal Procedure Code / L.V. Brusnitsyn // Russian Justice. 2003. № 5. P. 48–50.

3. *Zhurkina O.V.* Comparative analysis of the state witness protection program in the Russian Federation and the USA / O.V. Zhurkina // Bulletin of the Orenburg State University. 2014. № 4(165) P. 249–253.

4. *Lekareva A.S.* Witness as a participant in criminal proceedings / A.S. Lekareva // Young scientist. 2017. № 52(186). P. 162–165.

5. *Loskutova T.A.* Features of the procedural position of a witness in the criminal process of England and the USA / T.A. Loskutova // Lawyer's practice. M. : Lawyer, 2005. № 5. P. 39–42.

6. *Loskutova T.A.* Privileges and immunity of a witness in criminal proceedings in England and the USA / T.A. Loskutova // Peoples' Friendship University of Russia. 2007. № 4. P. 43–47.

7. *Reshetnikova I.V.* Evidentiary law of England and the USA. M. : Gorodets, 1999. P. 108–110.

8. *Shevchenko Yu.V.* Witness immunity in Russian criminal proceedings / Yu.V. Shevchenko // Young scientist. 2019. № 11 (249). P. 116–120.

Степенко Артём Валерьевич
кандидат юридических наук,
доцент,
кафедра общих и специальных
юридических дисциплин,
Тихоокеанских
государственный университет
007886@pnu.edu.ru

УЖЕСТОЧЕНИЕ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА, ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Аннотация. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, мира и безопасности человечества являются одними из самых агрессивных правонарушений, основным отличием которых является масштаб, так как подобные преступления затрагивают общество в целом, перерастая порой в мировой формат. В виду этого тема правового регулирования данного вопроса всегда остается актуальной и злободневной. Автором в статье рассмотрены статьи уголовного кодекса, отражающие рассматриваемую тему, а также приведены некоторые законопроекты и предложения по ужесточению наказаний за данные преступления.

Ключевые слова: безопасность, преступление, государство, власть, уголовный кодекс.

Политика ужесточения наказания за преступления против общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, мира и безопасности человечества длится уже несколько лет. В частности, в 2014 году в уголовный кодекс (УК) РФ были внесены изменения относительно наказания за публичные призывы к нарушению территориальной целостности страны. В кодекс была введена новая статья (280.1), согласно которой за подобные преступления грозило до трех лет лишения свободы и до пяти лет – если призывы были распространены посредством СМИ и/или интернета.

Другая новая статья, введенная также в 2014 году – статья 354.1 УК РФ предусматривает максимально трехлетний тюремный срок за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о

Artem V. Stepenko
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Department of General
and Special Legal Disciplines,
Pacific State University
007886@pnu.edu.ru

TOUGHER PENALTIES FOR CRIMES AGAINST PUBLIC SAFETY AND PUBLIC ORDER, STATE POWER, PEACE AND SECURITY OF MANKIND

Annotation. Crimes against public safety and public order, state power, peace and security of mankind are among the most aggressive offenses, the main difference of which is the scale, since such crimes affect society as a whole, sometimes developing into a global format. In view of this, the topic of legal regulation of this issue always remains relevant and topical. The author of the article examines the articles of the Criminal Code reflecting the topic under consideration, as well as some draft laws and proposals to toughen penalties for these crimes.

Keywords: security, crime, state, government, criminal code.

деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично [1]. Аналогично предыдущей статье – срок может быть увеличен до 5 лет, если при совершении преступления было использовано служебное положение, искусственно созданы доказательства или задействованы СМИ (интернет). В 2021 году в данную статью были внесены изменения, согласно которым лишение свободы могло быть заменено штрафом до 5 миллионов (в зависимости от состава преступления).

В статью 63 УК РФ было внесено отягчающее обстоятельство – совершение преступления с целью оправдать или поддержать терроризм, с целью пропаганды терроризма.

На данный момент все основные проявления преступлений против мира и безопасности человечества рассмотрены в гл. 34 УК РФ. Преступления данной главы УК РФ отличает двойственность, а именно то, что они раскрывают и действия, и результат, то есть состав преступления (гл. 34

УК РФ) относятся и к формальным, и к материальным. На последствия (результат) указывают такие термины как, ведение агрессивной войны, распространение заведомо ложных сведений, разграбление, применение оружия массового поражения, уничтожение. Все эти термины указывают как на сам процесс, так и на его результат. В апреле 2022 года в ст. 354.1 УК РФ [4] были внесены следующие ужесточающие поправки: сумма штрафа за рассматриваемое преступление была увеличена с трехсот тысяч до пяти миллионов рублей (в зависимости от состава преступления), в том числе срок лишения свободы увеличен от трех до пяти лет.

25 мая 2022 года в Государственную Думу был внесен на рассмотрение законопроект под номером 130406-8 (принят в первом чтении) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2]. Главной целью данного законопроекта является защита интересов страны, а также прав и свобод ее граждан. Рассмотрим в какие статьи УК РФ авторы законопроекта предлагают внести изменения:

- ст. 275 УК РФ – внесение уточнений относительно перехода на сторону противника в условиях военных действий или конфликта против страны;
- ст. 208 УК РФ – ответственность гражданина страны за участие в военных действиях (конфликте) против интересов страны (без признаков государственной измены);
- ст. 275.1 УК РФ – ответственность за сотрудничество со спецслужбами иностранных государств, направленное против интересов и

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022). Ст. 354.1. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598
2. Законопроект № 130406-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8#bh_histras
3. Карчаева К.А. Проблемы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием сети «Интернет» / К.А. Карчаева // Евразийский юридический журнал. 2020. № 7(146). С. 278–280.
4. Статья 354.1 УК РФ. Реабилитация нацизма – «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021). URL : https://www.zakonrf.info/izmene_niya-v-zakonodatelstve/izmenenie-uk/element-ch2_r12_gl34

безопасности РФ (лицо может быть освобождено от ответственности при своевременном и добровольном уведомлении о таком сотрудничестве компетентные органы);

- ст. 276 УК РФ – ответственность за собирание, хранение и передачу сведений противнику, которые могут быть непосредственно использованы против вооружённых сил страны или иных войск и органов РФ в период вооруженного конфликта;
- ст. 280.4 УК РФ – ответственность за публичные призывы к деятельности, направленной против безопасности страны, либо препятствующие органам власти исполнять свои обязанности по обеспечению безопасности страны;
- ст. 359 УК РФ – необходимость привести меру наказания в соответствии с мерами наказания по аналогии с преступлениями против мира и безопасности государства и человечества.

Для логичного уточнения подобные изменения также предлагается внести в ст. 30, 31, 151 УПК РФ.

Данный законопроект принят в первом чтении, изменения, предлагаемые авторами законопроекта, поможет повысить эффективность всей системы пресечения преступлений, совершаемых с целью подрыва безопасности страны.

Вопросы общественной безопасности и общественного порядка, государственной власти, мира и безопасности человечества являются архиважными, поэтому, конечно, законотворческая практика должна оперативно меняться в зависимости от ситуации в стране и в мире.

Literature:

1. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 25.03.2022). – Article 354.1. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598
2. Draft Law № 130406-8 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8#bh_histras
3. Karchaeva K.A. Problems of countering crimes committed using the Internet / K.A. Karchaeva // Eurasian Legal Journal. 2020. № 7(146). P. 278–280.
4. Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Rehabilitation of Nazism – «The Criminal Code of the Russian Federation» of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 05.04.2021, with amendments. from 08.04.2021). URL : https://www.zakonrf.info/izmene_niya-v-zakonodatelstve/izmenenie-uk/element-ch2_r12_gl34

Факов Азамат Мухажидович
доцент кафедры деятельности ОВД
в особых условиях,
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
fakov_1984@mail.ru

ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Преступность является разновидностью социальных систем и выступает подсистемой относительно метасистемы общества, что позволяет рассматривать в качестве ее структурных элементов отдельные виды преступной деятельности. Финансирование терроризма с позиции системного подхода следует рассматривать как один из ключевых элементов и подсистему системы террористической деятельности.

Ключевые слова: система, подсистема, элемент, системный подход, финансирование, террористическая деятельность, преступность.

Общая теория систем является методологическим инструментарием разработки теоретических основ как естественных, так и социальных наук. По справедливому замечанию А.А. Капустина, поскольку преступность является социальной системой, в правовой практике борьбы с преступностью и предупреждения правонарушений именно системный подход должен стать основным методологическим оружием [1, с. 18, 23].

Систему следует понимать как совокупность находящихся между собой в отношениях и связях элементов, образующую определенную целостность и единство. Именно системный подход посредством системного синтеза, интегрирующего специальные знания, обеспечивает целостное видение сложных объектов. Ключевыми при понимании категории «система» являются понятия: целостность, структура, связь, элемент, подсистема.

Исследование преступности именно как сложной, диалектической, социальной системы является наиболее методологически продуктивным, позволяет на более высоком методологическом уровне изучать данный объект, в том числе путем использования методов моделирования [2, с. 5].

По происхождению преступность является объективной социальной системой, по своему

Azamat M. Fakov
Associate Professor of the Department
of Internal Affairs Activities
in Special Conditions North Caucasus Institute
for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry
of internal affairs of Russia
fakov_1984@mail.ru

FINANCING OF TERRORIST ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF TERRORIST ACTIVITIES

Annotation. Crime is a kind of social systems and acts as a subsystem relative to the metasytem of society, which allows us to consider certain types of criminal activity as its structural elements. The financing of terrorism from the standpoint of a systematic approach should be considered as one of the key elements and a subsystem of the system of terrorist activities.

Keywords: system, subsystem, element, systemic approach, financing, terrorist activity, crime.

содержанию – материальной системой, а по своему поведению относится к вероятностным системам [3, с. 169]. В качестве системных признаков преступности выделяют: сложность, целостность, открытость, динамичность, вариативность, неимманентность, стационарность, стабильность, расчлененность, неминимальность, неупорядоченность и прочие [4, с. 51].

Базовым признаком системы является интегральная целостность (интегральное единство) [5, с. 59]. Социальная система – целостное образование, основными элементами которого являются люди, а также их устойчивые связи, взаимодействия и отношения [6, с. 127]. Для преступности как системы характерна целостность взаимосвязанных, образующих ее элементов (преступлений, видов преступности). Целостность как системный признак преступности определяется такими ее системообразующими свойствами, как общественная опасность и запрещенность уголовным законом [3, с. 169–170].

Также о целостности, как важнейшем системном качестве преступности, как отмечает Я.И. Гилинский, свидетельствуют статистически значимые отношения между ее компонентами (элементами и группами элементов), а также между преступностью и другими социальными системами (процессами) [4, с. 52].

Говоря о целостности системы преступности в целом и целостности такой ее подсистемы, как террористическая деятельность, следует учитывать, что элементами данной системы выступает как регистрируемая, так и латентная преступность [5, с. 59]. Последняя, в свою очередь, детерминирована множеством, как общих для регистрируемой преступности, так и специфических факторов [7, с. 151–156]. В то же время, следует учитывать имеющиеся в доктрине уголовного права и криминологии, а также на обще эмпирическом уровне (при формировании и наполнении соответствующих статистических учетов) проблемы определения категории террористической деятельности [8; 9], т.е. конкретных видов преступлений террористического характера.

Одним из ключевых признаков системы, которыми обладает преступность, является наличие большей по отношению к ней системы, в которую она включена и подсистемой которой выступает – социальной системы общества, а система взаимосвязей между ними характеризуется как взаимодействие. Исходя из характера взаимодействия общества и его подсистемы преступности, наряду с основным порождающим преступность воздействием со стороны общества, существует и противоположное воздействие на общество со стороны преступности. Именно данное воздействие преступности на общество и определяет такое ее системообразующее интегративное качество, как общественная опасность [3; с. 169–170]. Именно общественная опасность выступает «всеобщим» функциональным качеством преступности [4, с. 54]. При этом, общественная опасность преступности выступает свойством, интегрирующим общественную опасность преступных деяний и общественную опасность преступников (лиц их совершающих) [10, с. 56].

Учитывая фундаментальный системообразующий признак всех преступлений – противоправное (преступное) поведение человека, конституируемое спецификой его биосоциальной природы [11, с. 63–73], и исходя из методологических положений системного подхода, преступность является подсистемой системы общество. В свою очередь террористическая деятельность является элементом и подсистемой такой системы, как преступность. Финансирование террористической деятельности также следует рассматривать как систему, функционирующую в рамках других более обширных систем. Таким образом, исходя из положений системного подхода, финансирование террористической деятельности следует рассматривать с позиции системного взаимодействия по типу «общество – преступность – террористическая деятельность – финансирование террористической деятельности» [12, с. 169–174].

Преступность как система, элементы которой (преступления, виды преступности) взаимосвязаны, обладает таким признаком, как структура. Вариативность выделения структурных элементов системы преступности зависит от выбора классификационных критериев (объект преступного посягательства, личность преступника, форма вины, мотивация преступного поведения, способ совершения преступления и пр.).

Одним из структурных элементов (наряду с иными преступлениями террористического характера, т.е. видами террористической деятельности, устойчивая упорядоченность и связи которых определяют структуру данной системы) и в то же время подсистемой террористической деятельности выступает финансирование террористической деятельности.

Выступая формой содействия террористической деятельности, финансирование террористической деятельности осуществляется с целью совершения преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, а также непосредственно связана с иными видами террористической деятельности, что позволяет рассматривать финансирование террористической деятельности непосредственно как элемент и подсистему такой системы, как террористическая деятельность.

Финансирование террористической деятельности является интегрирующим и одним из основных, наиболее функциональных элементов системы террористической деятельности.

Поскольку финансирование террористической деятельности охватывает взаимосвязанную общую целью деятельность различных субъектов по предоставлению средств, сбору средств, а также оказанию финансовых услуг, данный вид преступной деятельности следует рассматривать как подсистему террористической деятельности.

Выделение отдельных элементов подсистемы финансирования террористической деятельности (предоставление средств, сбор средств, оказание финансовых услуг) позволяет осуществлять анализ данных элементов в их взаимосвязи в рамках организационной структуры данного вида преступной деятельности. Указанное позволяет исследовать механизм финансирования террористической деятельности не только как токовой, ни и как составляющую механизма террористической деятельности в целом, что в конечном итоге позволяет определить ключевые направления (критические точки) и выработать эффективные меры противодействия данному виду преступной деятельности.

Как и любая система (в том числе преступность) террористическая деятельность обладает таким признаком, как иерархичность построения ее структуры, т.е. наличие минимум двух элементов, взаимодействующих по принципу подчинения элементов низшего уровня элементам высшего уровня.

Так, финансирование террористической деятельности как элемент структурно подчинено системе террористической деятельности, тогда, как отдельные виды деятельности по финансированию терроризма (предоставление средств, сбор средств, оказание финансовых услуг) подчинены финансированию террористической деятельности как виду террористической деятельности.

Функционирование системы обеспечивается посредством взаимодействия как ее структурных элементов, так и со внешней средой. Именно финансирование террористической деятельности обеспечивает функционирование механизма террористической деятельности и системные взаимосвязи между различными видами террористической деятельности, а также со внешней средой.

Характер внутрисистемных взаимосвязей финансирования террористической деятельности с иными видами террористической деятельности определяется тем, что данная деятельность направлена на финансирование «организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из указанных преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования или преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений» [13].

В свою очередь характер внешних системных взаимосвязей финансирования террористической деятельности определяется взаимосвязью как террористической деятельности в целом, так и непосредственно финансирования террористической деятельности с иными видами преступной деятельности (элементами и подсистемами системы преступность).

В данном контексте следует учитывать, что террористическая деятельность связана, прежде всего, с организованной преступностью и коррупцией, которые, в свою очередь, непосредственно связаны с экономической преступностью [14, с. 36; 15, с. 77–78; 16, с. 161–164; 17, с. 151]. Во многом данная связь реализуется посредством функционирования такого элемента системы террористической деятельности, как финансирование террористической деятельности.

Преступность обладает таким системным признаком, как способность к самовоспроизводству и самодетерминации за счет сохранения, приспособления к изменяющимся условиям внешней среды, криминального «инфицирования» социума и вовлечения новых субъектов в преступную деятельность, выработки и использования механизмов защиты от социального контроля и пр.

Литература:

1. Капустин А.А. Опережая преступность. системный подход (метод) в действии / А.А. Капустин // Ученые записки юридического факультета. 2014. № 33(43). С. 17–28.
2. Вицин С.Е. Системный подход и преступность. М., 1980.

Данные характеристики системы непосредственно связаны с ее способностью к преобразованию, изменению. Сохраняя свои существенные свойства, обладая динамичностью, преступность способна изменяться, приобретая новые свойства, прежде всего, под воздействием факторов внешней среды [5, с. 59].

Именно финансирование террористической деятельности как структурный элемент выполняет функции самовоспроизводства и самодетерминации, а также преобразования системы террористической деятельности.

Так, механизмы финансирования террористической деятельности (инструменты и процесс поиска и обеспечения финансовыми ресурсами) дают возможность вовлекать в данную деятельность новых субъектов (в том числе высококвалифицированных финансистов, юристов, IT- и PR-специалистов, психологов, военных и пр.), осуществлять террористические акты и совершать иные преступления террористического характера, а также дают возможность использования коррупционного инструментария в целях защиты от социального контроля, обеспечивая тем самым длительное и безопасное существование системы террористической деятельности и ее эффективное функционирование.

В результате приспособления к актуальным условиям внешней среды террористическая деятельность трансформировалась из непосредственного инструмента власти и борьбы за власть ни во что иное, как в «грубую обкатку технологий силовой конкуренции мировых акторов, в частности корпораций (государство-образующих, государственных, надгосударственных)» [18, с. 94–99]. Сегодня фундаментальная основа террористической деятельности смещается из плоскости идеологической, в плоскость экономическую (в том числе в части корыстной мотивации участия в ней).

Таким образом, на основании вышеизложенного можем сделать следующие выводы. Террористическая деятельность является подсистемой системы преступности. Финансирование террористической деятельности выступает элементом и подсистемой системы террористической деятельности и, выполняя функции самовоспроизводства, самодетерминации и преобразования, обеспечивает ее самоорганизацию, функционирование и развитие.

Literature:

1. Kapustin A.A. Outrunning crime. systemic approach (method) in action A.A. / Kapustin // Uchenye zapiski juridical faculty. 2014. № 33(43). P. 17–28.
2. Vitsin S.E. System approach and crime. M., 1980.

3. *Сутурин М.А.* К вопросу о преступности как системе / М.А. Сутурин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13(68-1). С. 168–173.
4. *Гилинский Я.И.* О системном подходе к преступности / Я.И. Гилинский // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 5. С. 49–56.
5. *Мкртчян С.* Преступность как социальная система и ее повышенная общественная опасность / С. Мкртчян // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 54–59.
6. *Иванцов С.В.* Теоретические предпосылки развития системного подхода в криминологических исследованиях преступности / С.В. Иванцов // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 125–128.
7. *Игнатов А.Н.* Латентность преступлений, совершаемых на почве ненависти / А.Н. Игнатов; Под общей ред. А.Н. Игнатова // Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе. Научные труды Международной научно-практической конференции. 2012. С. 151–156.
8. *Игнатов А.Н.* Понятие террористической деятельности и его уголовно-правовое закрепление / А.Н. Игнатов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 2(43). С. 80–87.
9. *Игнатов А.Н.* Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления террористического характера / А.Н. Игнатов // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 98–101.
10. *Боков А.В.* Криминология и проблемы управления. М., 2005.
11. *Игнатов А.Н.* О биосоциальной природе преступности / А.Н. Игнатов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 1. С. 63–73.
12. *Факов А.М.* Методологические основы исследования финансирования террористической деятельности / А.М. Факов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 3. С. 169–174.
13. Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3418.
14. *Алиев Я.Л.* Теневая экономика и организованная преступность в социальной системе России / Я.Л. Алиев, А.А. Вихров, П.П. Сальников // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 31–43.
15. *Глазкова Л.В.* Взаимодействие систем организованной преступности и коррупции / Л.В. Глазкова //
3. *Suturin M.A.* On the issue of crime as a system / M.A. Suturin // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2006. № 13(68-1). P. 168–173.
4. *Gilinsky Ya.I.* On a systematic approach to crime / Ya.I. Gilinsky // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1981. № 5. P. 49–56.
5. *Mkrtychyan S.* Crime as a social system and its increased social danger / S. Mkrtychyan // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. № 10. P. 54–59.
6. *Ivantsov S.V.* Theoretical prerequisites for the development of a systematic approach in criminological studies of crime / S.V. Ivantsov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 11. P. 125–128.
7. *Ignatov A.N.* Latency of hate crimes / A.N. Ignatov; under the general editorship of A.N. Ignatov // Countering xenophobia, extremism and terrorism in modern society. Scientific works of the International Scientific and Practical Conference. 2012. P. 151–156.
8. *Ignatov A.N.* The concept of terrorist activity and its criminal law enforcement / A.N. Ignatov // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2(43). P. 80–87.
9. *Ignatov A.N.* Problems of Legislative Regulation of Criminal Liability for Terrorist Crimes/ A.N. Ignatov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 6. P. 98–101.
10. *Bokov A.V.* Criminology and management problems. M., 2005.
11. *Ignatov A.N.* On the biosocial nature of crime / A.N. Ignatov // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2016. № 1. P. 63–73.
12. *Fakov A.M.* Methodological foundations of the study of financing terrorist activities / A.M. Fakov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. № 3. P. 169–174.
13. Federal Law of August 07, 2001 № 115-FZ «On counteracting the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism» (as amended and supplemented) // SZ RF. 2001. № 33 (Part I). Art. 3418.
14. *Aliev Ya.L.* Shadow economy and organized crime in the social system of Russia / Ya.L. Aliev, A.A. Vikhrov, P.P. Salnikov // Legal field of the modern economy. 2015. № 1. P. 31–43.
15. *Glazkova L.V.* Interaction between organized crime and corruption systems / L.V. Glazkova //

кова // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7(104). С. 77–86.

16. *Игнатов А.Н.* Коррупция в органах публичной власти как системное явление / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. Российская криминологическая ассоциация. 2015. С. 161–164.

17. *Сибиряков С.Л.* Место и роль коррупции в системе наиболее опасных видов преступности / С.Л. Сибиряков // Правова держава. 2002. № 4. С. 150–153.

18. *Игнатов А.Н.* «Криминология завтра» нужна уже сегодня / А.Н. Игнатов // Общество и право. 2016. № 4(58). С. 94–99.

Actual problems of Russian law. 2019. № 7(104). P. 77–86.

16. *Ignatov A.N.* Corruption in public authorities as a systemic phenomenon / A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov // Corruption: the state of counteraction and directions for optimizing the struggle. Russian Criminological Association. 2015. P. 161–164.

17. *Sibiryakov S.L.* The place and role of corruption in the system of the most dangerous types of crime / S.L. Sibiryakov // Pravova Derzhava. 2002. № 4. P. 150–153.

18. *Ignatov A.N.* «Criminology tomorrow» is needed today / A.N. Ignatov // Society and Law. 2016. № 4(58). P. 94–99.

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Марченко Геннадий Викторович

доктор исторических наук,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
gen.marchenco@yandex.ru

Игошин Николай Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент Базовой кафедры государственной
гражданской службы Санкт-Петербурга,
Санкт-Петербургский
государственный университет
аэрокосмического приборостроения
n_a_igochin@mail.ru

**Анализ проблемы
транспарентности полицейской
деятельности в контексте
практического проявления
феномена «синей стены
молчания» (на примере США)**

■ ■ ■

Аннотация. В статье представлен анализ отдельных аспектов неписаного кодекса молчания среди представителей полицейской корпорации США, по традиции именуемого «синяя стена молчания» и исторически сформированного с учетом практики участия ряда полицейских в реализации расистских идей радикальной организации «Ку-Клукс-Клан». Выявляя деструктивный характер соблюдения полицией США указанного кодекса, авторы иллюстрируют свои размышления конкретными примерами из американской полицейской практики и выводами некоторых экспертов, отмечающими порочный стиль поведения представителей отмеченной правоохранительной институции. В соответствии с гипотезой авторов настоящей статьи, прозрачность деятельности полиции и доверие к ней со стороны общества во многом обусловлены уровнем развития гражданского контроля за деятельностью полиции и требовательностью ее руководства к подчиненным за соблюдением каждым полицейским принципа законности.

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Gennady V. Marchenko

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
gen.marchenco@yandex.ru

Nikolay A. Igoshin

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Basic Department
of the State Civil Service of St. Petersburg,
St. Petersburg State University
Aerospace Instrumentation
n_a_igochin@mail.ru

**ANALYSIS OF THE PROBLEM
OF TRANSPARENCY IN POLICING
IN THE CONTEXT OF THE PRACTICAL
MANIFESTATION OF THE PHENOMENON
«BLUE WALL OF SILENCE»
(ON THE EXAMPLE OF THE USA)**

■ ■ ■

Annotation. The article presents an analysis of certain aspects of the unwritten code of silence among representatives of the US police corporation, traditionally called the «blue wall of silence» and historically formed taking into account the practice of participation of a number of police officers in the implementation of the racist ideas of the radical organization «Ku Klux Klan». Revealing the destructive nature of the observance of this code by the US police, the authors illustrate their reflections with specific examples from American police practice and the conclusions of some experts that note the vicious behavior of representatives of the noted law enforcement institution. In accordance with the hypothesis of the authors of this article, the transparency of the police and the public's trust in it are largely due to the level of development of civilian control over the activities of the police and the exactingness of its leadership to its subordinates for the observance by each policeman of the principle of legality.

Ключевые слова: полиция, доверие общества, прозрачность, права человека, законность, «синяя стена молчания».

Keywords: police, public trust, transparency, human rights, legality, «blue wall of silence».

Определяя в формате морального измерения наиболее значимые параметры профессионального поведения личного состава полиции, мы отмечаем, в первую очередь, честность и порядочность ее служащих. Приверженность сотрудников полиции отмеченным моральным константам предопределяет обоснованность и законность действий полицейских, способствующих укреплению доверия со стороны общества к полиции в целом. Указанное обстоятельство корреспондирует своду универсальных принципов правоприменения отмеченной правоохранительной институции, сформулированных английским полицейистом Р. Пилем (1788–1850 гг.) и вошедших в специальную литературу под наименованием «Пилианских принципов». В частности, согласно пятому принципу Р. Пила, «поиск и сохранение полицией общественной поддержки осуществляются не благодаря общественному мнению, а в силу постоянной демонстрации полицией абсолютно беспристрастного служения закону» [1, с. 34]. В англоязычной специальной литературе и практике деятельности полиции ряда стран, в первую очередь, в США, существует устойчивый термин и одноименный исторически сформировавшийся феномен «синяя стена молчания» (англ. «*blue wall of silence*»), иногда, представленный в качестве «синего щита молчания» (англ. «*blue shield of silence*»), под которым понимается сокрытие полицейскими неправомερных и даже преступных действий членов своей профессиональной корпорации. Указанный феномен, являясь наследием участия ряда полицейских из числа разделяющих идею, возникшей в 1860-е гг. радикальной расистской организации «Ку-клукс-клан» (англ. «*Ku Klux Klan*», «*KKK*»), в преступных деяниях по возвышению белой расы над иными расами, в первую очередь над негроидной, в настоящее время проявляется в ложных свидетельствах служащих полиции относительно противозаконных актов поведения некоторых своих коллег или стремлении к сокрытию их преступных действий. Целеполагание подобного рода аксиологии в отношении полицейских проступков со стороны представителей профессионального сообщества имеет амбивалентный характер:

а) сохранение в глазах общества должных имиджевых характеристик полиции как правозащитной институции;

б) демонстрация своей солидарности с представителями национальной полиции, независимо от обоснованности и законности их подлинных действий.

Масштаб проявления в полицейских рядах США феномена «голубой стены молчания» и актуальность привлечения внимания к нему со стороны американского общества подтверждаются интегрированием в работу по обеспечению прозрачности действий полиции, специально учрежденного в 2014 г. проекта некоммерческой

новостной организации «The Marshall Project», миссия которого заключается в курировании лучших репортажей в сети Интернет об уголовном правосудии, одной из сторон которого являются полицейские, обвиняемые в нарушении принципа законности, в том числе, практикующие «синюю стену молчания» [2]. Иллюстрацией к указанному служат «Краткий отчет брифинга перед Комиссией США по гражданским правам, проведенного в г. Вашингтоне округа Колумбия» [5], а также, новостная статья «Синий щит» авторитетного американского журналиста Э. Хагера, акцентирующего внимание общественности на факторе использования полицией «собственного Билля о правах» – «Law Enforcement Officers' Bill of Rights», «LEOBoR» (англ. «Билль о правах сотрудников правоохранительных органов»), который возвышает уровень правовой защиты полиции посредством предоставления ее служащим исключительных прав, в плане справедливости правосудия относительно нарушивших закон полицейских, а также, ограждения внимания общества от подлинного положения дел с соблюдением полицией принципа законности.

Поводом к написанию данной статьи послужила ситуация с необоснованным применением полицейскими г. Балтимора насилия в отношении задержанного Фредди Грея и помещенного в автозак (англ. «*the paddy-wagon*»), из которого он вскоре был изъят со смертельной травмой позвоночника. При этом истинная причина смерти указанного гражданина оказалась недоступной вниманию общества и его родственников. Следствием произошедшего, как и иных случаев гибели по вине полицейских, а также, очевидного нежелания полицейского управления г. Балтимора провести оперативное и тщательное расследование в отношении своих служащих, произошла эскалация протестов, источником которых явилось недоверие к полиции и стремление начальствующих лиц скрыть следы преступления с участием полицейских. Более того, как отмечает отмеченный автор, «в данном случае, это была не просто тонкая синяя линия солидарности, ограждающая причастных копов от необходимости давать показания против самих себя или друг против друга. Проблема, по словам мэра Балтимора Стефани Роулингс-Блейк, заключается в том, что городские власти не смогли «в полной мере взаимодействовать» с офицерами «из-за Билля о правах наших сотрудников правоохранительных органов» [3]. В данном случае мы считаем необходимым обратить внимание на действующие в пределах штата Мэриленд вариации отмеченного Билля «LEOBoR», именуемых «Кодекс общественной безопасности Мэриленда» (англ. «*Maryland Code Public Safety*») и «Билль о правах сотрудников исправительных учреждений штата Мэриленд» (англ. «*Correctional Officers' Bill of Rights*», «COBR») [4]. Следует заметить, что аналогичные нормативные правовые акты действуют на территории еще 13 штатов США (Калифорния, Делавэр, Флорида, Иллинойс,

Кентукки, Луизиана, Миннесота, Невада, Нью-Мексико, Род-Айленд, Вирджиния, Западная Вирджиния, Висконсин).

Наряду с указанным, следует указать на наличие отдельных эпизодов, сопряженных с наличием уязвимой стороны в прочности пресловутой стены молчания как неписаного кодекса молчания полиции (англ. «*Polia's unwritten code of silence*»), в их числе – дело офицера полиции Дерек Шовина, обвиненного в неоправданном насилии при задержании 25 мая 2020 г. афроамериканца Джорджа Флойда (пытался купить пачку сигарет на фальшивую купюру), заключавшемся в 9 минутном давлении полицейским ногой на шею данного гражданина, от которого он скончался на месте. По оценке профессора права из Джорджтауна и эксперта по расовым вопросам и уголовному правосудию Пола Батлера, ежегодно в США полицейские убивают около 1000 человек и при этом подавляющее большинство совершенных убийств судом признается оправданным [6]. Тем не менее, учитывая множество свидетелей произошедшего при задержании Джорджа Флойда и несомненный общественный резонанс ситуации, против полицейского Дерек Шовин дал показания начальник полиции г. Миннеаполиса Медариа Аррадондо, квалифицировавший действия подчиненного как его неспособность адаптировать свои действия сообразно обстановке и нарушившего правила полиции и уголовное законодательство страны [6]. В итоге, за убийство по неосторожности Дерек Шовин 25 июня 2021 г. был подвергнут уголовному наказанию в виде 22,5 лет лишения свободы. Отмеченный приговор является единичным в общей череде оправдательных решений судебных инстанций, в части правовой квалификации отступлений полицейских от предписаний действующего законодательства. По мнению некоторых представителей обширной экспертной корпорации, голубая стена молчания в рядах американской полиции увековечивает расистские полицейские действия и неправомерные приговоры в их оценке со стороны национальной судебной

Литература:

1. Чимаров С.Ю. К вопросу о «Принципах правоприменения Роберта Пила» / С.Ю. Чимаров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 33–34.
2. Blue Wall of Silence // The Marshal Project. URL : <https://www.themarshalproject.org/records/605-blue-wall-of-silence> (date of application 28.05.2022).
3. Hager E. Blue Shield / E. Hager // The Marshal Project. April 27. 2015. URL : <https://www.themarshalproject.org/2015/04/27/blue-shield> (date of application 28.05.2022).
4. Maryland Code Public Safety. 2010 // Justia US Law. URL : <https://law.justia.com/codes/maryland/2010/public-safety/title-3/subtitle-1/3-104> (date of application 25.05.2022).
5. Police Use of Force: An Examination of Modern Policing Practices. Washington : United States Commission on Civil Rights, 2018. 220 p.

системы. В частности, бывший агент ФБР Филип Хейден отмечает следующее: «Эта голубая стена – один из многих факторов, которые еще больше увеличивают разрыв между миром, который видят правоохранительные органы, и миром, в котором живут граждане, которых офицеры поклялись защищать» [7]. Как следует из логики последующих суждений данного эксперта, демонстрация полицейскими США лояльности по отношению к служебным поступкам друг друга зачастую носит псевдоправовой характер, что, в итоге, предопределяет порождение у отдельной части из них чувства безнаказанности и, как следствие, вседозволенности. В этой связи, особый интерес имеет научная статья британских ученых Луизы Вестмарланд и Стива Конвея, презентующих свое социологическое исследование по теме «Полицейская этика и честность: соблюдение «голубого кодекса» молчания», в котором указанные специалисты подробно останавливаются на ряде аномалий в служебном поведении полицейских и деструктивном характере воздействия на их личность феномена голубой стены молчания [8].

Подводя итог изложенному, мы приходим к следующим выводам:

- во-первых, декларация в американском правовом поле ценностей демократии не является панацеей от аномальных проявлений в поведении ряда полицейских, придерживающихся неписаного кодекса молчания в оценке противоправных действий своих коллег;
- во-вторых, нейтрализация системных моментов в девиантном поведении ряда представителей полицейской корпорации, с опорой на чувство вседозволенности и ощущение ими своей безнаказанности, может быть осуществлена исключительно в условиях укрепления контроля за деятельностью корпорации правоохранителей, абсолютное большинство среди которых принадлежит служащим полиции. Указанное выше распространяется в отношении полицейских любой страны.

Literature:

1. Chimarov S.Yu. On the issue of «Robert Peel Law Enforcement Principles» / S.Yu. Chimarov//Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3(75). P. 33–34.
2. Blue Wall of Silence // The Marshal Project. URL : <https://www.themarshalproject.org/records/605-blue-wall-of-silence> (date of application 28.05.2022).
3. Hager E. Blue Shield / E. Hager // The Marshal Project. April 27. 2015. URL : <https://www.themarshalproject.org/2015/04/27/blue-shield> (date of application 28.05.2022).
4. Maryland Code Public Safety. 2010 // Justia US Law. URL : <https://law.justia.com/codes/maryland/2010/public-safety/title-3/subtitle-1/3-104> (date of application 25.05.2022).
5. Police Use of Force: An Examination of Modern Policing Practices. Washington : United States Commission on Civil Rights, 2018. 220 p.

6. The Blue Wall Did Not Hold At Derek Chauvin's Trial. NPR's Lulu Garcia-Navarro speaks to Georgetown Law professor Paul Butler about the trial of Derek Chauvin and the police who testified // NPR 24. April 11, 2021. URL : <https://www.npr.org/2021/04/11/986203247/the-blue-wall-did-not-hold-at-de-rek-chauvins-trial> (date of application 28.05.2022).

7. The blue wall of silence perpetuates racist policing, wrongful convictions // <https://mtinnocenceproject.org/the-blue-wall-of-silence-perpetuates-racist-policing-wrongful-convictions/> (date of application 10.06.2022).

8. *Westmarland L.* Police ethics and integrity: Keeping the «blue code» of silence / L. Westmarland, S. Conway // *International Journal of Police Science and Management*. 2020. Vol. 22. Iss. 4. P. 378–392.

6. The Blue Wall Did Not Hold At Derek Chauvin's Trial. NPR's Lulu Garcia-Navarro speaks to Georgetown Law professor Paul Butler about the trial of Derek Chauvin and the police who testified // NPR 24. April 11, 2021. URL : <https://www.npr.org/2021/04/11/986203247/the-blue-wall-did-not-hold-at-de-rek-chauvins-trial> (date of application 28.05.2022).

7. The blue wall of silence perpetuates racist policing, wrongful convictions // <https://mtinnocenceproject.org/the-blue-wall-of-silence-perpetuates-racist-policing-wrongful-convictions/> (date of application 10.06.2022).

8. *Westmarland L.* Police ethics and integrity: Keeping the «blue code» of silence / L. Westmarland, S. Conway // *International Journal of Police Science and Management*. 2020. Vol. 22. Iss. 4. P. 378–392.

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Савельева Ольга Евгеньевна

доцент кафедры финансового права
и таможенной деятельности,
Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Milena.555@mail.ru

ИНСТИТУТ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Аннотация. В статье раскрывается институт уголовных наказаний, его понятие и виды. Законодательство России постоянно изменяется, принимаются новые нормы, меняются старые. Такие преобразования затрагивают и уголовное законодательство в части регулирования системы уголовных наказаний. В условиях современности данный институт до сих пор поддается активному обсуждению со стороны ученых-правоведов и правоприменителей, в связи с чем, не утрачивает своей значимости и актуальности.

Ключевые слова: уголовное наказание, уголовное право, уголовное законодательство, виды уголовных наказаний, штраф, система наказаний.

Прежде чем рассматривать непосредственную классификацию наказаний в российском уголовном праве, следует проанализировать, что же представляет собой сама система наказаний. Итак, под системой наказаний следует понимать предусмотренный нормами уголовного закона иерархически выстроенный и исчерпывающий список видов уголовных наказаний, которые являются для суда как обязательные. На основании сформулированного определения системы наказаний, охарактеризуем основные ее признаки, к которым можно отнести:

Признак множественности элементов система, который заключается в том, что нормами статьи 44 Уголовного кодекса Российской Федерации закреплено 13 разновидностей уголовных наказаний, что обуславливает наличие возможности их разграничения от иных явлений правовой действительности.

Elena V. Shanazarova

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor of Public Law Disciplines
Faculty of Law and Administration,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments
Milena.555@mail.ru

Olga E. Savelyeva

Associate Professor of the Department
of Financial Law and Customs,
Vladimir State University
named after Alexander Grigoryevich
and Nikolai Grigoryevich Stoletov
Milena.555@mail.ru

INSTITUTE OF CRIMINAL PENALTIES: CONCEPT AND TYPES

Annotation. The article reveals the institution of criminal penalties, its concept and types. Russian legislation is constantly changing, new norms are being adopted, old ones are changing. Such transformations also affect criminal legislation in terms of regulating the system of criminal penalties. In modern conditions, this institute is still amenable to active discussion by legal scholars and law enforcement officers, and therefore, it does not lose its significance and relevance.

Keywords: criminal punishment, criminal law, criminal legislation, types of criminal penalties, fine, punishment system.

Количество наказаний, так называемых, системных элементов установлено положениями уголовного закона, а, следовательно, только им и могут быть внесены изменения в такой перечень.

Нормами Уголовного кодекса РФ закреплен исчерпывающий перечень уголовных наказаний. Следовательно, при вынесении приговора у суда нет полномочий по применению иных видов уголовного наказания, прямо не предусмотренных нормами Уголовного кодекса РФ.

Между закрепленными уголовным законом разновидностями наказаний существует тесная взаимосвязь, что говорит о целостности и единстве системы уголовных наказаний.

Для системы характерна упорядоченность, состоящая в том, что каждый элемент расположен четко на своем месте, то есть, данной системе

присуща некоторая иерархичность, заключающаяся в расположении системных элементов по критерию повышения строгости наказания [1]. С практической точки зрения обозначенный признак играет важную роль.

Прежде всего, данный признак выступает для законодателя в качестве обязательного, который необходимо учитывать в ходе построения уголовно-правовых санкций, обладающих альтернативным значением.

Наряду с этим, обозначенный признак также выступает в качестве обязательного для самого правоприменителя, что подразумевает, что при вынесении приговора судьей должна изучаться возможность применения к виновному лицу сначала менее строгого наказания.

Важно также отметить такой признак системы наказаний, как ее объективно-субъективная направленность. Субъективность системы наказания заключается в том, что ее формирование обеспечено волей человека, хотя формирование отдельно взятых системных элементов – это социально обусловленное явление.

Система в ходе своего непосредственного действия и функционирования действует в реальности, которая под воздействием разного рода факторов испытывает определенные изменения. На основании изложенного, в правовой литературе принято выделять следующие разновидности такой системы:

1. Реальная система наказаний, действующая на практике. К примеру, в соответствии с нормами статьи 44 Уголовного кодекса РФ в качестве одного из видов уголовного наказания предусмотрена смертная казнь, однако, с практической точки зрения ее применения недопустимо в России.

2. Идеальная система наказаний, четко урегулированная нормами уголовного закона.

Предусмотренная положениями статьи 44 Уголовного кодекса Российской Федерации система наказаний, распространяет свое действие на совершеннолетних граждан. Применяемые уголовные наказания в отношении несовершеннолетних закреплены статьей 88 Уголовного кодекса РФ. К числу таких наказаний можно отнести следующие:

1. Штраф.
2. Лишение права заниматься определенной деятельностью.
3. Обязательные работы.
4. Исправительные работы.
5. Ограничение свободы.
6. Лишение свободы на определенный срок.

Однако важно понимать, что специфика применения в отношении несовершеннолетних лиц

уголовных наказаний состоит не только лишь в сужении списка таких наказаний. Наряду с этим, для несовершеннолетних лиц снижены сроки, особые условия и размеры применяемых в отношении них уголовных наказаний [2].

Важно отметить, что в каждой системе имеют место быть отдельные подсистемы, а также, возможна разного рода классификация уголовных наказаний в зависимости от различных критериев.

С точки зрения уголовного закона, исходя из порядка назначения уголовного наказания, можно выделить те, которые применяются исключительно в качестве основных либо только как дополнительные, а есть те, которые применяются как смешанные.

К основным наказаниям относятся:

- Обязательные работы;
- Исправительные работы;
- Ограничение по военной службе;
- Принудительные работы;
- Арест;
- Содержание в дисциплинарной воинской части;
- Лишение свободы на определенный срок;
- Пожизненное лишение свободы;
- Смертная казнь.

Что касается характеристики названных выше наказаний, то следует отметить, что данная разновидность уголовных наказаний назначается исключительно самостоятельно, поскольку они не обладают таким свойством, как присоединение к иным основным уголовным наказаниям. Однако у суда есть право, в случае действия исключительных обстоятельств, назначить более мягкий – другой вид основного уголовного наказания, нежели тот, который закреплен определенной санкцией статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ.

При назначении наказания к основному могут быть присоединены дополнительные наказания, в том числе, не указанные в санкции статьи. Институт досрочного освобождения от отбывания наказания (условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью, замена не отбытой части наказания более мягким видом наказания) действует только в отношении наказаний, назначенных в качестве основных (но при этом возможно освобождение от отбывания и дополнительного наказания).

К дополнительным наказаниям относится только один вид – лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. Важно понимать, что данная

разновидность уголовного наказания не применяется самостоятельно. Специфика такой разновидности наказания состоит в его применении исключительно за совершение особо тяжких и тяжких преступлений. При этом применение дополнительного вида наказания в полной мере зависит от усмотрения судьи.

Рассмотрим уголовные наказания, которые могут назначаться и как основные, и как дополнительные наказания, к числу которых можно отнести:

- Штраф;
- Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- Ограничение свободы.

Подводя итог изложенному, хотелось бы остановиться на таком виде наказания, как штраф, так как в настоящее время штраф составляет солидную конкуренцию другим разновидностям уголовного наказания. Тенденция его как можно более широкого применения в качестве основного и

Литература:

1. *Лукин А.М.* Понятие и признаки системы наказаний в российском уголовном праве: теоретический анализ / А.М. Лукин // Молодежный научный вестник. 2018. № 5. С. 438–442.
2. *Лямина К.А.* Система наказаний в уголовном праве России / К.А. Лямина // Наука и практика. 2019. № 3. С. 17–23.

дополнительного наказания носит устойчивый характер. Однако, как показывает статистика, потенциал штрафа реализуется далеко не в полной мере: ни в части расширения сферы применения этого наказания и соответствующего сокращения числа осужденных к лишению свободы, ни в части существенного пополнения бюджета за счет взысканных в качестве штрафа средств. Таким образом, развитие института штрафа в российском уголовном законодательстве нельзя считать полностью завершенным.

Назначение в качестве наказания штрафа должно определяться, в первую очередь, не тяжестью совершенного преступления, а степенью общественной опасности лица его совершившего. Штраф не является срочным наказанием, что исключает применение к осужденному каких-либо средств исправления. Именно поэтому судам при назначении наказания в виде штрафа следует учитывать степень личностной деформации преступника. Штраф не должен расцениваться как универсальная и эффективная карательная мера, способная во всех случаях ее применения достичь цели наказания.

Literature:

1. *Lukin A.M.* The concept and signs of the system of punishments in Russian criminal law: theoretical analysis / A.M. Lukin // Youth Scientific Bulletin. 2018. № 5. P. 438–442.
2. *Lyamina K.A.* The system of punishments in the criminal law of Russia / K.A. Lyamina // Science and practice. 2019. № 3. P. 17–23.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антипина Наталья Валерьевна
кандидат физико-математических наук,
доцент,
доцент кафедры математических методов
и цифровых технологий,
Байкальский государственный университет
natant2012@mail.ru

Natalya V. Antipina
Candidate of Physical
and Mathematical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Mathematical Methods
and Digital Technologies,
Baikal State University
natant2012@mail.ru

МИНИМИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТЕРЬ С УЧЕТОМ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ИНФЛЯЦИИ И БЕЗРАБОТИЦЫ

MINIMIZATION OF SOCIAL LOSSES, TAKING INTO ACCOUNT THE MUTUAL INFLUENCE OF INFLATION AND UNEMPLOYMENT

Аннотация. Для сокращения потерь общества разрабатываются механизмы их стабилизации с учетом теоретических подходов различных экономических школ. Математический аппарат тоже востребован при решении такого рода проблем, что проявляется возможностью формализации экономических задач в виде экономико-математических моделей и их исследовании. В статье рассмотрена задача нахождения оптимального соотношения темпов инфляции и безработицы с целью минимизации причиненного социального ущерба от их дисбаланса. Предложена и исследована соответствующая математическая модель, которая формализуется в виде задачи вариационного исчисления, а также ее модификация с учетом денежно-кредитной политики государства.

Annotation. To reduce the losses of society, mechanisms of their stabilization are being developed taking into account the theoretical approaches of various economic schools. The mathematical apparatus is also in demand when solving such problems, which is manifested by the possibility of formalizing economic tasks in the form of economic and mathematical models and their study. The article considers the problem of finding the optimal ratio of inflation and unemployment rates in order to minimize the social damage caused by their imbalance. A corresponding mathematical model is proposed and investigated, which in the form of a calculus of variations problem is formalized, as well as its modification taking into account the monetary policy of the state.

Ключевые слова: инфляция, безработица, функция социальных потерь, уравнение Эйлера, вариационное исчисление, дифференциальные уравнения, математический маятник.

Keywords: inflation, unemployment, social loss function, Euler's equation, calculus of variations, differential equations, mathematical pendulum.

Введение.
Отличительной чертой настоящего и обозримого будущего времени является быстрый и неуклонный рост значимости социальных факторов во всей совокупности движущих сил экономического роста. Все факторы, негативно отражающиеся на жизни социума и приносящие психологический или моральный ущерб, относят к социальным потерям.

Диссонанс между инфляцией и безработицей также приводит к социальным потерям. Инфляция, как долгосрочный процесс снижения покупательной способности, проявляющийся в глобальном поднятии цен на товары и услуги, неоднозначно влияет на финансовые и социальные условия жизни людей. Разделить последствия инфляции на чисто экономические и чисто социальные не представляется возможным, поэтому будем говорить, что в статье уделяется внимание ее преимущественно социальным последствиям, которые, в частности, негативно отражаются на стабильности финансового положения людей и их уверенности в гарантированных заработках. В связи с этим, исследование проблемы взаимосвязи инфляции и безработицы остается актуальным по сей день.

Принято считать, что социальные потери невозможно оценить экономически. Однако некоторые виды социального ущерба могут быть оценены экономическими показателями (например, прямые расходы в области образования и социального обеспечения). Несмотря на актуальность проблем, связанных с социальными потерями в различных областях жизнедеятельности, на данный момент математические исследования по этому вопросу являются немногочисленными.

В такого рода ситуациях можно применить аппарат математического моделирования [1–6], а именно, ввести функцию общественных потерь [7], оценивающую причиненный ущерб и

минимизировать её при заданных условиях (ограничениях).

Акцентируем внимание на том, что построение и исследование экономических моделей на основе аналогии с задачами физики и механики стало закономерным [8–10], что позволило перенести свойства решений этих задач на поведение показателей в моделях экономики. Подтверждением этому является появление дисциплин «Физическая экономика», «Эконофизика» [10], использующих современный математический аппарат нелинейной динамики и статистической физики.

В статье предлагается математическая модель минимизации дисконтированных социальных потерь, связанных с дисбалансом темпа инфляции и темпа роста безработицы [11]. Предложенная модель исследуется методами теории обыкновенных дифференциальных уравнений и вариационного исчисления.

1. Постановка задачи и описание экономико-математической модели.

Обозначим через Y_E равновесное значение национального дохода при полной занятости. Предположим, что уровень инфляции в течение временного промежутка $[0, T]$ является постоянным. Отклонение значения Y в некоторый момент времени t от равновесного Y_E нежелательно, так же как и отклонение реальной скорости инфляции p от равновесной нулевой. Исследуем «взаимодействие» инфляции и безработицы на временном промежутке $[0, T]$, считая, что в начальный момент времени $t = 0$ скорость инфляции равна π_0 .

Предположим, что функция социальных потерь является квадратичной:

$$L = (Y_E - Y)^2 + \alpha p^2, \quad (1)$$

где $\alpha > 0$ – это коэффициент чувствительности к изменению инфляции.

В данном случае, принципиально не то, в каком виде будет записана эта функция (сумма абсолютных значений отклонений или квадратов их отклонений), так как значение социальных потерь является абстрактным (по аналогии со значением функции полезности потребителя), а тот факт, что с ее помощью становится возможным сравнивать эффективность различных комбинаций инструментов экономической политики государства. Для этого достаточно, чтобы она возрастала с ростом отклонений любого из целевых показателей и была чувствительна в разумных пределах и в нужных пропорциях к этим отклонениям.

Возрастающие ожидания взаимовлияния Филлипса [12, с. 364] между величинами $(Y_E - Y)$ и p описываются уравнением:

где $\beta > 0$, $\pi = \pi(t)$ – ожидаемый темп инфляции.

$$F'_{\pi'} = \left[2 \frac{\pi'}{(\beta j)^2} + \frac{2\alpha}{j} \left(\frac{\pi'}{j} + \pi \right) \right] e^{-\delta t} = 2 \left[\frac{1 + \alpha \beta^2}{\beta^2 j^2} \pi' + \frac{\alpha}{j} \pi \right] e^{-\delta t},$$

Формирование ожиданий инфляции предполагается адаптивным:

$$\pi' = j(p - \pi), \quad (3)$$

где $0 < j \leq 1$.

Из уравнений (2) и (3) следует, что:

$$\pi' = -\beta j(Y_E - Y).$$

Отсюда:

$$Y_E - Y = -\frac{\pi'}{\beta j}. \quad (4)$$

Подставляя (4) в (2), получим:

$$p = \frac{1}{j} \pi' + \pi. \quad (5)$$

С учетом соотношений (4) и (5) функция социальных потерь (1) запишется так:

$$L(\pi, \pi') = \left(\frac{\pi'}{\beta j} \right)^2 + \alpha \left(\frac{\pi'}{j} + \pi \right)^2. \quad (6)$$

Задача состоит в нахождении оптимальной скорости инфляции $\pi^*(t)$, минимизирующей общие социальные потери в течение периода времени $[0, T]$, с учетом нормы дисконтирования δ , $0 < \delta < 1$.

Таким образом, математическая модель поставленной задачи построена:

$$\int_0^T F(\pi, \pi', t) dt = \int_0^T L(\pi, \pi') e^{-\delta t} dt \rightarrow \min, \quad (7)$$

$$\pi(0) = \pi_0, \pi(T) = 0, \quad (8)$$

где функция $L(\pi, \pi')$ определяется формулой (6).

2. Исследование математической модели взаимовлияния инфляции и безработицы.

Модель (7), (8) представляет собой задачу вариационного исчисления [13, с. 405]. Для ее решения используем уравнение Эйлера [13, с. 418]:

$$F'_{\pi} - \frac{d}{dt} F'_{\pi'} = 0,$$

или подробнее:

$$F'_{\pi} - F''_{\pi' t} - F''_{\pi' \pi'} \pi''(t) - F''_{\pi' \pi} \pi'(t) = 0. \quad (9)$$

Найдем частные производные первого и второго порядка функции F по ее аргументам, учитывая вид функции (6):

$$p = -\beta(Y_E - Y) + \pi, \quad (2)$$

$$F'_{\pi} = 2\alpha \left(\frac{\pi'}{j} + \pi \right) e^{-\delta t},$$

$$F''_{\pi't} = -2\delta \left[\frac{1 + \alpha\beta^2}{\beta^2 j^2} \pi' + \frac{\alpha}{j} \pi \right] e^{-\delta t},$$

$$F''_{\pi'\pi'} = 2 \frac{1 + \alpha\beta^2}{\beta^2 j^2} e^{-\delta t}, F''_{\pi'\pi} = \frac{2\alpha}{j} e^{-\delta t}.$$

Тогда уравнение Эйлера (9) примет вид (аргумент t для простоты опустим):

$$\frac{1 + \alpha\beta^2}{\beta^2 j^2} \pi'' - \delta \frac{1 + \alpha\beta^2}{\beta^2 j^2} \pi' - \left(\alpha + \frac{\delta\alpha}{j} \right) \pi = 0.$$

Упрощая последнее уравнение (умножением на $\frac{\beta^2 j^2}{1 + \alpha\beta^2}$), получим окончательный вид уравнения Эйлера:

$$\pi'' - \delta\pi' - \frac{\alpha\beta^2 j(j + \delta)}{1 + \alpha\beta^2} \pi = 0. \quad (10)$$

Согласно теории обыкновенных дифференциальных уравнений [11, с. 45], для решения уравнения (10) запишем его характеристическое уравнение

$$\lambda^2 - \delta\lambda - \frac{\alpha\beta^2 j(j + \delta)}{1 + \alpha\beta^2} = 0.$$

Его корни являются действительными числами и различны (нетрудно проверить, что дискриминант положителен):

$$\lambda_{1,2} = \frac{1}{2} \left(\delta \pm \sqrt{\frac{\delta^2 + \alpha\beta^2(\delta + 2j)^2}{1 + \alpha\beta^2}} \right). \quad (11)$$

Общее решение уравнения (10) найдем по формуле $\pi^*(t) = C_1 e^{\lambda_1 t} + C_2 e^{\lambda_2 t}$, где C_1 и C_2 – произвольные постоянные, а λ_1 и λ_2 даются формулой (11).

Наконец, используя условия (8), найдем C_1 и C_2 как решение системы:

$$\begin{cases} C_1 + C_2 = \pi_0 \\ C_1 e^{\lambda_1 T} + C_2 e^{\lambda_2 T} = 0. \end{cases}$$

Получим:

$$C_1 = -\frac{\pi_0 e^{\lambda_2 T}}{e^{\lambda_1 T} - e^{\lambda_2 T}} < 0, C_2 = \frac{\pi_0 e^{\lambda_1 T}}{e^{\lambda_1 T} - e^{\lambda_2 T}} > 0.$$

Знаки постоянных C_1 и C_2 очевидны, благодаря тому, что $\lambda_1 > \lambda_2 > 0$ и монотонности показательной функции.

Таким образом, решение уравнения (10), оно же и оптимальное решение задачи (7), (8), имеет вид:

$$\pi^*(t) = \frac{\pi_0}{e^{\lambda_1 T} - e^{\lambda_2 T}} \left(e^{\lambda_1 T} e^{\lambda_2 t} - e^{\lambda_2 T} e^{\lambda_1 t} \right),$$

$$t \in [0, T]. \quad (12)$$

Очевидно, наблюдается «плавное» экспоненциальное снижение темпа инфляции в течение промежутка времени $[0, T]$. Для подсчета минимального значения функционала (7) найдем производную функции (12):

$$\pi^{*'}(t) = \frac{\pi_0}{e^{\lambda_1 T} - e^{\lambda_2 T}} \left(\lambda_2 e^{\lambda_1 T} e^{\lambda_2 t} - \lambda_1 e^{\lambda_2 T} e^{\lambda_1 t} \right).$$

Минимальные общие дисконтированные социальные потери в течение периода времени $[0, T]$ при темпе инфляции $\pi^*(t)$ определяются непосредственным подсчетом путем подстановки $\pi^*(t)$ и $\pi^{*'}(t)$ в функционал (7).

3. Модификация модели.

Введем следующие обозначения: U – темп роста безработицы, W – темп роста заработной платы, T – производительность труда. Предположим, что темп роста заработной платы линейно зависит от темпа роста безработицы, с учетом влияния роста инфляции, то есть:

$$W = \alpha - \beta U + h\pi, \quad \alpha > 0, \beta > 0, 0 < h \leq 1,$$

где π – ожидаемый темп роста инфляции.

Тогда соотношение Филлипса [12, с. 364], связывающее темпы роста заработной платы и безработицы, будет иметь вид:

$$p = W - T = \alpha - \beta U + h\pi - T. \quad (13)$$

Далее, обозначим через m темп роста номинального денежного баланса M и постулируем, что:

$$U' = -k(m - p), \quad k > 0, \quad (14)$$

где разность $(m - p)$ – это темп роста реальных денег. Соотношение (14) экономически описывает денежно-кредитную политику государства.

Таким образом, получаем модифицированную модель взаимовлияния инфляции и безработицы:

$$\int_0^T F(\pi, \pi', t) dt = \int_0^T L(\pi, \pi') e^{-\delta t} dt \rightarrow \min, \quad (15)$$

$$p = \alpha - \beta U + h\pi - T. \quad (16)$$

$$\pi' = j(p - \pi), \quad (17)$$

$$U' = -k(m - p), \quad k > 0, \quad (18)$$

$$\pi(0) = \pi_0, \quad \pi(T) = 0. \quad (19)$$

Проведем анализ этой модели по аналогии с исследованием, описанном в п. 1. Подставляя (16) в уравнения динамической системы (17), (18) и упрощая их, получим следующую систему дифференциальных уравнений первого порядка с неизвестными функциями U и π :

$$\begin{cases} \pi' = j(h - 1)\pi - j\beta U + j(\alpha - T) \\ U' = kh\pi - k\beta U + k(\alpha - \beta - T). \end{cases} \quad (20)$$

Сведем эту систему к дифференциальному уравнению второго порядка путем дифференцирования по t ее первого уравнения и дальнейшей подстановкой в него выражения для производных π' и U' из этой же системы (20). В результате получим уравнение:

$$\pi'' + (\beta k + j(1-h))\pi' + j\beta k\pi = j\beta km, \quad (21)$$

аналогичное дифференциальному уравнению (10), но, в отличие от него, являющееся неоднородным.

Специфика уравнения (16) состоит в том, что если ввести обозначения:

$$\omega = \sqrt{j\beta k}, \quad k_1 = \frac{\beta k + j(1-h)}{2},$$

$$k_2 = \sqrt{\omega^2 - k_1^2}, \quad (22)$$

то оно в точности совпадет с уравнением колебания математического маятника [14, с. 408], учитывая сопротивление среды и воздействие постоянной возмущающей силы:

$$\pi'' + 2k_1\pi' + \omega^2\pi = \omega^2 m. \quad (23)$$

Здесь k_1 – это коэффициент пропорциональности силы сопротивления среды и скорости инфляции, ω – частота динамических колебаний.

Очевидно, что для существования ω и k_2 необходимо выполнение условий:

$$j\beta k > 0, \quad \omega^2 < k_1^2. \quad (24)$$

Общее решение уравнения (23) находится как сумма общего решения $\pi_{o/o}$ соответствующего однородного уравнения:

$$\pi'' + 2k_1\pi' + \omega^2\pi = 0. \quad (25)$$

и частного решения $\pi_{ч/н}$ уравнения (23). Уравнение (25) визуально аналогично уравнению (10), однако, с учетом второго из условий (24), корни его характеристического уравнения являются комплексными:

Литература:

1. Аксеньюшкина Е.В. Решение одной задачи оптимального распределения ресурсов / Е.В. Аксеньюшкина // Вестник Бурятского государственного университета. Математика, информатика. 2019. № 1. С. 3–12.
2. Леонова О.В. Моделирование процессов убытков страховщика с помощью вероятностных распределений на примере страховой компании РОСГОССТРАХ / О.В. Леонова, П.Г. Сорокина // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 4.
3. Шуплецов А.Ф. Моделирование оптимальной стратегии развития предпринимательской деятельности промышленной компании на основе эффективного использования потенциала

$$\lambda_{1,2} = -k_1 \pm k_2 i,$$

где i – мнимая единица.

Следовательно, решение однородного уравнения (25) таково:

$$\pi_{o/o} = e^{-k_1 t} (C_1 \cos k_2 t + C_2 \sin k_2 t),$$

где C_1 и C_2 – произвольные постоянные, а k_1 и k_2 даются формулами (22).

Частное решение $\pi_{ч/н} = m$ уравнения (23) очевидно.

Таким образом, общее решение уравнения (18) имеет вид:

$$\pi^*(t) = e^{-k_1 t} (C_1 \cos k_2 t + C_2 \sin k_2 t) + m. \quad (26)$$

С учетом граничных условий (19) решение задачи (15) – (19) таково:

$$\pi^*(t) = \frac{e^{-k_1 t}}{\sin k_2 T} \left((\pi_0 - m) \sin(k_2(T-t)) - m e^{k_1 T} \sin k_2 t \right) + m. \quad (27)$$

Полученное решение (27) задачи (15) – (19) дает информацию о периодичном характере динамики темпа инфляции π на фоне изменения темпа роста безработицы U . Амплитуда этих колебаний равна $A = \sqrt{C_1^2 + C_2^2}$. Минимальные общие дисконтированные социальные потери в течение периода времени $[0, T]$ находятся по аналогии с базовой моделью п.1.

Анализируя полученную зависимость оптимального темпа инфляции $\pi^*(t)$ от темпа роста безработицы U , делаем вывод о том, что асимптотически в модели (15) – (19) (то есть при $t \rightarrow \infty$) ожидаемый темп инфляции π становится равным темпу роста номинального денежного баланса m . Так что, вид решения (27) указывает на гармонические затухающие колебания темпа инфляции π относительно его равновесного значения m с амплитудой A и частотой ω .

Literature:

1. Aksenyushkina E.V. Solution of one problem of optimal distribution of resources / E.V. Aksenyushkina // Bulletin of the Buryat State University. Mathematics, computer science. 2019. № 1. P. 3–12.
2. Leonova O.V. Modeling the processes of losses of an insurer using probability distributions on the example of the insurance company ROSGOSSTRAKH / O.V. Leonova, P.G. Sorokina // Baikal Research Journal. 2017. Vol. 8. № 4.
3. Shupletsov A.F. Modeling of the optimal strategy for the development of entrepreneurial activity of an industrial company based on the effective use of the potential of intangible resources / A.F. Shupletsov,

- нематериальных ресурсов / А.Ф. Шуплецов, П.В. Харитонова // *Baikal Research Journal*. 2013. Т. 8. № 6. С. 8–14.
4. Ованесян С.С. Модель оптимизации налоговой нагрузки отраслей региона / С.С. Ованесян, Н.И. Черхарова // *Baikal Research Journal*. 2013. Т. 8. № 2. С. 27–35.
5. *Chiang A.C.* Fundamental methods of mathematical economics. New-York : McGraw-Hill, 1974. 785 p.
6. Angel de la Fuente. Mathematical methods and models for economists. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. 835 p.
7. Кузнецова О.С. Неопределенность функции общественных потерь и оптимальная макроэкономическая политика / О.С. Кузнецова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом «Высшей школы экономики», 2012. 24 с.
8. Математическая модель перехода предприятий к оптимальному эколого-экономическому режиму работы / Д.С. Чернавский [и др.] // *Вестник МГТУ «СТАНКИН»*. 2012. № 3(22). С. 110–114.
9. Романовский М.Ю. Введение в эконофизику. Статистические и динамические модели / М.Ю. Романовский, Ю.М. Романовский. М. : ИКИ, 2007. 280 с.
10. Similarities and differences between physics and economics / H.E. Stanley [et al.]. 2001. Vol. 299. № 1. – P. 1–15.
11. Журавлев С.Г. Дифференциальные уравнения: сборник задач : учеб. пособие для вузов / С.Г. Журавлев, В.В. Аниковский. М. : Изд-во «Экзамен», 2005. 128 с.
12. Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика / С.Л. Брю, К.Р. Макконнелл. М. : ИНФРА-М, 1999. 974 с.
13. Пантелеев А.В. Методы оптимизации в примерах и задачах. М. : Высш. шк., 2005. 544 с.
14. Бухгольц Н.Н. Основной курс теоретической механики. М. : Наука, 1965. Ч. 1. 468 с.
- P.V. Kharitonova // *Baikal Research Journal*. 2013. Vol. 8. № 6. P. 8–14.
4. Ovanesyan S.S. Model for optimizing the tax burden of the region's industries / S.S. Ovanesyan, N.I. Cherkharova // *Baikal Research Journal*. 2013. Vol. 8. № 2. P. 27–35.
5. *Chiang A.C.* Fundamental methods of mathematical economics. New-York : McGraw-Hill, 1974. 785 p.
6. Angel de la Fuente. Mathematical methods and models for economists. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000. 835 p.
7. *Kuznetsova O.S.* Uncertainty of the social loss function and optimal macroeconomic policy / O.S. Kuznetsova; National research University «Higher School of Economics». М. : Ed. house of the Higher School of Economics, 2012, 24 p.
8. Mathematical model of the transition of enterprises to the optimal environmental and economic mode of operation / D.S. Chernavsky [et al.] // *Bulletin of MSTU «STANKIN»*. 2012. № 3(22). P. 110–114.
9. *Romanovsky M.Yu.* Introduction to econophysics. Statistical and dynamic models / M.Yu. Romanovsky, Yu.M. Romanovsky. М. : IKI, 2007. 280 p.
10. Similarities and differences between physics and economics / H.E. Stanley [et al.]. 2001. Vol. 299. № 1. P. 1–15.
11. *Zhuravlev S.G.* Differential equations: collection of problems. Proc. allowance for universities / S.G. Zhuravlev, V.V. Anikovskiy. М. : Publishing house «Exam, 2005. 128 p.
12. *Brew S.L.* Economics: principles, problems and politics / S.L. Brew, K.R. McConnell. М. : INFRA-M, 1999. 974 p.
13. *Panteleev A.V.* Optimization methods in examples and problems. М. : Higher. school, 2005. 544 p.
14. *Buchholz N.N.* Basic course of theoretical mechanics. М. : Science, 1965. Part 1. 468 p.

Добровольский Александр Григорьевич

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
экономической кибернетики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
agdobrovolcky@gmail.com

Мирончук Вадим Анатольевич

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
экономической кибернетики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
va_mironchuk@mail.ru

Косников Максим Сергеевич

студент факультета
прикладной информатики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
mkosnikov@gmail.com

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО
ПОКАЗАТЕЛЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

■ ■ ■

Аннотация. Решение проблем качества жизни городского населения является первостепенной задачей как для руководства органов государственной и муниципальной власти, так и для каждого гражданина, проживающего на данной территории. Показатель качества жизни в данном исследовании рассматривается как интегральный показатель, а процесс его формирования как метод математического моделирования, который позволяет опираться при формировании системы параметров и показателей на поставленные в исследовании цели и имеющиеся информационные ресурсы. Моделирование интегрального показателя качества жизни является гибким и масштабируемым инструментом для достижения поставленных целей. Краснодарский край является одним из наиболее благоприятных регионов Российской Федерации по своим географическим, климатическим и экономическим показателям. Уровень жизни городского населения имеет тенденцию к росту, однако динамика отдельных показателей в последние годы замедляется. В связи с этим, формирование метода оценки качества жизни, позволяющего проводить сравнительный анализ является целью данного исследования. В оценке использовано тридцать семь показателей, сгруппированных в пять параметров. Для приведения системы показателей в сопоставимый вид использовался метод линейного преобразования, а для свертки показателей –

Alexander G. Dobrovolsky

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Economic Cybernetics,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
agdobrovolcky@gmail.com

Vadim A. Mironchuk

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Economic Cybernetics,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
va_mironchuk@mail.ru

Maxim S. Kosnikov

Student of the Faculty
of Applied Informatics,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
mkosnikov@gmail.com

**MODELING OF AN INTEGRAL
INDICATOR OF THE QUALITY OF LIFE
OF THE URBAN POPULATION
OF THE KRASNODAR TERRITORY**

■ ■ ■

Annotation. Solving the problems of the quality of life of the urban population is a primary task both for the leadership of state and municipal authorities, and for every citizen living in this territory. The quality of life indicator in this study is considered as an integral indicator, and the process of its formation as a method of mathematical modeling, which allows you to rely on the goals set in the study and the available information resources when forming a system of parameters and indicators. Modeling of the integral indicator of quality of life is a flexible and scalable tool for achieving the set goals. Краснодар Krai is one of the most favorable regions of the Russian Federation in terms of its geographical, climatic and economic indicators. The standard of living of the urban population tends to increase, but the dynamics of individual indicators has been slowing down in recent years. In this regard, the formation of a method for assessing the quality of life that allows for comparative analysis is the purpose of this study. Thirty-seven indicators grouped into five parameters were used in the assessment. To bring the system of indicators into a comparable form, the method of linear transformation was used, and for the convolution of indicators, the additive method was used. Differentiation of the integral indicator of the quality of life of the urban population of the Краснодар Territory made it possible to identify the leading and outsider cities, as well as parameters and indicators that should be paid special

аддитивный метод. Дифференциация интегрального показателя качества жизни городского населения Краснодарского края позволила выделить города лидеры и аутсайдеры, а также параметры и показатели на которые следует обратить особое внимание руководителям профильных управлений и департаментов, с целью повышения уровня жизнеобеспеченности и удовлетворенности.

Ключевые слова: моделирование, интегральная оценка, рейтинговые модели, качество жизни.

attention to by the heads of specialized departments and departments, in order to increase the level of life security and satisfaction.

Keywords: modeling, integral assessment, rating models, quality of life.

Оценка условий человеческого существования как категория теоретических и практических исследований постоянно встречается в научных дискуссиях разных уровней, в которых обсуждаются ее необходимость и целесообразность. Споры ведут политики, журналисты, экономисты, философы, социологи и многие другие исследователи. В связи с этим, возникает необходимость анализа различных точек зрения данной категории, обобщение содержательной стороны, а также – методик ее количественной оценки.

Рассматривая содержательную сторону качества жизни населения, следует отметить многогранность данного понятия, а также – отсутствие единого мнения касательно этого термина. К примеру, В.Н. Бобков отмечает наличие в нормативных источниках ряда определений качества жизни. Всемирная организация здравоохранения в своих исследованиях использует определение качества жизни как «... восприятие людьми своего положения в жизни в зависимости от культурных особенностей и системы ценностей и в связи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами» [2, с. 6]. Всероссийский центр уровня жизни трактует данную категорию как совокупность способностей максимально удовлетворяющих имеющиеся потребности личности, группы или общества в целом, характеризующих их уровень материального и духовного развития и благосостояния [8, с. 9].

По мнению О.А. Ковынёва, качество жизни необходимо рассматривать как междисциплинарную категорию, которая характеризует плодотворность всех сфер жизнедеятельности человека, позволяющих максимально удовлетворить материальные, социальные и духовные потребности, при этом обеспечить высокий уровень интеллектуального, физического и культурного развития, а также, сформировать совокупность мер, обеспечивающих безопасность жизни, с учетом индивидуальной оценки многообразных сторон жизни индивида [7].

С целью обоснования содержательной стороны данного понятия, О.А. Ковынёва приводит перечень аргументов, которые дополняют и расширяют представление о качестве жизни, приведённые Всемирной организацией здоровья и Всероссийским центром уровня жизни.

Прежде всего, автор выделяет интегральный подход в оценки качества жизни, говоря о том, что оно может быть определено лишь на основе

совокупности показателей, характеризующих все стороны жизнедеятельности человека или общества и является результирующим показателем качества работы органов государственной и муниципальной власти.

Органы власти в рамках государственных программ формируют и реализуют стратегические направления развития общества, которые включают в себя мероприятия направленные на повышение качества жизни. Достижение подставленных целей характеризуют деятельность органов управления в рамках реализации государственной политики [1, с. 4]. Поэтому качество жизни должно включать в себя как совокупность целенаправленных мероприятий, а также фактические достижения.

Качество жизни следует рассматривать как междисциплинарное понятие, относящееся, например, к таким наукам, как философия и социология, статистика и экономика, однако, из всей совокупности научных дисциплин основная роль должна принадлежать дисциплинам экономического профиля [3].

В связи с этим, целью данного исследование является оценка качества жизни городского населения Краснодарского края, реализуемая на основе интегрального подхода.

Интегральная оценка качества жизни может быть реализована как многоэтапная процедура, состоящая из:

- определения совокупности параметров и показателей;
- приведения системы показателей в сопоставимый вид путем их нормирования или стандартизации;
- свертки показателей в группах и расчет интегрального показателя;
- дифференциации и классификации интегрального показателя качества жизни;
- анализа полученных результатов и разработка мероприятий, направленных на повышение качества жизни в анализируемых городах Краснодарского края.

Анализ научной литературы [1; 4; 7; 10], посвящённой оценке качества жизни позволяет

выделить следующую совокупность показателей, характеризующих отдельные стороны жизнедеятельности человека:

- уровень реальных доходов населения;
- общий уровень потребления материальных благ и услуг;
- обеспеченность жильём и основными предметами длительного пользования; обеспеченность населения услугами здравоохранения, образовательный уровень населения, ожидаемая

продолжительность жизни, младенческая смертность и т.д.

В рамках данного исследования для оценки качества жизни использованы такие параметры как спорт, население, занятость и заработная плата, здравоохранение и образование, строительство жилья. Выбранные параметры близки к стандартным, при этом учитывают и возможность физического развития населения.

Перечень показателей и параметров представлен в таблице 1.

Таблица 1

Наименование параметров и показателей качества жизни городского населения

Наименование	Код
Параметр 1 – Спорт	P1
Число спортивных сооружений на 1000 чел., ед.	–
– спортивные сооружения	X1
– стадионы с трибунами	X2
– плоскостные спортивные сооружения	X3
– спортивные залы	X4
– плавательные бассейны	X5
Число детско-юношеских спортивных школ на 10 тыс. чел., ед.	X6
Численность занимающихся в детско-юношеских спортивных школах, %	X7
Параметр 2 – Население	P2
Общий коэффициент рождаемости, промилле	X8
Общий коэффициент смертности, промилле	X9
Общий коэффициент естественного прироста, промилле	X10
Число прибывших, %	X11
– в пределах России	X12
– со странами СНГ	X13
– с другими зарубежными странами	X14
Число выбывших, %	X15
– в пределах России	X16
– со странами СНГ	X17
– с другими зарубежными странами	X18
Параметр 3 – Занятость и заработная плата	P3
Среднесписочная численность работников организаций, %	X19
Среднемесячная заработная плата работников организаций, руб.	X20
Среднесписочная численность работников организаций муниципальной формы собственности, %	X21
Среднемесячная заработная плата работников организаций муниципальной формы собственности, руб.	X22
Параметр 4 – Здравоохранение и образование	P4
Число лечебно-профилактических организаций на 10 тыс. чел., ед.	X23
Число организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми на 10 тыс. чел., ед.	X24
Число мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми на 10 тыс. чел., ед.	X25
Численность воспитанников, посещающих организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми на 10 тыс. чел., ед.	X26
Численность педагогических работников в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, всего, %	X27
Параметр 5 – Строительство жилья	P5
Ввод в действие жилых домов на территории муниципального образования, м ²	X28
Ввод в действие индивидуальных жилых домов на территории муниципального образования, м ²	X29
Число семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях на конец года на 10 тыс. чел., ед.	X30
– семьи ветеранов боевых действий	X31
– семьи инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов	X32
– семей граждан, подвергшихся радиационному воздействию вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, аварии на производственном объединении «Маяк» и приравненных к ним лиц	X33
Число семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия в отчетном году на 10 тыс. чел., ед.	X34
– семьи ветеранов боевых действий	X35
– семьи инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов	X36
– семей граждан, подвергшихся радиационному воздействию вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, аварии на производственном объединении «Маяк» и приравненных к ним лиц	X37

В качестве объектов оценки выступили следующие города Краснодарского края: город-курорт Анапа, город Армавир, город Горячий Ключ, город Новороссийск, город-курорт Сочи. Источником исходных данных послужили статистические базы данных, размещенные на сайте Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. Следует также отметить, что ряд показателей был

дополнительно рассчитан. Это связано с тем, что сравниваются разные по размеру и населению города и, чтобы сравнение было корректным, ряд количественных показателей были приведены к относительным величинам. Исходные данные, необходимые для проведения интегральной оценки качества жизни городского населения приведены в таблице 2.

Таблица 2

Исходные данные

Код	г. Анапа	г. Армавир	г. Горячий Ключ	г. Новороссийск	г. Сочи
P1	–	–	–	–	–
X1	1,416	1,097	2,398	1,661	1,672
X2	0,026	0,005	0,015	0,006	0,011
X3	0,716	0,627	0,677	0,848	0,908
X4	0,293	0,383	0,279	0,198	0,260
X5	0,026	0,024	0,000	0,021	0,103
X6	0,515	0,479	0,441	0,562	0,572
X7	5,418	3,979	2,910	4,288	4,403
P2	–	–	–	–	–
X8	11,3	8,6	9,1	9,4	13,7
X9	11,6	10,9	11,9	10,1	10,9
X10	–0,3	–2,3	–2,8	–0,7	2,8
X11	10,436	1,476	5,682	2,464	4,509
X12	7,569	1,278	5,029	2,077	3,809
X13	2,809	0,184	0,609	0,368	0,573
X14	0,059	0,014	0,044	0,019	0,127
X15	4,609	1,844	2,864	2,237	3,578
X16	4,053	1,619	2,730	1,886	3,203
X17	0,516	0,204	0,115	0,331	0,266
X18	0,041	0,022	0,019	0,020	0,110
P3	–	–	–	–	–
X19	13,703	15,389	12,608	22,024	19,169
X20	34198	30875,1	34883	48211,7	44572,6
X21	3,577	2,577	3,882	3,005	3,302
X22	31032,8	25819,7	25256,3	29363,9	35664,8
P4	–	–	–	–	–
X23	2,111	1,293	3,089	1,774	1,603
X24	2,317	1,963	2,501	1,862	1,813
X25	413,344	377,222	374,222	391,531	349,431
X26	4,738	4,236	4,216	4,802	5,020
X27	0,441	0,325	0,440	0,447	0,346
P5	–	–	–	–	–
X28	510390	68597	73932	276037	297107
X29	112148	58372	40670	92379	127887
X30	73,576	86,009	113,561	191,997	465,857
X31	0,206	0,287	0,441	0,621	4,981
X32	0,309	0,096	0,294	1,301	15,095
X33	0,051	0	0,147	0,532	1,145
X34	2,626	3,209	5,590	2,335	1,164
X35	0	0,144	0,147	0	0,153
X36	0,051	0,335	0,147	0,059	0,210
X37	0,051	0,096	0	0,059	0,038

Процесс сведения (свертка показателей) исходной информации в единую шкалу представляет собой процедуру линейного преобразования, которая подробно описана ранее в работах [5].

Поскольку среди показателей присутствуют показатели отрицательной направленности,

значимость которых увеличивается по мере их уменьшения, то это накладывает определённые ограничения на способы нормирования (стандартизации).

Стандартизированные значения показателей интегральной оценки приведены в таблице 3.

Таблица 3

Стандартизированные значения показателей качества жизни городского населения Краснодарского края

Код	г. Анапа	г. Армавир	г. Горячий Ключ	г. Новороссийск	г. Сочи
P1	–	–	–	–	–
X1	0,245	0	1	0,434	0,442
X2	1	0	0,473	0,054	0,318
X3	0,314	0	0,175	0,787	1
X4	0,516	1	0,440	0	0,332
X5	0,250	0,232	0	0,201	1
X6	0,561	0,287	0	0,917	1
X7	1	0,426	0	0,550	0,595
P2	–	–	–	–	–
X8	0,529	0	0,098	0,157	1
X9	0,167	0,556	0	1	0,556
X10	0,446	0,089	0	0,375	1
X11	1	0	0,469	0,110	0,338
X12	1	0	0,596	0,127	0,402
X13	1	0	0,162	0,070	0,148
X14	0,397	0	0,268	0,042	1
X15	0	1	0,631	0,858	0,373
X16	0	1	0,543	0,890	0,349
X17	0	0,779	1	0,461	0,624
X18	0,762	0,973	1	0,989	0
P3	–	–	–	–	–
X19	0,116	0,295	0	1	0,697
X20	0,192	0	0,231	1	0,790
X21	0,766	0	1	0,327	0,556
X22	0,555	0,054	0	0,395	1
P4	–	–	–	–	–
X23	0,455	0	1	0,268	0,173
X24	0,733	0,219	1	0,072	0
X25	1	0,435	0,388	0,659	0
X26	0,649	0,025	0	0,730	1
X27	0,953	0	0,941	1	0,169
P5	–	–	–	–	–
X28	1	0	0,012	0,470	0,517
X29	0,820	0,203	0	0,593	1
X30	1	0,968	0,898	0,698	0
X31	1	0,983	0,951	0,913	0
X32	0,986	1	0,987	0,920	0
X33	0,955	1	0,872	0,535	0
X34	0,330	0,462	1	0,265	0
X35	0	0,941	0,964	0	1
X36	0	1	0,337	0,027	0,558
X37	0,538	1	0	0,617	0,398

Для расчета параметров и интегрального показателя качества жизни использован метод аддитивной свертки:

$$I \text{ или } p_{i,j} = \sum_{i=1}^m x_{ij},$$

где I – интегральный показатель качества жизни городского населения; $p_{i,j}$ – параметр, характеризующий отдельную сторону качества жизни городского населения; x_{ij} – показатель,

приведенный к сопоставимому виду, характеризующий качество жизни городского населения.

В ходе текущей интегральной оценки рассматриваться будет именно равномерная оптимизация.

Значения параметров, характеризующих отдельную сторону жизни городского населения, а также интегральные значения качества жизни городского населения Краснодарского края приведены в таблице 4.

Таблица 4

Параметры и интегральные значения качества жизни городов Краснодарского края

Код	г. Анапа	г. Армавир	г. Горячий Ключ	г. Новороссийск	г. Сочи
P1	3,886	1,945	2,089	2,942	4,688
P2	5,302	4,397	4,768	5,080	5,790
P3	1,629	0,349	1,231	2,722	3,042
P4	3,791	0,679	3,329	2,728	1,342
P5	6,628	7,557	6,020	5,037	3,474
I	21,236	14,928	17,437	18,510	18,336

В зависимости от выбранного метода расчета интегральной оценки, объекты упорядочиваются, если рассчитаны методом мультипликативной и аддитивной свертки – по убыванию I_j , методом вычисления расстояний – по возрастанию I_j . Полученные значения достигнутого уровня интегрального показателя I_j позволяют разделить объекты оценки по степени их эффективности на группы. Для этого были выделены группы и межгрупповые интервалы, расчеты проведены на основании методики Стерджесса. В результате расчетов выделен высокий уровень жизни в г. Анапа, г. Новороссийск и г. Сочи. Города Горячий Ключ и Армавир отстают по таким показателям как высокий уровень смертности и низкий показатель естественного прироста, число выбывших жителей выше числа прибывших, а также низкий уровень числа семей, стоящих на учёте как

нуждающиеся в жилых помещениях и обеспеченности спортивными сооружениями.

Рейтинговые значения наглядно характеризуют исследуемые города Краснодарского края, в целом, по всем показателям качества жизни, а также, в частности отдельную сторону жизнедеятельности населения. Характеризовать качество жизни городского населения по одному показателю не представляется целесообразным, только совокупность показателей может обеспечить объективность оценки.

На рисунке 1 графически представлен рейтинг параметров качества жизни городского населения Краснодарского края.

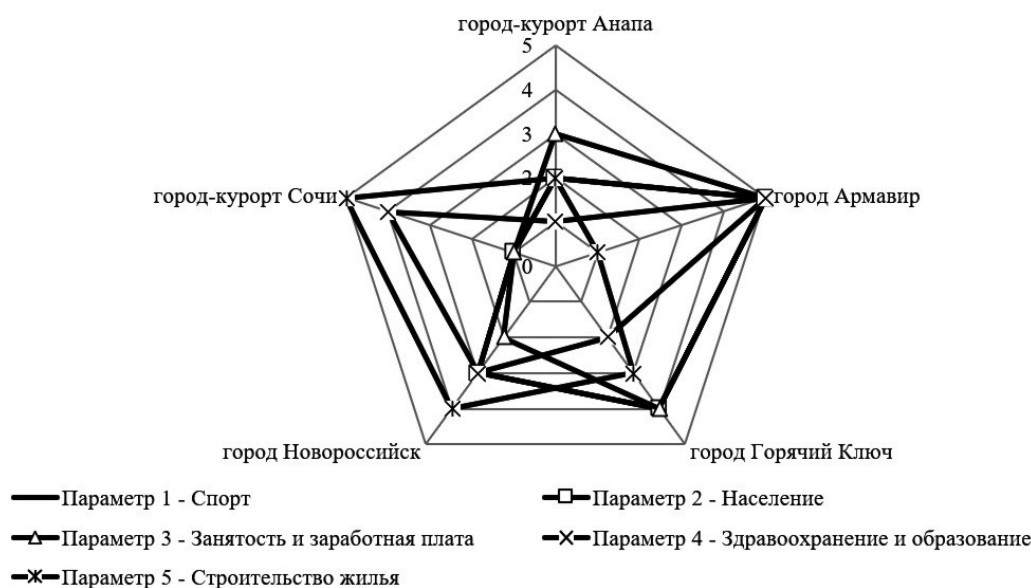

Рисунок 1 – Рейтинг параметров качества жизни городского населения Краснодарского края

Таким образом, применение метода интегрального моделирования позволяет однозначно выделить города с высоким уровнем качества жизни населения – г. Анапа, г. Новороссийск и г. Сочи. Методический подход позволяет анализировать города лидеры, выделить отдельные параметры и показатели, обеспечивающие высокий уровень жизнедеятельности городского населения. Тем самым, сформировать вектор развития для органов управления, имеющих низкие показатели в муниципальном образовании. Так, например,

высокий уровень качества жизни отмечается в г. Анапа и г. Сочи по таким показателям как уровень рождаемости и естественного прироста, а также обеспечение населения жильем. Кроме того, данный способ моделирования интегрального показателя качества жизни позволяет добавлять или исключать из расчетов отдельные показатели или параметры, тем самым адаптировав данный метод для достижения требуемых целей с имеющейся информационной базой.

Литература:

1. Берендеева А.Б. Уровень и качество жизни населения как критерий социальной эффективности проектного управления в регионах России / А.Б. Берендеева, И.И. Ледякина // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2021. № 2(48). С. 42–55.
2. Бобков В.Н. Методологический подход Всероссийского центра уровня жизни к изучению и оценке качества и уровня жизни населения / В.Н. Бобков // Вестник Воронежского государственного

Literature:

1. Berendeeva A.B. The level and quality of life of the population as a criterion of social efficiency of project management in the regions of Russia / A.B. Berendeeva, I.I. Ledyakina // Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Economics. 2021. № 2(48). P. 42–55.
2. Bobkov V.N. Methodological approach of the All-Russian Center for Living Standards to the study and assessment of the quality and standard of living of the population / V.N. Bobkov // Bulletin of the

ного университета. Серия: Экономика и управление. 2009. № 2. С. 26–36.

3. *Бондарев М.А.* Социально-экономическое развитие как фундаментальный фактор, отражающий качество уровня жизни населения: проблемы и пути решения / М.А. Бондарев, Е. Е. Яковлева, М.Л. Альпидовская // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 6. С. 159–169.

4. *Ворожжина А.В.* Реализация социальной политики государства на региональном уровне и ее влияние на уровень, и качество жизни населения / А.В. Ворожжина // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 3(54). С. 153–158.

5. *Добровольский А.Г.* Использование рейтингового моделирования при оценке эффективности промышленного производства Южного федерального округа / А.Г. Добровольский, В.А. Мирончук, М.С. Косников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12-1. С. 137–141.

6. *Ермакова И.А.* Качество жизни населения: проблема анализа и оценки в муниципальной образовани / И.А. Ермакова, Г.М. Квон // Наука через призму времени. 2020. № 10(43). С. 21–25.

7. *Ковынева О.А.* Управление качеством жизни населения / О.А. Ковынева, Б.И. Герасимов. Тамбов : Тамбовский государственный технический университет, 2006. 88 с.

8. *Пахомов Е.В.* Анализ подходов к оценке влияния цифровизации на качество жизни населения / Е.В. Пахомов // Управленческий учет. 2021. № 12-1. С. 198–206.

9. *Солкин Е.А.* Качество жизни населения как основа социально-экономической безопасности государства / Е.А. Солкин, И.А. Сергеева // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2020. № 24. С. 291–294.

10. *Черкашина Т.Ю.* Субъективное качество жизни населения: интегральная оценка и частные индикаторы / Т.Ю. Черкашина // Регион: Экономика и Социология. 2006. № 3. С. 97–111.

Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2009. № 2. P. 26–36.

3. *Bondarev M.A.* Socio-economic development as a fundamental factor reflecting the quality of the standard of living of the population: problems and solutions / M.A. Bondarev, E.E. Yakovleva, M.L. Alpidovskaya // Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences. 2021. Vol. 14. № 6. P. 159–169.

4. *Vorozhkina A.V.* Implementation of the state's social policy at the regional level and its impact on the level and quality of life of the population / A.V. Vorozhkina // Alley of Science. 2021. Vol. 1. № 3(54). P. 153–158.

5. *Dobrovolsky A.G.* The use of rating modeling in assessing the efficiency of industrial production in the Southern Federal District / A.G. Dobrovolsky, V.A. Mironchuk, M.S. Kosnikov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 12-1. P. 137–141.

6. *Ermakova I.A.* Quality of life of the population: the problem of analysis and evaluation in municipal education / I.A. Ermakova, G.M. Kvon // Science through the prism of time. 2020. № 10(43). P. 21–25.

7. *Kovyneva O.A.* Management of the quality of life of the population / O.A. Kovyneva, B.I. Gerasimov. Tambov : Tambov State Technical University, 2006. 88 p.

8. *Pakhomov E.V.* Analysis of approaches to assessing the impact of digitalization on the quality of life of the population / E.V. Pakhomov // Managerial accounting. 2021. № 12-1. P. 198–206.

9. *Solkin E.A.* The quality of life of the population as the basis of socio-economic security of the state / E.A. Solkin, I. A. Sergeeva // Collections of conferences of SIC Sociosphere. 2020. № 24. P. 291–294.

10. *Cherkashina T.Y.* Subjective quality of life of the population: integral assessment and private indicators / T.Y. Cherkashina // Region: Economics and Sociology. 2006. № 3. P. 97–111.

Косенков Всеволод Игоревич
аспирант,
Университет Синергия
Vsevolod.f199@mail.ru

Vsevolod I. Kosenkov
Graduate Student
Synergy University
Vsevolod.f199@mail.ru

РЕГИОНЫ И ГОРОДА КАК ЦЕНТРЫ ИННОВАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

REGIONS AND CITIES AS CENTERS OF INNOVATION NETWORKS

Аннотация. Четвертая промышленная революция является неизбежной. Во всему миру владельцы компаний разной формы собственности уже обеспокоены тем фактом, как это произойдет, какое влияние это окажет на их бизнес и какие перспективы для их компаний открываются в результате ее реализации. В рамках данной статьи исследованы основные предпосылки свершения четвертой промышленной революции, возможные ее последствия и ее влияние на экономику в целом. Особенно актуальным данный вопрос является для регионов и городов как элементы экономика – географической структуры общей экономической системы.

Annotation. The fourth industrial revolution is imminent. All over the world, owners of companies of various forms of ownership are already concerned about how this will happen, what impact it will have on their business and what prospects for their companies will open as a result of its implementation. Within the framework of this article, the main prerequisites for the accomplishment of the fourth industrial revolution, its possible consequences and its impact on the economy as a whole are investigated. This issue is especially relevant for regions and cities as elements of the economic – geographical structure of the general economic system.

Ключевые слова: промышленная революция, цифровизация, интеграция, коллаборация, регионы, экономический рост, инновации, государственное управление.

Keywords: industrial revolution, digitalization, integration, collaboration, regions, economic growth, innovation, public administration.

В настоящее время уже нет сомнения, что вскоре произойдет очередная промышленная революция. Результатом свершения данной революции будет автоматизация большого количества процессов как в производственной сфере, так и в сфере услуг. Ключевыми последствиями такой трансформации будут:

Для нашей страны четвертая промышленная революция, известная в мире как «Индустрия 4.0» является уникальной возможностью для того, чтобы подняться в рейтинге стран с самой развитой экономикой, но в настоящее время ресурсы и экономический потенциал нашей страны используются недостаточно эффективно [5]. Многие специалисты, что автоматизация большого количества процессов предприятий будет экономически выгодна компаниям и предприятиям и отмечают ряд существенных преимуществ (рис. 1).

- рост производительности труда;
- экономический рост;
- рост конкурентоспособности как отдельных предприятия, так и стран.

Рисунок 1 – Преимущества цифровых технологий для бизнеса

Если для отдельных компаний и предприятия преимущества очевидны, особенно во времена настоящей пандемии, то какие же последствия и перспективы ожидают регионы и города, в частности.

Важность инновации и их распространение – это ключевой фактор, который способствует обновлению экономической инфраструктуры регионов, особенно регионов, экономику которых можно охарактеризовать как переходную.

Регионы с переходной экономикой часто становятся эпицентром для развития новых технологий. Данный факт объясняется тем, что именно в таких экономических субъектах компании и предприятия являются катализаторами модернизации старых технологий и диверсификации локальной экономической системы в направлении новых и развивающихся отраслей. Но, с другой стороны, для глав регионов это также сопряжено с важной проблемой, которая заключается в том, чтобы появляющиеся инновации не были зависимыми от ведущих компаний, а имели тенденцию к развитию и распространению инноваций в сельских и отдаленных районах [3]. Такой курс в развитии инновационных технологий дает возможность экономике отдаленных районов не отставать от экономики региона. Наличие в городах и регионах широкополосной сверхбыстрой связи, использование цифровых технологий в сфере транспорта, коммунальных услуг, переработке отходов и многих других, делают городскую инфраструктуру более удобной для жителей, а также эффективной с точки зрения потребления и контроля. Уровень конкурентоспособности городов в условиях цифровизации будет также характеризоваться возможностью привлечения квалифицированных кадров. В связи с вышеизложенным, можно констатировать, что для городов и регионов является важным фактором развития – это концентрация усилий на том, чтобы обеспечить доступ и возможность пользоваться информационными и коммуникационными технологиями, на которые и опирается будущая промышленная революция. Однако, как свидетельствует Отчет по информационным технологиям Всемирного экономического форума [1], фактически внедрение информационных технологий в городах и регионах, особенно удаленных, происходит не такими быстрыми темпами, как этого требуют современных условия. К тому же наблюдается ряд проблем в законодательной – нормативной базе, которую необходимо изменять по мере того, как происходит изменение информационных технологий и спектр, сферы их применения, так как использование информационных технологий тесно коррелирует не только с широкими возможностями, но и увеличивается риск увеличения количества преступлений, связанных с информационными технологиями. По данным МВД РФ по состоянию на 12 октября 2021 года количество киберпреступлений выросло в 1,5 раза [8], что является не только отрицательным фактором для развития

Литература:

1. Всемирный экономический форум, «Десять главных урбанистических инноваций», Международный экспертный совет по вопросам будущего

информационных технологий, но и для развития экономической системы.

Рассмотрим возможности, которые появляются у городов и регионов с развитием информационных технологий.

Информационные технологии дают возможность активно привлекать инвестиции в экономику регионов и городов, создавать инновационные проекты стартапов, одновременно с этим дают возможность новым игрокам адаптироваться в новых рыночных условиях и использовать все свои ресурсы и потенциал очень продуктивно [2].

Информационные технологии также дают возможность жителям коммуницировать с представителями местной и федеральной власти, при этом временные затраты сокращаются многократно: свои обращения граждане могут оставлять в личном кабинете на сайтах, принадлежащих органам власти, и даже личным сообщением в социальных сетях.

Регионы могут использовать несколько вариантов модернизации или реструктуризации экономики.

Приоритетным вариантом специалисты называют диверсификацию в новые сферы, используя имеющиеся у региона ресурсы и активы. В связи с этим стоит отметить, что уже во многих регионах наблюдается создание уникальных собственных инновационных решений. Например, одним из них является создание цифрового сервиса для получения паспорта, ловушки для дронов, ультразвукового комплекса для диагностики и терапии новообразований созданий цифровых платформ для ведения бизнеса и организации работы в дистанционном режиме [4].

В современных условиях ведения бизнеса, реализации программ образования, предоставления услуг важное место занимает и процесс обмена опытом и знаниями. В рамках региона данный процесс будет способствовать обучению персонала разных локальных компаний. Обмен знаниями и опытом может быть организован посредством организации конференций, вебинаров, а также путем создания инновационного продукта, который позволит запускать процесс обмена знаниями и опытом между различными компаниями, функционирующими в ведущих отраслях в регионе. Помимо этого, важно получать знания и из внешних источников, других регионов для формирования необходимых компетенций и повышения уровня навыков персонала, но при этом стоит избегать когнитивной блокировки.

Таким образом, можно сделать вывод, что на региональном уровне происходит развитие инноваций в случае эффективного распределения и использования имеющихся ресурсов, эффективного обмена опытом между компаниями.

Literature:

1. World Economic Forum, Top 10 Urban Innovations, International Expert Council on the Future of Cities, World Economic Forum, October 2015. URL :

городов, Всемирный экономический форум, октябрь 2015 г. URL : http://www3.weforum.org/docs/Top_10_Emerging_Urban_Innovations_report_2010_20.10.pdf

2. Каролина Морено. Город Медельин в Колумбии назван «Инновационным городом года» во всемирном конкурсе от WSJ и Citi», Huffington Post, 02 марта 2013 г. URL : http://www.huffngtonpost.com/2013/03/02/medellin-named-innovative-city-of-the-year_n_2794425.html

3. Научно-практическое заключение по результатам исследования существующих в иностранных юрисдикциях моделей правового регулирования идентификации и аутентификации физических и юридических лиц для целей совершения ими юридически значимых действий и/или в публично значимых целях, включая оценку возможности имплементации зарубежного опыта регулирования идентификации в российское законодательство: отчет АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований». М., 2018.

4. Национальный проект «Цифровая экономика»: нормативный акт. URL : <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858>

5. Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL : <https://digital.gov.ru/ru>

6. Том Сондерс. Переосмысление умных городов снизу вверх / Том Сондерс, Питер Бек. Изд-во Nesta, 2015. URL : https://www.nesta.org.uk/sites/default/files/rethinking_smart_cities_from_the_ground_up_2015.pdf

7. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Диалектика природы. М. : Издательство «Э», 2017. 832 с.

8. Число киберпреступлений в РФ. URL : https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_кибер_преступлений_в_России#320_D1.82.D1.8B.D1.81_D0.BA.D0.B8.D0.B1.D0.B5.D0.BF.D1.80.D0.B5.D1.81.D1.82.D1.83.D0.BF.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D0.B9_D0.B7.D0.B0_7_D0.BC.D0.B5.D1.81.D1.8F.D1.86.D0.B5.D0.B2.2C_D1.80.D0.BE.D1.81.D1.82_D0.BD.D0.B0_16.25

9. Innovation Policy Approach. Research Policy, 34: 1203–1219. Yin, R.K. 2009. Case Study Research: Design and Methods. (4th Ed). London : Sage.

http://www3.weforum.org/docs/Top_10_Emerging_Urban_Innovations_report_2010_20.10.pdf

2. Carolina Moreno, Colombia's Medellin City Named «Innovative City of the Year' in WSJ and Citi Global Competition», Huffington Post, March 02, 2013. URL : http://www.huffngtonpost.com/2013/03/02/medellin-named-innovative-city-of-the-year_n_2794425.html

3. Scientific and practical conclusion based on the results of a study of the models of legal regulation of identification and authentication of individuals and legal entities existing in foreign jurisdictions for the purpose of performing legally significant actions and/or for publicly significant purposes, including an assessment of the possibility of implementing foreign experience in regulating identification in Russian legislation: ANO report «Center for International and Comparative Legal Research». М., 2018.

4. National project «Digital economy»: normative act. URL : <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>

5. Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation. URL : <https://digital.gov.ru/ru/>

6. Tom Saunders. Rethinking smart cities from the bottom up / Tom Saunders, Peter Beck. Nesta, June 2015. URL : https://www.nesta.org.uk/sites/default/files/rethinking_smart_cities_from_the_ground_up_2015.pdf

7. Engels F. Anti-Dühring; dialectics of nature. М. : Publishing house «E», 2017. 832 p.

8. Number of cybercrimes in the Russian Federation. URL : https://www.tadviser.ru/index.php/Article: Number_of_cybercrimes_in_Russia#320_D1.82.D1.8B.D1.81_D0.BA.D0.B8.D0.B1.D0.B5.D0.BF.D1.80.D0.B5.D1.81.D1.82.D1.83.D0.BF.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D0.B9_D0.B7.D0.B0_7_D0.BC.D0.B5.D1.81.D1.8F.D1.86.D0.B5.D0.B2.2C_D1.80.D0.BE.D1.81.D1.82_D0.BD.D0.B0_16.25

9. Innovation Policy Approach. Research Policy, 34: 1203–1219. Yin, R.K. 2009. Case Study Research: Design and Methods. (4th Ed). London : Sage.

Коуров Владимир Филаретович

кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра экономической теории
и национальной экономики,
Тихоокеанский
государственный университет
kourov-v@mail.ru

Меньшикова Елена Алексеевна

кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра экономической теории
и национальной экономики,
Тихоокеанский
государственный университет
menschikova.63@mail.ru

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ
ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ**

Аннотация. В статье рассмотрены методологические основы совершенствования деятельности государственных организаций высшего образования. Отражены проблемы развития университетов на территории Дальневосточного федерального округа. Систематизированы факторы модернизации сети организаций высшего образования на территории Дальневосточного федерального округа. Рассмотрены основные составляющие факторов модернизации деятельности государственных университетов.

Ключевые слова: высшее образование, реорганизация, модернизация, университет, геополитика, организация высшего образования.

Одним из важнейших направлений совершенствования деятельности государственных организаций высшего образования на территории Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) выступает модернизация системы высшего образования Российской Федерации (далее – ВО РФ) по следующим направлениям:

- реорганизацию образовательной деятельности организаций высшего образования (далее – университетов);
- реорганизацию научно-исследовательской деятельности университетов;

Vladimir F. Kourov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Economic Theory
and National Economy,
Pacific State University
kourov-v@mail.ru

Elena A. Menshikova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Economic Theory
and National Economy,
Pacific State University
menschikova.63@mail.ru

**METHODOLOGICAL FOUNDATIONS
FOR IMPROVING THE ACTIVITIES
OF STATE ORGANIZATIONS OF HIGHER
EDUCATION IN THE FAR EASTERN
FEDERAL DISTRICT**

Annotation. The article considers the methodological basis for improving the activities of public institutions of higher education. The problems of university development on the territory of the Far Eastern Federal District are reflected. The factors of modernization of the network of higher education organizations in the Far Eastern Federal District have been systematized. The main components of the factors of modernization of state universities are considered.

Keywords: higher education, reorganization, modernization, university, geopolitics, organization of higher education.

- формирование инновационной деятельности университетов;
- модернизацию организационных структур университетов.

В современной научной литературе значительное внимание уделяется исследованию проблем модернизации системы ВО РФ. Следует согласиться с В.В. Вольчик, П.О. Савко, А.И. Маскаевым, которые утверждают, что развитие системы высшего образования связано с инерционностью имеющихся институтов, специфическими академическими ценностями и региональными

особенностями [1]. М.А. Мурашев справедливо отмечает, что становление вузов нового академического и университетского типа протекало в условиях жесткой критики отечественного технического образования [2].

В рамках данного исследования рассмотрены методологические подходы к реорганизации сети государственных организаций высшего образования РФ с учетом действия геополитических, национальных, региональных факторов, а также факторов на уровне государственного университета, подвергающегося реструктуризации. Содержание методологии исследования включает направления модернизации ВО РФ в целом и на территории ДФО, а также – факторы реструктуризации сети высшего образования на территории ДФО.

Геополитический фактор реструктуризации диктует необходимость реализации комплекса мероприятий, обеспечивающих конкурентоспособность, эффективность и устойчивость России в глобальном соревновании инновационных обществ и экономик, основанных на знаниях. Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко обозначила дискуссионные моменты в реформировании образования, в числе которых реорганизация неэффективных вузов, пути улучшения подготовки квалифицированных кадров, место российских вузов в мировых рейтингах [3].

Геополитика предопределяет разработку методологической основы реструктуризации по следующим направлениям.

1. Она включает три функциональные составляющие: блок геополитики, блок макроанализа и блок микроанализа. Блок геополитики предполагает оценку воздействия глобальных факторов на современное состояние ВО РФ и разработку мероприятий реструктуризации деятельности университетов, обеспечивающих национальную безопасность системы ВО РФ в качестве конкурентоспособного субъекта в мировой образовательной системе. Блок макроанализа разрабатывает основные подходы для ответа на вопрос, какие университеты РФ целесообразно исследовать на предмет реорганизации. Блок микроанализа позволяет ответить на вопрос, какие значения показателей свидетельствуют о необходимости присоединения слабых вузов к сильным.

2. Методологический подход также основан на нормативной базе, которая предполагает, что её рекомендации на основе тех или иных оценочных выводов отвечают на вопрос, какой должна быть система ВО РФ.

3. Методология сформирована с учетом значительного количества ограничений по фактологическому материалу сферы ВО РФ, что предполагает ее развитие в результате обработки дополнительных массивов информации.

4. Рассматриваемый подход основан на признании необходимости развития процессов реорганизации государственных университетов. В настоящее время таким основанием является добровольное согласие университета быть реорганизованным в составе другого (более крупного).

При разработке отдельных положений методики следует учитывать статусы реорганизуемых университетов, особенности процедуры реорганизации, экономические и операционные основания для реорганизации.

Кроме того, геополитика предопределяет учет следующих факторов при разработке методологических основ реструктуризации сети высшего образования на территории ДФО.

Во-первых, фактор ВТО, особенно для состояния системы ВО в ДФО, предполагает реализацию принципа устойчивости и конкурентоспособности только через концентрацию и централизацию ВО путем укрупнения государственных университетов. При этом концентрация и централизация ВО (на примере ДФО) может происходить по сценарию обеспечения национальной безопасности ВО, как на территории ДФО, так и в России в целом. Данный сценарий предполагает формирование базовой сети государственных университетов по восточным и юго-западным границам ДФО. В линии северо-восточной границы государственных университетов ВО в ДФО находятся Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга (г. Петропавловск-Камчатский) – Северо-восточный государственный университет (г. Магадан) – Сахалинский государственный университет (г. Южно-Сахалинск) – ДВФУ (г. Владивосток). В линии юго-западной границы государственных университетов ВО в ДФО находятся ДВФУ (г. Владивосток) – ТОГУ (г. Хабаровск) – Амурский государственный университет (г. Благовещенск) – СВФУ (г. Якутск). Не определяя рейтинговую оценку указанных университетов, следует обратить внимание на факт совпадения их статусности со сформировавшейся в РФ группой элитных организаций высшего образования.

Во-вторых, геополитическая концентрация и централизация ВО в ДФО, как и в любом федеральном округе РФ, входит в определенное несоответствие с пространственной статистикой таких показателей по федеральным округам, как численность и плотность населения, количество государственных вузов, распределение студентов по государственным вузам. Следует согласиться с В.Г. Макаренко в том, что основная проблема системы высшего образования в России, в том числе и на Дальнем Востоке, состоит в том, что она работает вхолостую, 20 лет выпускники вузов в большинстве своем не имеют гарантированного распределения на работу [4]. Другими словами, сложившаяся система нормативов ВО РФ, низкая плотность населения ДФО, его демографический потенциал и т. д. затрудняют реализацию реорганизации вузов с точки зрения ресурсного обеспечения.

В-третьих, наряду с пространственной геополитикой на примере ДФО следует выделить также геополитический фактор воздействия внешней среды на ВО РФ. Воздействие этого фактора можно наблюдать по ряду направлений и в процессе реструктуризации государственных университетов следует постепенно устранять.

В четвертых, на результативность государственных университетов ДФО отрицательно воздействует

институциональная размытость положения основных субъектов рынка образовательных услуг. В ДФО действие этого геополитического фактора проявляется в том, что государство, финансируя высшее образование за счет средств федерального бюджета, не всегда выступает одним из основных работодателей для выпускников государственных университетов. Как правило, студенты-бюджетники, являющиеся наиболее перспективными кадрами ВО, уже с 3–4 курсов обучения находятся в системе параллельной занятости в частном секторе экономики, начиная с мелких организаций вплоть до крупных сетевых компаний.

Тихое рейдерство частного бизнеса в условиях отсутствия законодательно установленных отношений между частными компаниями и государственными университетами приводит к формированию ситуации, в которой выпуске отсутствует возможность кадрового обеспечения приоритетных направлений развития государственного сектора экономики. Социальная благотворительность государства через систему ВО, с одной стороны, обеспечивает государственные интересы по регулированию социального спокойствия в обществе, с другой, – государство на рынке образовательных услуг ВО РФ выступает в роли крайне непопулярного субъекта рыночных отношений. Исключением выступают отдельные сегменты рынка, обеспечивающие национальную безопасность страны, занятость выпускников в социальной сфере, а также в сфере государственного и муниципального управления.

В-пятых, низкая профессиональная эффективность бюджетных затрат в сфере ВО с геополитической точки зрения предполагает проведение энергичной и сбалансированной реструктуризации государственных университетов в целях экономического оздоровления сферы ВО и использования высвободившихся бюджетных средств по другим социально значимым направлениям.

В-шестых, несмотря на организационную подчиненность каждого государственного университета

Литература:

1. *Вольчик В.В.* Комплементарность институциональных и организационных изменений в контексте реорганизации вузов / В.В. Вольчик, П.О. Савко, А.И. Маскаев // Журнал институциональных исследований. 2018. Т.10. № 4. С. 156–172.
2. *Мурашев М.А.* Реорганизация технических вузов Дальнего Востока в условиях перехода к рыночной экономике (1990-е гг.) / М.А. Мурашев // Реформы конца XX – начала XXI века на постсоветском пространстве: региональный аспект. Сборник научных статей. 2020. С. 392–399
3. *Матвиенко В.И.* Реорганизация вузов требует ювелирного подхода / В.И. Матвиенко // Высшее образование сегодня. 2012. № 11. С. 5–6
4. *Макаренко В.Г.* Высшее образование как фактор развития Дальнего Востока: рыночные реформы и новые возможности (1991–2013 гг.) / В.Г. Макаренко // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2013. № 4(170). С. 18–23.

Министерству науки и высшего образования РФ, в федеральных округах и субъектах РФ постоянно возникают хаотические процессы даже в таких приоритетных видах деятельности университетов, как формирование наборов, повышение качества образовательных процессов, совершенствование научно-исследовательской деятельности, совершенствование системы трудоустройства выпускников.

Таким образом, представленные методологические основы совершенствования деятельности государственных организаций высшего образования могут быть использованы для принятия решений по повышению эффективности сети организаций ВО РФ на основании того, что сформулированные методологические положения содержат следующие составляющие.

Во-первых, методическое обоснование необходимости и порядка проведения макроанализа с целью отбора университетов, подлежащих реорганизации, как в качестве реорганизационного ядра, так и в качестве присоединяемых организаций.

Во-вторых, разработано методическое обоснование проведения микроанализа, в результате которого устанавливается система «пороговых» показателей, отклонения от которых свидетельствуют о необходимости реорганизации университетов.

В-третьих, определены способы установления стратегических несоответствий в практике развития университетов, устранения дублирующихся направлений подготовки студентов и нерациональной занятости ППС, слабости материально-технической базы образовательной деятельности, недостаточного уровня развития научно-исследовательской деятельности, имущественного комплекса, снижения затрат на его содержание, обуславливающих нецелевые и излишние бюджетные расходы.

Literature:

1. *Volchik V.V.* The complementarity of institutional and organizational changes in the context of the reorganization of universities / V.V. Volchik, P.O. Savko, A.I. Maskaev // Journal of Institutional Research. 2018. Vol.10. № 4. P. 156–172.
2. *Murashev M.A.* Reorganization of technical universities in the Far East in the context of transition to a market economy (1990s) / M.A. Murashev // Reforms of the late XX – early XXI century in the post-Soviet space : regional as-project. Collection of scientific articles. 2020. P. 392–399
3. *Matvienko V.I.* Reorganization of universities requires a jewel-like approach / V.I. Matvienko // Higher Education Today. 2012. № 11. P. 5–6
4. *Makarenko V.G.* Higher education as a factor in the development of the Far East: market reforms and new opportunities (1991–2013) / V.G. Makarenko // Bulletin of the Far Eastern Branch of RAS. 2013. № 4(170). P. 18–23.

Коуров Владимир Филаретович

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
экономической теории
и национальной экономики,
Тихоокеанский
государственный университет
000097@pnu.edu.ru

Vladimir F. Kourov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of Department,
Department of Economic Theory
and National Economy,
Pacific National University
000097@pnu.edu.ru

Новый инвестиционный цикл и институционализация теории

NEW INVESTMENT CYCLE AND INSTITUTIONALIZATION OF THEORY

Аннотация. Статья содержит теоретический материал по разработке содержания и структуры нового инвестиционного цикла в экономике РФ и его субъектах. Дается определение нового инвестиционного цикла и устанавливается его положение в структуре основных концепций теории циклов. Представлена классическая и современная институционализация нового инвестиционного цикла, рассмотрена структура каждого из видов институционализации. Разработаны основные направления современной институционализации нового инвестиционного цикла, представлены процессы индивидуализации нового инвестиционного цикла как противоположные процессы институционализации.

Annotation. The article contains theoretical material on the development of the content and structure of the new investment cycle in the economy of the Russian Federation and its subjects. The definition of a new investment cycle is given and its position in the structure of the basic concepts of the theory of cycles is established. The classical and modern institutionalization of the new investment cycle is presented, the structure of each type of institutionalization is considered. The main directions of modern institutionalization of the new investment cycle are developed, the processes of individualization of the new investment cycle are presented as opposite processes of institutionalization.

Ключевые слова: новый инвестиционный цикл, институционализация, Правительство РФ, теории циклов, соглашение о защите и поощрении капиталовложений, инвесторы, основной капитал, инвестиционные проекты.

Keywords: new investment cycle, institutionalization, Government of the Russian Federation, theories of cycles, agreement on the protection and promotion of capital investments, investors, fixed capital, investment projects.

Российская экономика вступила в период существенных структурных изменений, обусловленных стремлением недружественных государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий, применения дискриминационных мер в отношении ключевых секторов российской экономики, ограничения доступа к иностранным финансовым ресурсам. Принятие новых вызовов и устранение современных угроз для российской экономики предполагает разработку новых целей и задач государственной политики в сфере экономики по огромному перечню направлений современного экономического развития. Одним из основных направлений современных структурных изменений в экономике РФ выступает обеспечение устойчивого роста реального сектора экономики на основе улучшения инвестиционного климата и совершенствования инвестиционных процессов.

экономической литературы позволяет сделать вывод, что одним из распространенных отражений теоретического содержания НИЦ выступает, на наш взгляд, его институционализация. Исходя из общепринятого определения НИЦ как совокупности мероприятий по разработке и реализации инвестиционных проектов, которые включают прединвестиционную, инвестиционную и производственную фазы теоретическая институционализация данного понятия заключается в следующем [1]. Инвестиционный цикл дополнительно характеризуется как новый потому, что в его теории и практике основной акцент делается на разработку и внедрение в структуру цикла комплекса институциональных положений, содержание которых отражается в новых нормативных правовых актах. Следует различать классическую и современную институционализацию НИЦ. Классическая институционализация НИЦ предполагает рассмотрение его научного содержания на основе теоретического наследия, включающего понимание фундаментального содержания теории циклов в классической литературе.

Одним из современных механизмов реализации вышеуказанного направления выступает организация и запуск в РФ и её субъектах нового инвестиционного цикла (далее – НИЦ). Анализ

При обобщении теоретических подходов следует согласиться с В.М. Кульковым, утверждающим, что наиболее характерным и обобщающим признаком существования большинства циклов является наличие циклических колебаний макроиндикаторов [2]. Вышеизложенное определение НИЦ свидетельствует о том, что, как таковые, циклические колебания в его содержании не имеют решающего значения. Формирующаяся теория НИЦ позволяет предположить, что наиболее характерными признаками этого цикла выступает последовательность фаз от прединвестиционной до производственной, скорость формирования экономических процессов в течение каждой из фаз и НИЦ в целом, максимизация результатов реализации НИЦ, выраженных в стоимостной форме, а также насыщение процессов реализации НИЦ эффективными инфраструктурными условиями его обеспечения. К классическим инфраструктурным условиям обеспечения НИЦ следует отнести:

- создание благоприятной инвестиционной среды;
- стимулирование инвестиций в экономические зоны;
- совершенствование архитектурно-строительного регулирования;
- оптимизации подходов к финансированию и мониторингу проектов;
- формирование портфеля инвестиционных проектов;
- мониторинг реализации комплекса мер по реализации НИЦ.

Смысл классической институционализации НИЦ также заключается в том, что она позволяет сделать вывод о частичной корреспонденции содержания НИЦ и содержания отдельных классических теорий циклов. К таким теориям можно отнести теорию воспроизводственных циклов Маркса, связывающую экономические кризисы как циклообразующую фазу цикла с периодическим обновлением основного капитала.

При этом также справедливо утверждение, что концепция НИЦ представляет собой частный случай теории циклов Маркса и охватывает жизненный цикл инвестиций на микро- и макроэкономических уровнях. Отличием концепции НИЦ от теории циклов Маркса является то, что цикл в НИЦ представляет собой случай открытой цикличности, циклы воспроизводства Маркса можно трактовать как процессы замкнутой цикличности.

Современная институционализация НИЦ может быть представлена следующими основными направлениями.

1. Институциональная постановка проблемы запуска НИЦ в РФ заключается в том, что Президент РФ В.В.Путин неоднократно указывал на необходимость обеспечения роста нашей экономики на основе создания благоприятного инвестиционного климата и запуска нового инвестиционного цикла [3]. На основе разработок

профильных министерств по Программе «Новый инвестиционный цикл» Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин на Гайдаровском форуме в январе 2021 года отметил необходимость повышения эффективности таких составляющих НИЦ как инвестиционные соглашения, удобные налоговые режимы, развитие инфраструктуры инвестиций [4].

2. Заметным институциональным направлениям теоретического осмысления содержания НИЦ выступают инициативы Правительства РФ по разработке структуры содержания данного понятия. Такая институциональная структура понятия представляет собой возможное сочетание в НИЦ четырех основных составляющих:

- регуляторных изменений в режиме соглашений о защите и поощрении капиталовложений (далее – СЗПК);
- создания условий для запуска новых инвестиционных проектов;
- реинжиниринг правил промышленного строительства;
- формирование доступных финансовых источников для инвестиционных проектов.

3. Совершенствование режима инвестиционных соглашений в направлениях усиления их мотивационного механизма. Основным составляющим такого механизма выступает кэшбэк для инвесторов СЗПК. Понимание кэшбэка в данном институциональном направлении заключается как возмещение инвесторам части затрат по инвестиционным проектам. Кроме того, в понимание кэшбэка также включаются и налоговые вычеты. По мнению Министерства экономического развития РФ, за счет системы поддержки частных инвестиционных проектов предполагается к 2024 г заключить не менее 1000 инвестиционных соглашений, накопить не менее 8 трлн рублей инвестиций и создать не менее 70 тыс. новых рабочих мест [5].

Представляется масштабной работа по развитию практики обеспечения НИЦ нормативными документами и специализированными институтами. Актуальными направлениями развития институционального обеспечения НИЦ представляется разноплановая регионализация механизмов запуска НИЦ. Исходным документом нормативного обеспечения запуска НИЦ является Стандарт деятельности органов исполнительной власти по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе (далее – Стандарт). Стандарт – это минимальный набор нормативных и иных документов, а также организационных решений, которые должны быть приняты в субъекте РФ, направленных на повышение инвестиционной привлекательности региона, защиту прав инвесторов, формирование эффективного взаимодействия предпринимательского сообщества с местными властями. Значительным институциональным трендом использования Стандарта является разработка положений, регламентирующих организацию новых рабочих и совещательных органов государственного управления, а также дополнительных документов. К последним следует

отнести Инвестиционную стратегию и Инвестиционную декларацию региона. В них заключены такие положения как обязательства высшего должностного лица региона по обеспечению и защите прав инвесторов, гарантии безопасности ведения предпринимательской и инвестиционной деятельности на территории субъекта Российской Федерации и иное. Кроме того, Стандарт предполагает создание в субъектах РФ специализированных организаций по привлечению инвестиций и работе с инвесторами. Основными функциями таких организаций являются обеспечение режима «одного окна» для инвесторов при взаимодействии с органами исполнительной власти, содействие созданию проектных команд по поддержке и реализации конкретных инвестиционных проектов и др.

Одновременно с процессами институционализации НИЦ следует отметить процессы его индивидуализации. Под индивидуализацией НИЦ мы понимаем характеристики состояния, изменений отношения хозяйствующих субъектов к реализации НИЦ. Как правило, эти характеристики имеют значительное инерционное содержание и в своей совокупности препятствуют процессам институционализации НИЦ. К основным направлениям индивидуализации НИЦ следует отнести:

– стагнацию объёмов инвестиций в основной капитал на территории РФ, вложения в конкурентные наукоемкие проекты невелики, инвестиционные планы компаний сталкиваются с высокими рисками (регуляторные изменения, завышенная стоимость подключения к инфраструктуре и т.д.);

Литература:

1. Жизненный цикл инвестиционного проекта и этапы проектирования // Справочно-информационный сайт по инженерному оборудованию зданий и сооружений. URL : <http://engineering-systems.ru/proektirovanie-metallurgicheskikh-zavodov/zhiznenniy-ciklinvesticionnogo-proekta-i-etapi-proektirovaniya.php>
2. *Кульков В.М.* Макроэкономика М. : Юрайт, 2014. С. 75–76.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // КонсультантПлюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959
4. Премьер-министр Михаил Мишустин представил на Гайдаровском форуме-2021 стратегию Правительства по развитию страны на ближайшее десятилетие // Алтайский филиал РАНХиГС. URL : https://www.alt.ranepa.ru/pressroom/news/premer_ministr_mihail_mishustin_predstavil_na_gaydaro_5270.html
5. Инвестиционный цикл в четыре шага. Власти готовят новые механизмы поощрения капиталовложений со стороны крупного и среднего бизнеса // РБК группа компаний и один из крупнейших мультимедийных холдингов России. URL : <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/03/15/604232099a79471>

– традиционную растяжку действий органов государственной власти и отсутствие механизмов реализации планов институционализации НИЦ;

– отсутствие комплексного подхода к обеспечению устойчивого роста инвестиций, для которых необходимы такие условия, как улучшение инвестиционного климата, перспективы стабильного увеличения внутреннего и внешнего спроса, стабильный рубль, доступ к качественным трудовым ресурсам и рост прибылей;

– проблематичным нам представляется привлечение в экономике нового круга инвесторов, так как разработанные механизмы институционализации НИЦ больше подходят для его запуска силами активно работающих компаний.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что теоретическое содержание НИЦ, развитие процессов его институционализации, регулирование процессов индивидуализации представляют собой диалектическое единство противоположностей в хозяйственной практике РФ и её субъектов. Сложно говорить о возможностях одностороннего совершенствования процессов институционализации теории НИЦ. Скорее всего, теоретическое отражение НИЦ будет изменяться по мере развития практики формирования и запуска НИЦ в увеличивающемся количестве сфер экономики страны по вертикальным и горизонтальным направлениям её структуры.

Literature:

1. Life cycle of an investment project and design stages // Reference and information site on engineering equipment of buildings and structures. URL : <http://engineering-systems.ru/proektirovanie-metallurgicheskikh-zavodov/zhiznenniy-ciklinvesticionnogo-proekta-i-etapi-proektirovaniya.php>
2. *Kulkov V.M.* Macroeconomics M. : Yurayt. 2014. P. 75–76.
3. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated January 15, 2020 // ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959
4. Prime Minister Mikhail Mishustin presented at the Gaidar Forum-2021 the Government's strategy for the development of the country for the next decade // Altai branch of the RANEPA. URL : https://www.alt.ranepa.ru/pressroom/news/premer_ministr_mihail_mishutin_prestavil_na_gaydaro_5270.html
5. Investment cycle in four steps. The authorities are preparing new mechanisms to encourage investment by large and medium-sized businesses // RBC group of companies and one of the largest multimedia holdings in Russia. URL : <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/03/15/604232099a79471>

Лэй Шуян
магистрант,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
695443426@QQ.COM

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ С 1990 ПО 2000 ГОДЫ

Аннотация. После распада СССР в 1991 году российское правительство осуществило ряд радикальных реформ, направленных на преобразование экономики из централизованно-планируемой и контролируемой в экономику, основанную на капиталистических принципах. Однако экономический фундамент самой страны оставался таким же, как и в советский период. Кризис 1990-ых годов сыграл роль дестабилизирующего фактора в историческом переходе от ценностей марксизма к капиталистическому построению новой экономики. Подобная эволюция свершилась в одночасье. То, к чему большинство развитых государств шли последовательно и планомерно, постсоветская Россия 1990-ых годов реализовала в один этап, подвергнув население страны так называемой «шоковой терапии».

Ключевые слова: экономика России, СССР, перестройка, приватизация, кризис.

Данное исследование преследует две цели: с одной стороны, оценить изменение технологического уровня российской экономики, являющегося очень важной детерминантой долгосрочного экономического роста, а с другой стороны, попытаться сформулировать объяснение ее экономического кризис 1990-х гг.

Экономическое значение технологий и инноваций велико, поскольку, разница между богатыми и бедными странами заключается не в том, что у богатых больше денег, чем у бедных, а в том, что богатые страны производят больше товаров и услуг. Одна из причин, по которой они могут это сделать, заключается в том, что их технология лучше, то есть, их способность использовать ресурсы природы и людей в продуктивных целях выше. Если Западная Европа превосходила в плане экономического роста большинство стран Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза, то это, отчасти, произошло, благодаря ее технологическому превосходству. Однако, хотя технику можно рассматривать с «эконометрической» точки зрения как независимую переменную, определяющую выпуск продукции, она также специфична для страны, т.е., зависит от общего сложного социально-экономического

Lei Shuyan
Master's Student,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
695443426@QQ.COM

RESEARCH OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMIC POLICY FROM 1990 TO 2000

Annotation. After the collapse of the USSR in 1991, the Russian government implemented a series of radical reforms aimed at transforming the economy from a centrally planned and controlled economy to one based on capitalist principles. However, the economic foundation of the country itself remained the same as in the Soviet period. The crisis of the 1990s played the role of a destabilizing factor in the historical transition from the values of Marxism to the capitalist construction of a new economy. This evolution happened overnight. Post-Soviet Russia of the 1990s realized what most of the developed countries were consistently and systematically achieving in one stage, subjecting the country's population to the so-called «shock therapy».

Keywords: Russian economy, USSR, perestroika, privatization, crisis.

каркаса исторически конкретной общественной формации [8].

Децентрализация механизмов принятия решений и подотчетности предприятий, либерализация цен и, наконец, крупнейшая в истории приватизация предприятий составили ключевые элементы экономической реформы в процессе перехода России от централизованно-плановой экономики к западному типу экономики. Кроме того, налогообложение доходов от негосударственной деятельности составляло значительный фактор затрат и приводило к уклонению от уплаты налогов и задержкам налоговых платежей с некоторых крупных предприятий. Таким образом, (денежная) экономика была частично заменена в течение 1990-х годов посредством неденежных операций, что способствовало распространению уклонения от уплаты налогов [1].

Между тем, государство оказалось не в состоянии контролировать многие другие фундаментальные экономические и социальные «переменные», а качество государственного образования, здравоохранения и транспорта значительно ухудшилось. Первым очевидным результатом «переходного» процесса было резкое падение

производства вплоть до 1998 г. в сочетании с очень высокими темпами инфляции. Согласно официальной российской статистике, ВВП России за период 1990–1995 гг. сократился более чем на 50 % по сравнению с уровнем 1989 г., что означает середину кризисного периода [2]. В любом случае, здесь следует отметить следующий факт: официальная российская статистика завышала значения макроэкономических данных до 1991 г. Так, согласно исследованиям Гавриленкова, Козна и Кубонины, падение совокупного выпуска продукции в России за период 1990–1995 гг. составляет примерно 35 %. В этих исследованиях были предприняты попытки учесть различные факторы, которые могли повлиять на оценки, т.е., степень уклонения от уплаты налогов. Наконец, в новых условиях малые предприятия «прятали» часть своих доходов и, следовательно, занижали совокупный выпуск продукции экономики. В этой связи, следует также принимать во внимание широкое распространение неденежных операций.

Противоположное наблюдается в период восстановления экономики России, т.е., после 1995 года. Сообщаемое увеличение объема производства обманчиво из-за спада немонетарных операций. Таким образом, произошло гораздо большее падение промышленного производства (относительно общего объема производства – ВВП), а инвестиции практически рухнули. Сокращение производства сопровождалось значительным сокращением расходов на исследования и разработки (НИОКР). Таким образом, спад совокупного выпуска затронул не все отрасли российской экономики, что в равной степени привело к существенной отраслевой реструктуризации, которая, в свою очередь, пошла на пользу сфере услуг за счет доли отрасли в ВВП [3].

Помимо всего прочего, важно подчеркнуть, что первостепенной заботой всех людей является удовлетворение их основных потребностей, что является сферой экономики. Следовательно, в случае невозможности обеспечения населения основными благами и приемлемыми условиями жизни, отношение граждан ко всем «производным» экономической системы, таким как политика и общественное устройство, будет иметь негативные оттенки, несмотря на объективные ценности этих институтов. Поэтому многие россияне отчетливо помнят продовольственный голод и покупательную беспомощность, но лишь немногие вспоминают политические свободы.

Однако с уверенностью можно подчеркнуть, что весь комплекс мер, реализованных для осуществления перехода от социализма к капитализму, являются «экстренными мерами», в связи с тем, что экономика Советского Союза находилась на грани полного краха, и недовольство населения есть признак их незнания и непонимания такого положения дел.

Экс-представитель Президента России в Санкт-Петербурге (в 1990-е гг.) Цыпляев отмечает: «Безусловно, это было трудное время. СССР так опоздал со своими реформами, что закончился их экономическим и политическим развалом, а

затем пошла военно-спасательная операция. Буквально представьте, в доме тушат пожар, а жильцы недовольны тем, что их обливают пеной» [4].

Кроме того, люди, занимавшиеся экономическими вопросами в 1990-х годах, способствовали развенчанию распространенных мифов о конкретных экономических реформах, проводившихся в 1990-е годы, самой известной из которых является приватизация. Имя его изобретателя – Анатолия Чубайса, а понятие «ваучеры» или приватизационные векселя стали синонимом пустых спекуляций и обмана людей. Однако бывший депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга (в 1990-е) Евдокимова утверждает, что «иного пути не было для преодоления корпуса «красных директоров». Поэтому было много причин, по которым приватизация послужила началом такого расслоения граждан:

- во-первых, это было сделано в спешке;
- вторая причина – инфляция;
- третья причина – невозможность построить новое государство в одночасье».

Тем не менее, Евдокимова соглашается с тем, что спекуляции в процессе приватизации имели место, но эти правонарушения оказались непредсказуемыми последствиями приватизации, а не целенаправленными действиями правительства по обману и «грабежу» людей [5].

Экс-заместитель министра экономики Российской Федерация (в 1990-е гг.) Васильев утверждает, что, «собственность была распределена. Это было до развала СССР, когда началась стихийная приватизация. Тот, кто стоял близко к «пирог», получил его. Реформаторы пытались добиться более равномерного распределения собственности, что не получилось» [6]. По сути, не было законов рыночной экономики; этот трюк был эффективен, но как только произошел переход и государство лишилось инструментов регулирования экономики, это сразу же вызвало колоссальные темпы инфляции [9]. Член Аналитического центра при Президенте по социально-экономическим вопросам (в 1990-е годы) Филиппов говорит: «Стала обыденностью ситуация: например, у женщины было несколько тысяч рублей и она считала себя богатой, а через год оказалось, что она ничего не могла купить» [7].

Подводя итог, можно сказать, что вследствие экономического коллапса 1990-х годов, темпы роста технологического уровня практически не изменились, что, в свою очередь, ограничило дальнейшее ухудшение российской экономики [10]. По сути, кризис 1990-ых годов был временным дестабилизирующим фактором движения к капиталистической форме экономики. То к чему большинство развитых государств приходили последовательно и поэтапно, постсоветская Россия 1990-ых годов пришла резко, подвергнув «шоковой терапии» всю социально-экономическую отрасль страны.

Литература:

1. *Ивлеев С.Е.* Экономические ошибки СССР. М. : Артус, 2022. С. 613.
2. *Беляева Г.Н.* Экономические реформы пост-советской России. СПб. : Синц-мануфактура, 2021. С. 310.
3. *Щербинин Д.Я.* Макроэкономика : учеб. пособие. М. : Колибри, 2021. С. 808.
4. *Ярилов С.У.* История России. М. : Издательство менеджера, 2021. С. 1470.
5. *Мещерякова С.М.* Приватизация в экономической политике России. М. : Юрайт, 2022. С. 520.
6. *Гришина Н.Е.* Экономическая безопасность. М.: Астрель, 2021. С. 410.
7. *Васильев В.Н.* История и воспоминания. М. : Экзамен, 2021. С. 918.
8. *Уразова К.Л.* Международное инвестиционное право. Опыт работы в КНР. М. : Хатбер-М, 2022. С. 610.
9. *Бондаренко А.В.* Противодействие коррупции: правовые нормы и морально-этические аспекты проблемы / А.В. Бондаренко // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9(76). С. 217–218.
10. *Рассолова И.Ю.* Оценка регулирующего воздействия как необходимый элемент экономической и социальной политики современного государства / И.Ю. Рассолова, Р.З. Мударисов, Ф.М. Гарипова // Дискуссия. 2022. № 1(110). С. 32–38.

Literature:

1. *Ivleev S.E.* Economic mistakes of the USSR / S.E. Ivleev. M. : Artus, 2022. P. 613.
2. *Belyaeva G.N.* Economic reforms in post-Soviet Russia. SPb. : Sints-manufactory, 2021. P. 310.
3. *Shcherbinin D.Ya.* Macroeconomics : textbook. M. : Hummingbird, 2021. P. 808.
4. *Yarilov S.U.* History of Russia. M. : Publishing house manager, 2021. P. 1470.
5. *Meshcheryakova S.M.* Privatization in the economic policy of Russia. M. : Yurait, 2022. P. 520.
6. *Grishina N.E.* Economic security. M. : Astrel, 2021. P. 410.
7. *Vasiliev V.N.* History and memories. M. : Exam, 2021. P. 918.
8. *Urazova K.L.* International investment law. Experience in China. M. : Khatber-M, 2022. P. 610.
9. *Bondarenko A.V.* Anti-corruption: legal norms and moral and ethical aspects of the problem / A.V. Bondarenko // Eurasian Legal Journal. 2014. № 9(76). P. 217–218.
10. *Rassolova I.Yu.* Assessment of regulatory impact as a necessary element of economic and social policy of the modern state / I.Yu. Rassolova, R.Z. Mudarisov, F.M. Garipova // Discussion. 2022. № 1(110). P. 32–38.

Меньшикова Елена Алексеевна

кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра экономической теории
и национальной экономики,
Тихоокеанский
государственный университет
menschikova.63@mail.ru

Elena A. Menshikova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Economic Theory
and National Economy,
Pacific National University
menschikova.63@mail.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО
КОНТРОЛЯ КАК ФАКТОР
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

**IMPROVEMENT OF STATE
FINANCIAL CONTROL AS A FACTOR
OF ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA**

Аннотация. В статье рассмотрены угрозы экономической безопасности в финансовой сфере. Обоснована необходимость совершенствования системы государственного контроля и надзора в России. Показана роль органов контроля и надзора в противодействии легализации преступных доходов. Систематизированы основные элементы контроля и надзора в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Приведены результаты анализа взаимодействия правоохранительных органов с органами государственного контроля и надзора в России.

Annotation. The article considers threats to economic security in the financial sphere. The necessity to improve the system of state control and supervision in Russia is substantiated. The role of control and supervision bodies in combating money laundering is shown. The article systematizes the basic elements of control and supervision in the sphere of combating money laundering and terrorism financing. The results of analysis of interaction between law enforcement bodies and state control and supervision bodies in Russia are given.

Ключевые слова: экономическая безопасность, государственный финансовый контроль, экономическое преступление, легализация преступных доходов, контроль, надзор.

Keywords: economic security, state financial control, economic crime, money laundering, control, supervision.

В условиях развития рыночной экономики в Российской Федерации (далее – РФ) возникли такие угрозы экономической безопасности, как усиление структурных дисбалансов в экономике и финансовой системе, ограничение доступа к иностранным финансовым ресурсам, подверженность финансовой системы глобальным рискам, рост экономической преступности, увеличение доли теневой экономики [1]. Распространение коррупции, коммерческого подкупа, взяточничества и других экономических преступлений вызывает недоверие у населения к государственной власти. Эти крайне опасные явления ведут к развитию кризисных явлений в финансово-экономической сфере, к росту социальной напряженности, расшатывают государственную власть и криминализируют экономику. Неотложность нейтрализации угроз экономической безопасности требует разработки способов совершенствования государственного финансового контроля в целях реализации государственных мер, направленных на их преодоление и предотвращение появления новых рисков и угроз экономической безопасности.

В числе наиболее распространенных и опасных преступлений в финансово-экономической сфере - легализация преступных доходов, полученных в результате хищения государственных средств РФ. При этом государственные организации переводят деньги за якобы выполненные работы, оказанные услуги, поставленные товары в пользу фирм-однодневок, образующих первый слой, отделивший денежные средства от источников их происхождения. Запутывание финансовых следов осуществляется посредством перевода денежных средств на счета второго слоя фирм-однодневок, аккумулирующих финансовые потоки. Платежи дробятся на более мелкие суммы, используются фиктивные договоры об оплате товаров, услуг, предоставления займов и др. Дальнейшее распределение теневых финансовых потоков происходит посредством перечисления денежных средств на счета компаний в банках, предоставляющих теневые услуги. При этом разбитые на небольшие суммы денежные средства, объединяются в крупные платежи. Опять используются фиктивные договоры, якобы связанные с предоставлением займов, покупкой ценных

бумаг, разнородных товаров и т.п. Пройдя по цепочке перечислений, денежные средства в конечном итоге поступают за рубеж на счета офшорных компаний либо физических лиц, обналачиваются, уходя в теневую сферу и скрывая финансовый след.

Выявление и предотвращение столь сложных и запутанных схем экономических преступлений требует совершенствования системы финансовых расследований, особую роль в которой играют подразделения финансовой разведки (далее – ПФР), в России – это Федеральная служба по финансовому мониторингу РФ (далее – Росфинмониторинг). Контроль и надзор в сфере легализации доходов, полученных преступным путем, имеют особое значение при проведении борьбы с экономическими преступлениями. Сведения о процессах отмыывания доходов, полученных преступным путем, позволяют оценить масштабы и особенности незаконных операций, выявить физических и юридических лиц, предоставляющих услуги преступникам. Контроль и надзор в сфере легализации преступных доходов повышает результативность борьбы правоохранительных органов с экономическими преступлениями, позволяет конфисковать доходы, полученные незаконным путем.

Контроль и надзор в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем и финансирования терроризма (далее – ПОД/ФТ), в сочетании с расследованиями экономических преступлений, являющихся источниками преступных доходов, позволяет правоохранительным органам лишать преступников незаконно приобретенного имущества, что, безусловно, сдерживает развитие преступности. Е.В. Зайцева подчеркивает, что подразделения Росфинмониторинга при работе с запросами правоохранительных органов сосредотачивают максимальные ресурсы на высокорисковых сферах преступной деятельности: кредитно-финансовой и бюджетной сфере, коррупции, незаконном обороте наркотиков, финансировании терроризма [2].

Особое внимание законодательство РФ уделяет контролю за отмыыванием денег на стадии их размещения в финансовых организациях, так как эта стадия легализации преступных доходов является наиболее уязвимой для государственного контроля. Эффективность контроля за отмыыванием денег зависит от того, в какой мере обеспечивается финансовая прозрачность деятельности организаций финансового и нефинансового сектора экономики для уполномоченных органов. Несмотря на сохранение в деятельности финансового сектора роли банковской тайны и налоговой конфиденциальности, в последние годы отмечена тенденция роста прозрачности финансовой системы. Этому способствовали разоблачения коррумпированных банкиров, сотрудничавших с торговцами наркотиками, оружием и другими группами организованной преступности. Контроль за размещением преступных доходов в систему финансовых институтов включает, прежде всего, следующие требования: обязательные сообщения в уполномоченные органы

(Центральный банк России, Росфинмониторинг и ФНС России) обо всех сделках, превышающих определенную сумму наличными или их эквивалента; сообщения о подозрительных сделках, требующие, чтобы банки учитывали некоторые или все крупные валютные сделки, но сообщали властям о тех, которые вызывают подозрение; запрет крупных сделок с наличными, минуя законного финансового посредника. Обязательному контролю и надзору в сфере ПОД/ФТ подлежат все организации по оказанию финансовых услуг. Кроме того, обязаны выявлять подозрительные операции, потенциально связанные с легализацией преступных доходов, такие лица нефинансовых профессий, как нотариусы, адвокаты, бухгалтеры, аудиторы. Они обязаны сообщать о подозрительных лицах, операциях на сумму свыше 600 тыс. р., расходных операциях для НКО на сумму свыше 100 тыс. р., операциях с недвижимостью стоимостью более 3 млн р. [3].

В настоящее время сложность контроля за отмыыванием денег возрастает в связи с развитием систем электронных платежей и виртуальных валют. Способы регистрации операций в системах электронных платежей облегчают отмыывание денег и уклонение от уплаты налогов. Большинство применяемых мер против отмыывания денег основано на использовании регистрации переводимых сумм и реквизитов отправителей и получателей банками и другими финансовыми организациями. При использовании электронных денег такие записи практически не ведутся. Некоторые системы позволяют переводить крупные суммы денег, не оставляя следов ни на бумаге, ни в компьютере. Вышеизложенное объясняет необходимость анализа, оценки и повышения результативности функционирования системы финансового контроля и надзора в целях противодействия отмыыванию доходов, полученных преступным путем.

Схематически система контроля и надзора в сфере ПОД/ФТ в РФ представлена на рисунке 1.

В соответствии с № 115-ФЗ в поднадзорных организациях, приведенных на рис. 1, необходимы проведение внутреннего контроля и передача информации о подозрительных операциях в Росфинмониторинг и другие органы контроля и надзора в трехдневный срок [3]. Далее, органы контроля и надзора аккумулируют информацию, анализируют ее, осуществляют проверки организаций, при этом тесно сотрудничают с правоохранительными органами, обеспечивая их необходимой информацией. Как отмечает А.А. Лопатина, выявление экономических преступлений обеспечивается тесным взаимодействием структурных подразделений МВД России с Росфинмониторингом. При этом ссылаются на анкетирование более 150 сотрудников УЭБиПК МВД России, в результате которого установлено, что важным источником информации о незаконной деятельности является именно Росфинмониторинг. По мнению ряда оперативных сотрудников, информация Росфинмониторинга позволяет без утечки информации задокументировать организации, участвующие в преступной схеме по незаконному обналачиванию денежных средств [4].

Росфинмониторинг, совершенствуя свою деятельность, руководствуется методическими рекомендациями ФАТФ, тесно взаимодействует с ПФР других стран, причем в настоящее время сотрудничество России с другими странами по линии ПОД/ФТ продолжается, несмотря на

введенные ограничения и санкции в отношении российской экономики. Особенно тесное взаимодействие происходит со странами-членами ЕАГ, которые периодически проводят взаимные оценки на предмет соответствия страны и деятельности ее ПФР рекомендациям ФАТФ.

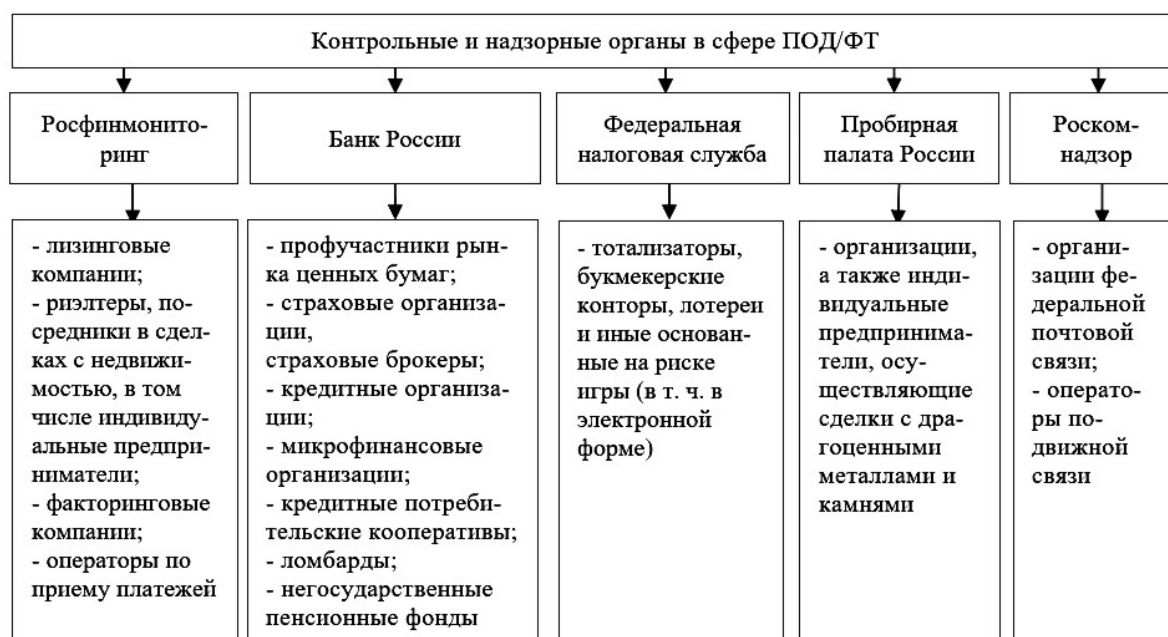

Рисунок 1 – Система контроля и надзора в сфере ПОД/ФТ в РФ

О результатах совместной работы Росфинмониторинга и правоохранительных органов по противодействию отмыванию преступных доходов в

РФ свидетельствуют показатели таблице 1, составленной на основании данных отчета о взаимной оценке РФ, утвержденного ФАТФ в 2019 г. [5].

Таблица 1

Результаты использования правоохранительными органами РФ аналитических материалов Росфинмониторинга, касающихся отмывания денег

Уголовные дела, связанные с отмыванием денег (ОД)	2014	2016	2018	Темп роста, %
Количество преступлений ОД, выявленных Росфинмониторингом, ед., всего, в том числе:	774	818	993	128,3
– ст. 174.1 (самоотмывание)	695	794	968	139,3
– ст. 174 (отмывание через третьих лиц)	79	24	25	31,6
Расследования правоохранительными органами ОД по основным статьям, ед., всего, в том числе:	618	679	712	115,2
– ст. 174.1 (самоотмывание)	533	655	696	130,6
– ст. 174 (отмывание через третьих лиц)	85	24	16	18,8
Доля преступлений ОД по основным статьям, расследованных правоохранительными органами, %	79,8	83,0	71,7	89,8
Расследования ОД правоохранительными органами на основании информации Росфинмониторинга, ед.	274	405	348	127,0
Доля расследований правоохранительными органами на основании информации Росфинмониторинга, %	35,4	49,5	35,0	98,9
Судебные преследования за ОД по основным статьям, ед.	531	621	613	115,4
Судебные преследования за ОД на основании информации Росфинмониторинга, ед.	85	141	191	224,7
Доля судебных преследований за ОД на основании информации Росфинмониторинга, %	16,0	22,7	31,2	195,0
Обвинительные приговоры за ОД по основным статьям	248	412	426	171,8
Обвинительные приговоры за ОД на основании информации Росфинмониторинга	53	96	100	188,7
Доля обвинительных приговоров за ОД на основании информации Росфинмониторинга, %	21,4	23,3	23,5	109,8
Количество лиц, которым предъявлено обвинение в ОД, ед.	448	596	619	138,2
Количество осужденных лиц за ОД, ед.	248	412	426	171,8
Доля осужденных лиц за ОД, %	55,4	69,1	68,8	124,2

Как следует из таблицы 1, за рассматриваемый период временно заметно возросло количество преступлений по самоотмыванию преступных доходов, выявленных Росфинмониторингом. Однако доля преступлений по отмыванию преступных доходов, расследованных правоохранительными органами, значительно ниже числа преступлений, выявленных Росфинмониторингом. Еще меньше доля судебных преследований за отмывание преступных доходов на основании информации Росфинмониторинга (немногим более 30 % в 2018 г.). Во многом недостаточно высокая доля судебных преследований и приговоров от общего числа выявленных преступлений связана с отсутствием доказательств, которые могут быть предъявлены в процессе судебных разбирательств. Кроме того, серьезную проблему вызывает необходимость доказательства совершения предикатного преступления по отношению к легализации преступных доходов.

Литература:

1. Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года: утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. URL : <http://consultant.ru/> (дата обращения 15.05.2022).
2. *Зайцева Е.В.* К вопросу об организации взаимодействия правоохранительных органов с Росфинмониторингом / Е.В. Зайцева // Евразийский юридический журнал. 2019. № 8(135). С. 270–272.
3. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ. URL : <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 15.05.2022).
4. *Лопатина А.А.* Проблемные аспекты взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с Росфинмониторингом при выявлении, раскрытии и расследовании незаконной банковской деятельности / А.А. Лопатина // NOVAUM.RU. 2019. № 17. С. 245–247.
5. Меры по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма : отчет о взаимной оценке Российской Федерации. 2019 год. URL : <https://www.fatf-gafi.org/publications/mutualevaluations/documents/mer-russian-federation-2019.html> (дата обращения 15.05.2022).

Таким образом, несмотря на обработку Росфинмониторингом огромного массива данных о подозрительных финансовых операциях, результаты деятельности, выражающиеся в санкциях за нарушение антиотмывочного законодательства РФ, к сожалению, недостаточно высоки. Несмотря на то, что государственный контроль и надзор в РФ в последние годы достиг заметного прогресса, необходимо внедрение новых инструментов финансового контроля и надзора, в числе которых- развитие риск-ориентированного подхода в деятельности служб экономической безопасности организаций, систем внутреннего контроля, а также комплаенс-контроля деятельности организаций в РФ, предполагающего приведение показателей и направлений деятельности, связанной с финансовыми операциями, в соответствие с требованиями антиотмывочного законодательства.

Literature:

1. Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030: approved by Presidential Decree of May 13, 2017 № 208 URL : <http://consultant.ru/> (date of reference 15.05.2022).
2. *Zaitseva E.V.* On the organization of interaction between law enforcement bodies and Rosfinmonitoring / E.V. Zaitseva // Eurasian law journal. 2019. № 8(135). P. 270–272.
3. On counteraction to legalization (laundering) of proceeds of crime and financing of terrorism : federal law of 07.08.2001 № 115-FZ. URL : <http://www.consultant.ru/> (date of reference 15.05.2022).
4. *Lopatina A.A.* Problem aspects of interaction between law enforcement officers and Rosfinmonitoring in revealing, uncovering and investigating illegal banking activities / A.A. Lopatina // NOVAUM.RU. 2019. № 17. P. 245–247.
5. Measures to combat money laundering and Terrorism financing : a mutual evaluation report of the Russian Federation. 2019. URL : <https://www.fatf-gafi.org/publications/mutualevaluations/documents/mer-russian-federation-2019.html> (date of application 15.05.2022).

Перькова Елена Павловна
аспирантка кафедры финансов и кредита,
Воронежский
государственный университет
eputilina@mail.ru

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА И ИНФЛЯЦИОННЫЕ ОЖИДАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АГЕНТОВ

Аннотация. Инфляционные ожидания, являющиеся значимым фактором в определении будущей динамики инфляции, в настоящий момент остаются высоко волатильными и в значительной мере подверженным внешним шокам. В данной статье приводится анализ влияния инфляционных ожиданий населения и бизнеса на динамику фактической инфляции, поддержание целевого уровня которой является основной целью денежно-кредитной политики Банка России в рамках режима таргетирования инфляции. Дается краткое описание механизма действия инфляционных ожиданий, а также приводится сопоставление инфляции и инфляционных ожиданий физических и юридических лиц с целью оценки взаимосвязи между ними, а также для оценки характера инфляционных ожиданий, присущего субъектам нашей страны: насколько волатильными и подверженными шокам они являются.

Ключевые слова: инфляционные ожидания, денежно-кредитная политика, информационная политика, таргетирование инфляции.

Закрепление инфляционных ожиданий имеет первостепенное значение для возможности центральных банков обеспечивать стабильную инфляцию и минимизировать волатильность цен. Кроме того, инфляционные ожидания экономических агентов являются одним из ключевых факторов, которые определяют уровень инфляции в стране.

По мере дальнейшего изучения природы инфляционных процессов, в том числе с целью прогноза их будущей динамики, уделяется все более пристальное внимание наблюдению за ожиданиями, особенно в странах, таргетирующих инфляцию. В режиме инфляционного таргетирования эффективность денежно-кредитной политики зависит от понимания общественностью решений центральных банков, поскольку ожидания являются ключевым каналом механизма передачи от политических решений к экономике.

Одной стран, чей Центральный банк таргетирует инфляцию, является Российская Федерация – после перехода Банка России к политике таргетирования инфляции в 2014 году одной из его целей

Elena P. Perkova
Postgraduate Student of the Department
of Finance and Credit,
Voronezh State University
eputilina@mail.ru

MONETARY POLICY AND INFLATION EXPECTATIONS OF ECONOMIC AGENTS

Annotation. Inflation expectations, which are a significant factor in determining the future dynamics of inflation, currently remain highly volatile and largely subject to external shocks. This article analyzes the impact of inflation expectations of the population and business on the dynamics of actual inflation, the maintenance of the target level of which is the main goal of the monetary policy of the Bank of Russia within the framework of the inflation targeting regime. In this article has given a description of the mechanism of inflation expectations action. In addition, author has compared an inflation level and level of inflation expectations of economic agents in order to assess the relationship between them, as well as to assess the nature of inflation expectations inherent in the subjects of our country: how volatile and susceptible to shocks they are.

Keywords: inflation expectations, monetary policy, information policy, inflation targeting.

стало снижение и закрепление инфляционных ожиданий, что, в свою очередь, будет способствовать поддержанию ценовой стабильности.

Основной аспект инфляционных ожиданий – это отражения доверия экономических агентов к центральному банку и его приверженность поддержанию стабильности цен. Долгосрочные инфляционные ожидания возрастут, если в какой-либо момент времени это доверие ослабнет. Соответственно, центральные банки внимательно следят за ценовыми ожиданиями бизнеса и населения как одним из решающих факторов в достижении цели по инфляции. Если экономические агенты уверены в обоснованности действий центрального банка и в его возможности по достижению и удерживанию инфляции на целевом уровне, то достичь этой цели становится намного легче. Хозяйствующие субъекты будут принимать решения, рассчитывая на целевой показатель инфляции (в случае Банка России – вблизи 4 %) [1, 2].

В простейшем своем представлении механизм влияния ценовых ожиданий следующий: рост требований работников к заработной плате впоследствии может повлиять на решения компаний при

ценообразовании. Более высокая заработная плата, с одной стороны, – это увеличение издержек, а с другой – увеличение спроса, который также является проинфляционным фактором (у работников больше располагаемого дохода).

Кроме того, если предприятия ожидают роста цен (например, удорожания сырья, комплектующих или других элементов производственного процесса), они с большой вероятностью поднимут отпускные цены, чтобы избежать снижения рентабельности (рис. 1).

Рисунок 1 – Механизм действия инфляционных ожиданий

В теории динамика ценовых ожиданий в большей мере определяется следующими факторами:

- текущий уровень инфляции;
- прошлые тенденции инфляции – в странах с резкими колебаниями цен в прошлом инфляционные ожидания являются более пессимистичными;
- общие экономические перспективы (рецессия, безработица и др.);
- динамика заработной платы;
- доверие к денежно-кредитной политике, о котором говорилось выше.

В данной работе представлено сопоставление инфляции и инфляционных ожиданий с целью

оценки взаимосвязи между ними, а также для оценки характера инфляционных ожиданий.

В качестве показателя инфляции для потребительского сектора взят индекс потребительских цен Росстата (ИПЦ к аналогичному периоду предыдущего года), а ожидания – с помощью данных, полученных в ходе опросов населения ООО «ИНФОМ» в режиме «face-to-face» [4]. Для производственного сектора – индекс цен производителей (ИЦП) также к аналогичному периоду предыдущего года и данные мониторинга предприятий, проводимого Банком России [5, 6]. К сожалению, ограниченность доступных рядов инфляционных ожиданий не позволяет провести анализ на уровне конкретного региона, поэтому в данной работе он представлен на уровне России в целом.

Основные результаты проведенного сопоставления представлены на рисунках 2, 3.

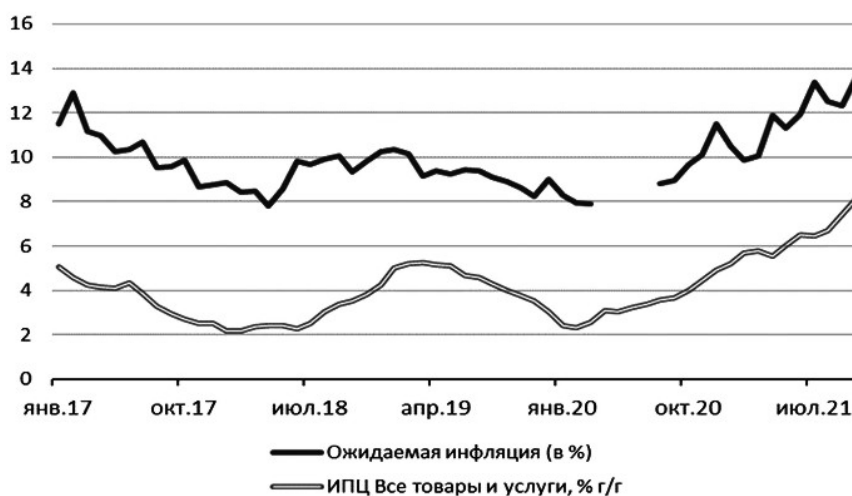

Рисунок 2 – Инфляционные ожидания населения и ИПЦ

Очевидно, что динамика инфляционных ожиданий населения и инфляции практически идентична. При этом ожидаемый уровень инфляции волатилен в большей степени, чем фактический уровень инфляции. Пики инфляции в ожиданиях

выражены более ярко, что может быть связано с несколько пессимистичными настроениями населения, что закономерно, учитывая российский исторический опыт.

Рисунок 3 – Ценовые ожидания предприятий и индекс цен производителей

В свою очередь, ожидания бизнеса являлись более разнонаправленными с динамикой цен производителей, особенно в провальный период пандемии, когда шок отразился на всех сегментах экономики, в том числе в промышленном производстве. Перебои с поставками комплектующих и сырья, неопределенность в будущей динамике экономических показателей, а также рост цен в потребительском секторе и повышение заработных плат работникам в ряде отраслей, отразились на резком скачке цен производителей в 2021 году с превышением фактического уровня над ожидаемым по состоянию на сентябрь 2021 года.

Поддержание ценовой стабильности – ключевая задача государства, в большей мере центральных банков. Инфляционные ожидания, являющи-

ся значимым фактором в определении будущей динамики инфляции, в настоящий момент остаются высоко волатильными и в значительной мере подверженным внешним шокам.

В текущих условиях достижение основной цели денежно-кредитной политики Банка России (поддержание инфляции вблизи 4 %) значительно усложнилось. Обеспечение информационной открытости и разъяснение целей принимаемых решений положительно сказывается на закреплении инфляционных ожиданий как населения, так и бизнеса. Поэтому в настоящий момент, когда влияние немонетарных факторов столь значимо, возросла роль информационной политики в качестве способа повышения эффективности денежно-кредитной политики.

Литература:

1. Официальный сайт Центрального банка РФ. URL : <http://www.cbr.ru>
2. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов. URL : http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2022_2024
3. Обзор финансовой стабильности II–III кварталы 2021 года. URL : https://cbr.ru/analytics/finstab/ofs/2_3_q_2021
4. Информационно-аналитический комментарий Банка России «Инфляционные ожидания и потребительские настроения». URL : https://cbr.ru/Collection/Collection/File/39353/Infl_exp_21-11.pdf
5. Федеральная служба государственной статистики. URL : <http://www.gks.ru>
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL : <https://www.fedstat.ru>

Literature:

1. Bank of Russia. URL : <http://www.cbr.ru>
2. The main directions of the unified state monetary policy for 2022 and the period 2023 and 2024. URL : http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2022_2024
3. Financial Stability Review II–III quarters of 2021. URL : https://cbr.ru/analytics/finstab/ofs/2_3_q_2021
4. Analytical commentary of the Bank of Russia «Inflation expectations and consumer sentiment». URL : https://cbr.ru/Collection/Collection/File/39353/Infl_exp_21-11.pdf
5. Federal State Statistics Service. URL : <http://www.gks.ru>
6. Unified interdepartmental information and statistical system. URL : <https://www.fedstat.ru>

Шевченко Екатерина Петровна

бакалавр экологии,
заведующая кабинетом
кафедры национальной экономики
экономического факультета,
Российский университет дружбы народов
shevchenko-ep@rudn.ru

Мазурчук Тимофей Михайлович

аспирант кафедры
национальной экономики
экономического факультета,
Российский университет дружбы народов
mazurchuk_tm@pfur.ru

**Конкурентоспособность
РОССИЙСКОГО ПРИРОДНОГО ГАЗА
НА РЫНКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Аннотация. В научной работе анализируется потенциал укрепления конкурентных преимуществ экспорта российского природного газа на рынок Европейского Союза в условиях санкционных ограничений и «экономики отмены». Цель работы – выявить устойчивые конкурентные преимущества, позволяющие России даже в нестационарных экономических и политических ситуациях сохранить долю на Европейском газовом рынке. Научной базой работы послужили российские и иностранные экспертные оценки, нормативно-правовая база РФ и государственные и корпоративные статистические данные.

Ключевые слова: газовая отрасль России, рынок Европейского Союза, санкционные ограничения Запада, конкурентоспособность российского природного газа, сжиженный природный газ, диверсификация торговли, топливно-энергетический комплекс, азиатские торговые партнеры.

Экспорт природного газа из России в страны Европейского Союза (далее – ЕС) считается одним из важнейших направлений реализации российского топливного сырья и формирует до 40 % газовых доходов в бюджет. Многие страны ЕС еще, начиная с 20-го века, активно закупали российский природный газ, в первую очередь трубопроводным путем – как одним из наиболее надежных и стабильных при постоянных поставках. К 2022 г. экономики ряда стран в значительной степени зависят от поставок российского газа, а такие страны, как: Венгрия, Латвия, Словакия, Чехия, Болгария, Финляндия, Литва более чем на 90 % импортируют природный газ из РФ, обеспечивая не только внутренний рынок, но и отправляя газ на реэкспорт (рис. 1.)

Ekaterina P. Shevchenko

Bachelor of Ecology,
Head of the Cabinet
of the Department of National Economics
of the Faculty of Economics,
Peoples' Friendship University of Russia
shevchenko-ep@rudn.ru

Timofey M. Mazurchuk

Graduate Student of the Department
of the National Economy
Faculty of Economics,
Peoples' Friendship University of Russia
of Russia mazurchuk_tm@pfur.ru

**COMPETITIVENESS
OF RUSSIAN NATURAL GAS
IN THE EUROPEAN UNION MARKET
UNDER MODERN CONDITIONS**

Annotation. The scientific work analyzes the potential for strengthening the competitive advantages of Russian natural gas exports to the European Union market in the context of sanctions restrictions and the «cancellation economy». The purpose of the work is to identify sustainable competitive advantages that allow Russia to maintain its share in the European gas market even in non-stationary economic and political situations. The scientific basis of the work was Russian and foreign expert assessments, the legal framework of the Russian Federation and state and corporate statistics.

Keywords: Russian gas industry, European Union market, Western sanctions, competitiveness of Russian natural gas, liquefied natural gas, trade diversification, fuel and energy complex, Asian trading partners.

В этой связи, заявления и действия ряда политиков ЕС, регламентирующих постепенный отказ от российского газа уже в 2023–2024 гг., вызывает обеспокоенность на рынке, в следствие чего, цены на природный газ достигали исторических максимумов 3892 долл. США за тыс. куб. м. в марте 2022 г., в мае цена на европейском рынке опустилась и держится на отметках около 1000 долл. США за тыс. куб.м., что позволило получить для РФ почти вдвое больший доход за период февраль-май, по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. [6, с. 344–345].

Для России краткосрочные повышения цен на газ практически в несколько раз, по факту, оказали положительное влияние даже, несмотря на

уменьшение поставок природного газа на 30 % по сравнению с 2021 г. Однако в долгосрочной перспективе, снижение торговых сделок по газовым контрактам с ЕС – как одним из основных импортеров газа, может оказать негативное влияние не только на отрасль, но и экономику России, в целом [2]. Безусловно, Россия дифференцирует

свои поставки, и с марта 2022 г., такие страны как Китай, Индия, Республика Корея, Тайвань и другие страны Юго-Восточной Азии увеличили импорт российского газа на 10–15 %, но все же в сравнении с общим объемом поставок в ЕС, доля не превысила 8 %. [7, с. 55].

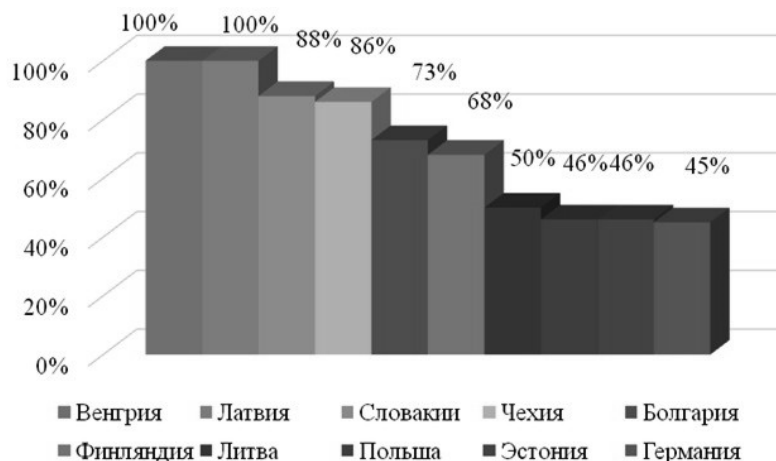

Рисунок 1 – Доля российского природного газа в общестрановом потреблении в 2021 году.

Источник: составлено авторами по данным [4].

Сложившаяся ситуация имеет неординарный эффект: официальные поставки сокращаются, между тем, растет реэкспорт российского природного газа из других стран, а сжиженный природный газ (далее – СПГ) активно закупается у России странами Европы по «безымянным маршрутам». Также, необходимо проанализировать потенциал других стран-экспортеров природного газа в первоначальном виде и СПГ замены российского предложения. Так, США увеличили поставки СПГ в порты европейской зоны в 3,7 раз с марта 2022 года. По заявлениям политического истеблишмента США, страна сможет покрыть до 10 % поставок природного газа из России в ЕС к 2024 году, однако, стоимость 1 куб. метра газа из США в среднем 2,8–3 раза выше российских условий, что негативно скажется на экономике ЕС. Также, необходимо будет ввести в эксплуатацию не менее 3 газовых терминалов, обрабатывающих СПГ и преобразующих сжиженную смесь обратно в исходную форму [5].

Добыча в апреле 2022 г. природного газа в США достигла 95 млрд куб. футов в сутки, что на 7,2 % больше чем за аналогичный период 2021 г. При сохранении подобных темпов роста, США смогут увеличить объемы добычи до 130 млрд куб. футов в сутки к 2024 г., однако, сбыт дополнительных мощностей СПГ в страны Азии и Европы возможны только после 2025 г., когда будут достроены новые заводы по переработке СПГ для последующих морских поставок. Альтернативой для США на газовом рынке ЕС может быть Катар. Доля экспорта катарского СПГ, в ЕС составляет 30 %, остальные 70 % уходят в азиатский регион. Правительство Катара заявило, что готово нарастить добычи и поставки СПГ в Европу к 2024 г., однако государству выгодней поставлять прежние объемы природного газа, только по большим ценам в условиях топливного дефицита [3, с. 344].

Альтернативные источники энергии (далее – АИЭ), следующий потенциальный источник, заменяющий российский природный газ. Однако, по оценкам Еврокомиссии, полный переход на АИЭ возможен в течение 10 лет и обойдется странам ЕС в 4,6 трлн евро, а ежегодное поддержание работоспособности таких систем будет обходиться на 150 млрд евро больше, чем закупки природного газа по ценам 2021 года. Также, нерешенным вопросом остается и экологический аспект – более 70 % частей ветряных генераторов и около 40 % компонентов солнечных панелей не подлежат эффективной утилизации и странам ЕС, фактически, придется создавать новые полигоны под отработанные части установок АИЭ [1, 5]. Франция и Германия в апреле 2022 г. заявили о потенциале восстановления атомной промышленности на территории своих стран, для снижения зависимости от российского природного газа. Подобный способ является эффективной заменой использования газа, однако, строительство новых энергоблоков, даже на основе свернутых производств произведет дополнительных расходов на сумму в 233 млрд евро, для Франции и 317,7 млрд евро для Германии. Сроки восстановления атомной промышленности рассчитываются в пределах от 7 до 12 лет и помогут снизить зависимость от российского природного газа для этих стран на 35–40 %. Стоит отметить, что сырье и компоненты реакторов возможно закупить в подобных объемах (16 энергоблоков во Франции и 24 в Германии), только в России, что также создаст дополнительные экспортные доходы [8 с. 50–53].

В заключение, стоит отметить, что для Европейского Союза, и особенно для стран с высокой долей импорта российского природного газа, попытки даже частичного снижения зависимости от российских поставок, окажут негативный эффект для ВВП в ближайшей перспективе, а в

долгосрочной создадут стабильные дополнительные расходы, которые станут бременем граждан и бизнеса. Министр экономики Германии Роберт Хабек утверждает, что сбои в производстве основных ресурсов, таких как продукты питания, химикаты, топливо, автомобильная промышленность вызовут волновой эффект во всех цепочках создания стоимости. Основной проблемой является недостаточное время для адаптации экономики Европы, страны планировавшие частичное исключение природного газа из экономики только к 2050 г., в рамках проекта углеродно-нейтральной экономики [2]. В современных реалиях, странам ЕС необходимо рационализировать подход к выбору поставок топливно-энергетическим ресурсов, так как реформирование экономики энергетики и производства

Литература:

1. 2050 Long-term climate strategy EU [перевод] Долгосрочная климатическая стратегия ЕС до 2050 года. URL : https://ec.europa.eu/clima/eu-action/climate-strategies-targets/2050-long-term-strategy_en
2. Власти ФРГ увидели риск подорожания газа после прекращения поставок Дании. URL : <https://www.rbc.ru/politics/06/06/2022/629df26f9a7947a51634d809>
3. *Мазурчук Т.М.* Использование сжиженного природного газа для обеспечения энергобезопасности и энергонезависимости отдаленных регионов России / Экономика и предпринимательство. / Т.М. Мазурчук, А.И. Терешенкова // 2019. № 5 (106). С. 342–345.
4. Министерство энергетики России. URL : <https://minenergo.gov.ru>
5. Операция «газ за рубли» завершена: кто отказался платить. URL : <https://www.mk.ru/politics/2022/06/04/operaciya-gaz-za-rubli-zavershena-kto-otkazalsya-platit.html>
6. *Черняев М.В.* Особенности формирования и развития «зеленой» экономики в странах Европейского Союза / М.В. Черняев, О.И. Аширова // Сборник материалов III межвузовской научной конференции и круглого стола. 2-е изд. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М., 2021. С. 342–351.
7. *Черняев М.В.* Развитие торговых отношений между Россией и КНР: вчера, сегодня, завтра / М.В. Черняев, Д.Ф. Кудряков // Современная наука. 2021. № 1. С. 53–56.
8. Роль и место австрийской нефтяной компании Österreichische Mineralölverwaltung в энергетической структуре Евросоюза и стратегические проекты с Россией / М.В. Черняев [и др.] // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2019. № 2. С. 47–54.

десятков государств может повлечь экономический кризис. Россия, сможет заместить часть упущенной выгоды на Азиатском рынке, так как даже если страны-члены ОПЕК и другие страны-экспортеры природного газа компенсируют долю РФ на европейском рынке, освободившиеся ниши на азиатском рынке могут быть аналогично заняты российским предложением.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках инициативной научно-исследовательской работы № 061611-0-000 на тему «Комплексное решение для повышения экономической эффективности угольной промышленности как условие укрепления энергетической безопасности России», выполняемой на базе кафедры национальной экономики экономического факультета РУДН.

Literature:

1. 2050 Long-term climate strategy EU [translation] Long-term climate strategy of the EU until 2050. URL : https://ec.europa.eu/clima/eu-action/climate-strategies-targets/2050-long-term-strategy_en
2. The German authorities saw the risk of a rise in gas prices after the cessation of supplies to Denmark. URL : <https://www.rbc.ru/politics/06/06/2022/629df26f9a7947a51634d809>
3. *Mazurchuk T.M.* The use of liquefied natural gas to ensure energy security and energy independence of remote regions of Russia / T.M. Mazurchuk, A.I. Tereshenkova // Economics and Entrepreneurship. 2019. № 5(106). P. 342–345.
4. Ministry of Energy of Russia. URL : <https://minenergo.gov.ru>
5. The operation «gas for rubles» is completed: who refused to pay. URL : <https://www.mk.ru/politics/2022/06/04/operaciya-gaz-za-rubli-zavershena-kto-otkazalsya-platit.html>
6. *Chernyaev M.V.* Features of the formation and development of the «green» economy in the countries of the European Union / M.V. Chernyaev, O.I. Ashirova // Collection of materials of the III inter-university scientific conference and round table // 2nd ed. Financial University under the Government of the Russian Federation. M., 2021. P. 342–351.
7. *Chernyaev M.V.* Development of trade relations between Russia and China: yesterday, today, tomorrow / M.V. Chernyaev, D.F. Kudryakov // Modern science. 2021. № 1. P. 53–56.
8. The role and place of the Austrian oil company Österreichische Mineralölverwaltung in the energy structure of the European Union and strategic projects with Russia / M.V. Chernyaev [et al.] // Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society. 2019. № 2. P. 47–54.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 20.06.2022
Подписано в печать 24.06.2022
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 9,5
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 92

e-mail: id.yug2016@gmail.com